

Протоиерей Димитрий Денисенко
Борис Кузык

КОРИС И ГЯСЬ

ЖИЗНЬ, ПОДВИГИ, ЧУДЕСА
ПЕРВЫХ РУССКИХ СВЯТЫХ

*Духовное чтение
для познания истории
Святой Руси*

2005

УДК 94(470)(09)+2(470)(09)
ББК 63.3(2)41+86.03
П 83

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
АРХИЕПИСКОПА ВЫШГОРОДСКОГО ПАВЛА
И АРХИЕПИСКОПА ЧЕРКАССКОГО И КАНЕВСКОГО СОФРОНИЯ

Протоиерей Димитрий Денисенко, Борис Кузык
П 83 Борис и Глеб. Жизнь, подвиги, чудеса первых русских святых: Духовное чтение для познания истории Святой Руси. – Д.: АРТ-ПРЕСС, 2005. – 244 с.

ISBN 966-7036-53-7

Книга представляет собою сборник статей о первых русских страстотерпцах Борисе и Глебе, духовному осмыслению совершенного ими подвига и исторической эпохи. Книга предназначена для слушателей духовных семинарий и академий, а также для всех, кто интересуется отечественной историей.

Авторы выражают свою искреннюю признательность кандидату богословских наук, протоиерею Петру Дмитруку за консультации и помощь в создании этой книги.

**УДК 94(470)(09)+2(470)(09)
ББК 63.3(2)41+86.03**

ISBN 966-7036-53-7

© Протоиерей Димитрий Денисенко,
Б. Н. Кузык, 2005
© Александр Горшков,
компьютерный дизайн, 2005

СВЯТЫЕ БОРИС И ГЛЕБ РЯДОМ С НАМИ

Предлагаемая боголюбивому читателю книга в строгом смысле слова не богословский труд и не историческое исследование, а сборник, вобравший, по нашему мнению, все лучшее, что было сказано и написано в разные времена разными людьми о подвиге святых русских князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. Подвиг сей и историческая эпоха, в которой он был совершен, настолько велики и многозначны, что всегда оставляют место для нового слова и нового осмысления. И в этом нет ничего удивительного, ибо такова доля того, что является непреходящим во веки веков.

Глубины столетий отделяют нас от эпохи, в которой жили и подвизались братья Борис и Глеб. Но всякий раз, мысленно обращаясь к их подвигу, испытываешь внутренний трепет, словно предания седой старины неизъяснимым и чудесным образом оживают, становясь созвучными сегодняшним реалиям. Вражда и искусы, веками терзающие Русь, погружали ее во мрак междоусобиц и кровопролитий, и только святая вера в

КУЗЫК
Борис Николаевич

Родился в 1958 году. Окончил два высших учебных заведения. Занимал руководящие посты в Министерстве обороны, Министерстве внешних экономических связей, Администрации Президента Российской Федерации.

Президент Института экономических стратегий (ИНЭС), доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, лауреат Государственной премии Российской Федера-

ции в области науки и техники.

Член Союза писателей России. Автор двенадцати монографий и нескольких учебников.

Активно участвует в возрождении храмов, монастырей и других православных святынь. Поддерживает ряд крупных гуманитарных проектов.

Спасителя удерживала ее от рокового шага, озаряя светом покаяния и примирения.

Такой истории и такой судьбы, какие выпали на долю Руси, не имели другие страны и народы. Своим непостижимым Промыслом Господь словно проверял Русь на прочность веры и посылал ей многотрудные испытания, перед которыми, не выдержав их, многие этносы просто исчезали.

А Русь живет! Живет, несмотря на мрачные прогнозы ее тайных завистников и открытых недругов. Лишенная внешнего блеска, она во все времена являла и доселе являет удивительную внутреннюю красу и гармонию, недоступную умам прагматиков и материалистов, которые если и обращаются к Господу, то лишь затем, чтобы испросить земного достатка и сиюминутного благополучия.

Отнюдь не случайно русская история осенена немеркнущим Светом Христовым, в лучах которого воссияли имена тех, кто прославлял Имя Спасителя своими подвигами и своею жизнью. Начало этому подвижническому сонму положили святые мученики Борис и Глеб, во все века глубоко чтимые истинно православным людом.

Среди святых подвижников, чьи имена мы знаем, и чьи известны только Богу, мученики всегда занимали особое место.

В этом непорочном воинстве мы видим мужчин и женщин, убеленных сединами старцев и младенцев, представителей богатых сословий и бедняков, ратников и мирян, архипастырей и монахов. Ни одна христианская конфессия не может назвать такого значительного числа мучеников, принявших смерть и страдания во имя Христово, как наша Православная Церковь. Именно христианское мученичество являет собою наиболее глубокое выражение верности Тому, Кто Сам Себя предал в руки мучителей, приняв на Голгофе вольную смерть и страдания за грехи наши. Истинный и непреложный смысл мученичества заключен в словах Сына Человеческого: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13).

Мученичество в многострадальной истории Руси – это прежде всего нетленная борьба за верность Христу и за Святое Православие. От первых страстотерпцев Бориса и Глеба до пастырей и мирян, принявших смерть во имя Христово в застенках НКВД, от мучеников русской Голгофы 1930-х годов до страдальцев уже нынешнего смутного времени – таков тернистый путь народов, слитых Промыслом Божиим в единое и неделимое понятие – Святая Русь! Кто только не пытался овладеть ею, как

только ей не угрожали и чем не искушали! Но так же, как Господь вывел верное стадо из египетского плена, истинно так Он явил Свою неизреченную милость в пору отчаяния, когда казалось, что время русской истории уже остановилось.

Со страниц многоскорбной летописи лики святых князей-мучеников Бориса и Глеба смотрят на нас с особым состраданием, ибо, сполна испив горькую чашу братоубийства, они познали истинную цену вражды и взаимного недоверия – тех самых плевел, которые ныне стараются посеять недруги кровного славянского братства. Посему все мы, кому дороги Православие, Церковь и Святая Русь, должны обратить свои молитвы ко святым Борису и Глебу, дабы Господь дал нам сил и терпения для сохранения духовного единства.

Тот, кто полагает, что мученики и праведники прошлого слишком далеки от нас, что это лишь некий поэтический образ, не только глубоко ошибается, но и обделяет себя духовно, лишаясь покровительства святых угодников. По милости Божьей мне довелось объехать немалые просторы России, Белоруссии и Украины, побывать во многих странах, исповедующих Православие. И всюду, где бы я ни был, я встречал храмы, построенные в память святых Бориса и Глеба, видел иконописные образы и фрески страстотерпцев. Ореол любви, которым окружены эти великие мученики, их небесное заступничество дает нам силы побеждать внешних врагов и внутренние искусы, оставаться верными Православию и не сойти с праведно-

го пути, уготованного нам Промыслом Божиим.

Любовь ко святым благоверным мученикам-князьям подвигла и меня, названного во имя Бориса, взяться за издание этой книги, в которой мой любезный читатель найдет для себя много поучительного, познавательного и полезного. И если, прочитав и перечитав ее вновь, он обратит свои молитвенные взоры к благоверным Борису и Глебу, претерпевшим страдания во имя Иисуса, Матери-Церкви и родной земли, обильно политой кровью мучеников Христовых, буду безмерно счастлив от осознания того, что наши труды не были напрасными.

С любовью к Вам,
Борис КУЗЫК

С МЕЧОМ В РУКАХ, БЕЗ ЗЛОБЫ В СЕРДЦЕ

Протоиерей Димитрий ДЕНИСЕНКО окончил московские духовные семинарию и академию. Имеет ученую степень кандидата богословских наук. Преподаватель Киевской духовной академии, автор ряда богословских трудов.

При активном и непосредственном участии отца Димитрия был восстановлен из руин Борисоглебский храм Вышгорода, настоятелем которого он является по настоящее время.

Если значимость жизни человеческой измерить благостью дел и поступков, а ее земные пределы сопоставить с бессмертной памятью потомков, станет ясным, почему князья-страстотерпцы Борис и Глеб были первыми русскими святыми, канонизированными Русской и Византийской Церквами. Вместе со своим отцом равно-

апостольным великим князем Владимиром и его праматерью равноапостольной великой княгиней Ольгой благоверные братья Борис и Глеб вот уже десять столетий стоят во главе Собора русских святых, а их имена исполняют любовью сердца и озаряют светом страждущие души.

За восемь лет до принятия христианства, в самом начале правления великого князя киевского Владимира Святославича, Русь представляла собой огромную державу, состоящую из множества племен и народностей. Надо ли говорить, какую пеструю картину являло собою религиозно-нравственное состояние подданных великого князя. И хотя для славян не были характерны человеческие жертвоприношения и другие отвратительные проявления язычества,

тем не менее повсеместно были распространены многоженство, кровная месть, жестокость и клятвopеступления. Однако не зря народ прозвал своего правителя Красным Солнышком. Это былинное имя глаголило о новом расцвете Отечества. Поистине мудрый державный муж, не только объединил территории и народы, но прежде всего сумел укрепить и спасти дух Руси, обратив ее ко Христу.

И вот вскоре после крещения отнюдь не благодатная языческая почва, приняв семена истинной веры, произрастила два благоуханных цветка – сыновей св. Владимира, князей Бориса и Глеба. В полной мере житие и подвиг страстотерпцев нельзя назвать мученичеством за Христа, ибо они погибли в междоусобной братоубийственной войне. Но та вера в Небесного Отца, которую проявили князья в преддверии мучительной кончины, несомненно вводит их в число великих святых мужей.

Стоит вспомнить, что у Бориса и Глеба было достаточно воинов и слуг, которые могли бы защитить их и мечом навести порядок в государстве. Однако князья понимали, что последствия гражданской войны будут губительны для Руси. Жертвуя собой во благо Отчизны, не желая проливать кровь неповинных людей, страстотерпцы предали себя в руки мучителей, а всю надежду возложили на Творца и Промыслителя. Тем самым они указали новообращенной державе духовный вектор ее развития, состоящий в единстве, братстве и жертвенности. Собственно в этом и заключается воистину непреходящее значение подвига свв. Бориса и Глеба.

* * *

В начале XIII века, когда ревность к христианской вере в русских людях охладела, а княжеским войнам не было конца-края, духоносный старец Авраамий Смоленский восклицал: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное!» Поэтому грядущее вскоре нашествие монголо-татарских орд народ воспринял именно как наказание

за свои грехи и, в особенности, за княжеские междоусобицы. Это покаянное чувство, принесшее впоследствии добрый плод, несомненно, было вызвано и памятью о свв. Борисе и Глебе.

В чем же состоит сущность «подвига непротивления – национального религиозного подвига как подлинного религиозного открытия новокрещеного русского народа»? Злоба дня не дает ответа на этот вопрос. Очевидно, дело в том, что жертва святых князей вошла в «большое время» как негромкий голос совести, обращенный не просто к миру, но к сердцу каждого человека, как напоминание о его богоизбранности, выше которой ничего быть не может. «Чрез жития святых страсотерпцев, как чрез Евангелие, образ кроткого и страдающего Спасителя вошел в сердце русского народа навеки как самая заветная его святыня...»**

* * *

Благодатное воздействие, которое оказал подвиг страсотерпцев на души соотечественников, с течением времени стяжал все большее значение, которое еще более возвеличится в дальнейшем. Через девять веков после прославления свв. Бориса и Глеба их пример подвиг императора св. Николая II и его семью на жертвенные страдания во благо Отечества. Это кровавое деяние безбожной власти открыло для Русской Православной Церкви еще один век мученичества, коим по преимуществу стал век двадцатый, чему, как и убиению свв. Бориса и Глеба, предшествовало умаление любви, повлекшее умножение корысти, греха и разделений...

Поэтому сейчас, когда Отчизна на распутье, когда вновь царствуют ненависть и разделение, когда нажива, месть, разврат, эгоизм и самолюбие возводятся в ранг добродетелей, необходимо чаще прибегать в своих молитвах к угодникам Божиим страсотерпцам Борису и Глебу, да просветят они наш помраченный ум светом разума Святого Евангелия и научат носить тяготы друг друга – «и тако исполнити Закон Христов» (Гал. 6, 2).

* * *

Велико значение дивного подвига святых князей Бориса и Глеба, явившихся первым цветом русского Православия. Их короткая жизнь и мужественная кончина показывают, как быстро и обильно поднялось на русской почве семя веры, внедренное их отцом Крестителем Руси, св. равноапостольным великим князем Владимиром. Подвиг Бориса и Глеба знаменует появление на Руси но-

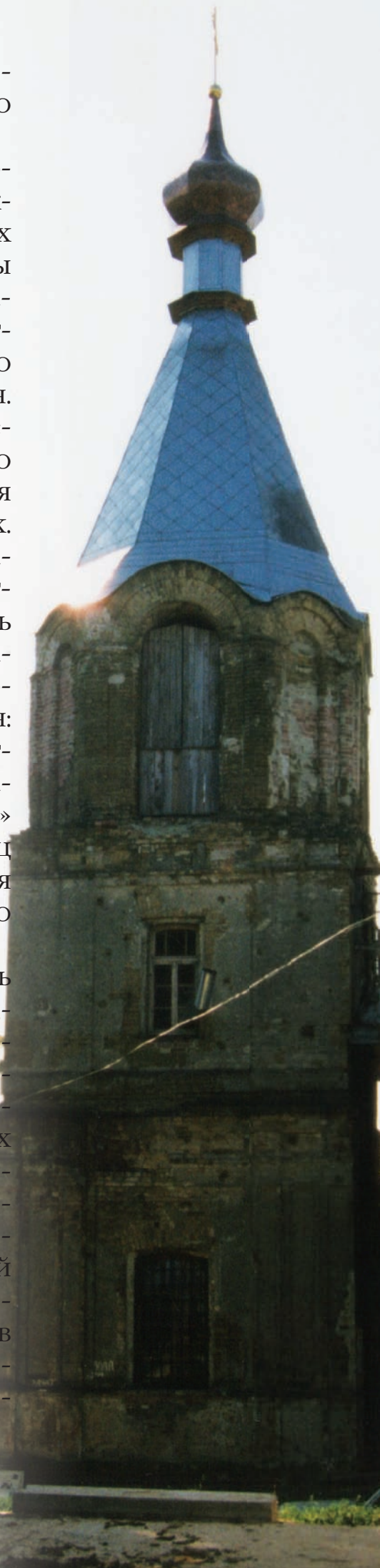
*Федотов Г. П. «Святые древней Руси» (М., 1990).

**Бычков В. В. «Русская средневековая эстетика XI–XVII веков» (М., 1995).

вого чина святых из числа христианских мучеников, названных страстотерпцами за страдания во имя Иисуса Христа по коварству единоверцев.

Русская Церковь прославляет тех, кто не убоился насильственной смерти, придавав ей характер вольной жертвы. Среди славного лика святых в сердце русского народа князя-страстотерпцы занимают особое место. И хотя они не были замучены за исповедание своей веры, а стали жертвами политических амбиций, поражает сходство их невинной смерти со страданиями Спасителя. Как Христос в Гефсимании, первые русские мученики Борис и Глеб были захвачены хитростью, но не проявили никакого сопротивления, несмотря на готовность приближенных вступить за них. Как Христос на Голгофе, они простили своих палачей и молились за них. Как Спаситель в предсмертной муке, они испытывали искушение поступить по своей воле и, как Он, отвергли искушение. В сознании юной Русской Церкви это соединилось с образом невинной жертвы, о которой говорит Исайя: «Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен...» (Ис. 53, 7). Через много веков русский летописец словно вторит ветхозаветному пророку, повествуя о смерти младшего из братьев: «Повар же Глеба по имени Турчин зарезал его как ягненка»...

Страстотерпие Бориса и Глеба можно сравнить с победоносной хоругвью, которая вела на подвиг их последователей: князя киевского и черниговского Игоря, тверского князя Михаила, царевича Димитрия Угличского и князя Андрея Боголюбского. В страданиях и смерти этих святых есть многое, объединяющее их планиду с судьбой последних Царственных мучеников. Бессонная ночь Николая II в молитве и слезах на станции Дно в черный год отречения, предсказанный святыми, сравнима с Гефсиманией Бориса и Глеба. Она была началом крестного пути, длиною в десять седмиц, сквозь «измену и трусость, и обман», как записал русский государь в своем днев-

нике. Богоизбранный правитель не захотел бороться за власть, боясь стать причиной нового кровопролития на без того уже истерзанной русской земле.

* * *

При всем том неверно понимать мученическую судьбу Бориса и Глеба единственно как призыв к непротивлению злу насилием. Их подвиг неизмеримо выше, он суть смирение пред волей Божией. Несомненно, души человеческие трепетали пред злобой земною, но познание Отца даровало братьям силу, смерть попирающую, посему страстотерпцы не усомнились в Промысле Божьем и безропотно принесли в жертву свои жизни Господу.

Многие святые стремились пройти Христовым путем, насколько это возможно по человеческой немощи. Своей мученической кончиной благоверные князья Борис и Глеб максимально приблизились к пониманию и принятию на себя Величайшей Христовой Жертвы, явившись к тому же образцом русского воинского мужества. И не случайно в этом году память святых братьев празднуют до преполовления Пятидесятницы, когда с особым чувством православные поют Пасхальные песнопения.

* * *

Уже за два десятилетия до принятия Православия, свв. Борис и Глеб своим подвигом предвосхитили вопросы, которые на протяжении веков тревожили Русь и продолжают волновать нас по сей день. Чем ответить на предстоящее покушение? Надо ли соблюдать политические расчеты и требования княжеского права? Стоит ли любой ценой наказывать самозванца? Может ли православный правитель стать не только зачином, но и одной из сторон предстоящей гражданской войны? Или необходимо всегда и во всем следовать высшему Закону, заповедям Христовым, призывая не к противостоянию, но к согласию и любви?

Разные правители отвечали на эти вопросы по-разному. Благоверный князь Борис не вступил в бой, напротив, он отослал от себя верную и опытную в боях дружину со словами: «Не подниму руки на брата своего старшего... пусть брат будет мне за отца!» Надеялся ли он на вразумление Святополка, прозванного затем народом Окаянным? Скорее всего, нет. В подтверждение этому летопись приводит великие слова князя, сказанные на берегу реки Альты: «Лучше мне единому умереть, чем стольким душам...»

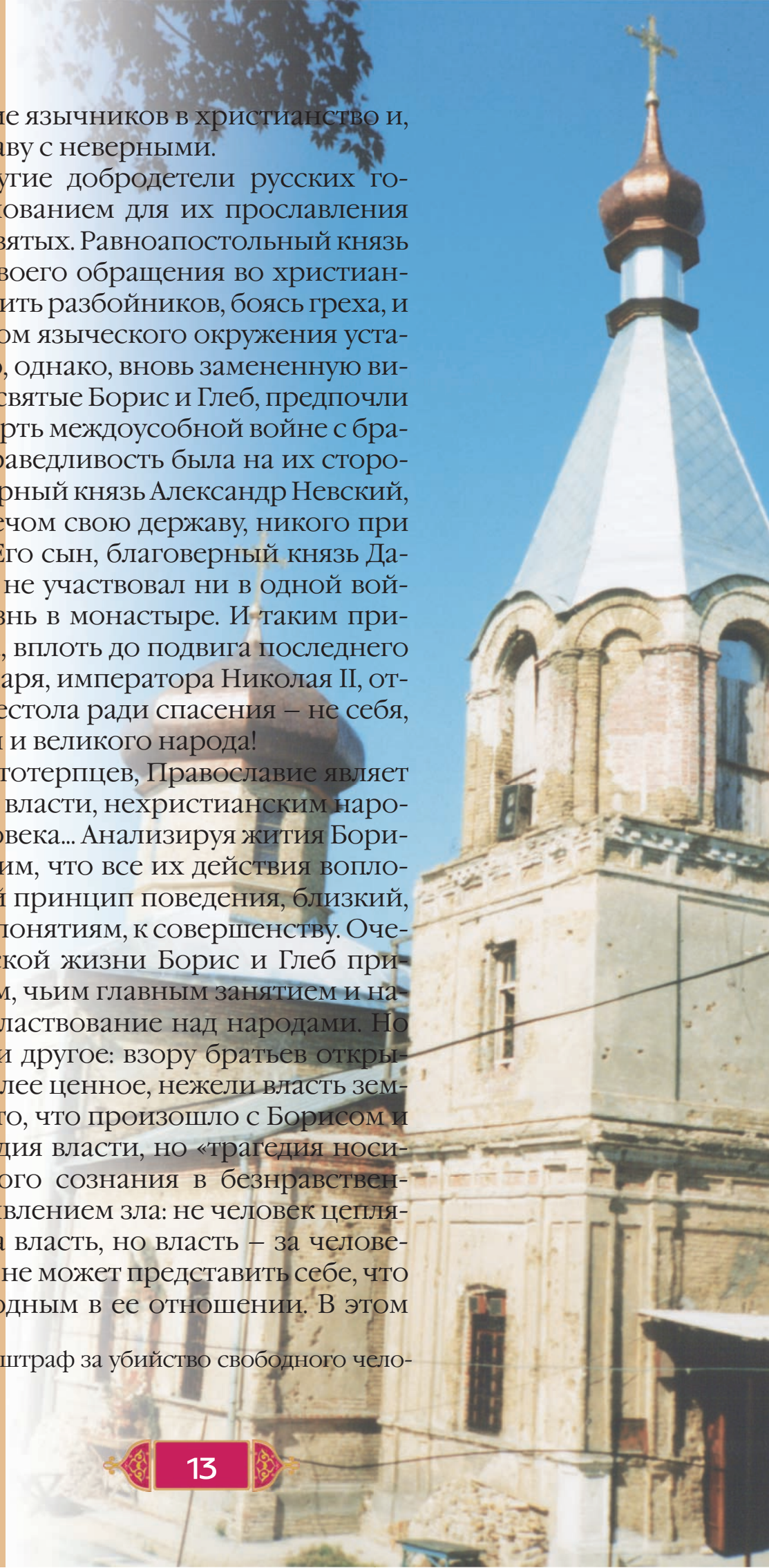
В отличие от православной России основной доблестью западных правителей считались завоевательные походы с целью расширения христианского мира. Начиная от Карла Великого (742–814) до монархов средневековья католический Рим поддерживал

силовое обращение язычников в христианство и, разумеется, расправу с неверными.

Совершенно другие добродетели русских государей стали основанием для их прославления Церковью в лике святых. Равноапостольный князь Владимир после своего обращения во христианство перестал казнить разбойников, боясь греха, и только под нажимом языческого окружения установил казнь, скоро, однако, вновь замененную вирой*. Его сыновья, святые Борис и Глеб, предпочли мученическую смерть междоусобной войне с братом, в которой справедливость была на их стороне! Святой благоверный князь Александр Невский, всегда защищая мечом свою державу, никого при этом не покорял. Его сын, благоверный князь Даниил московский, не участвовал ни в одной войне и закончил жизнь в монастыре. И таким примерам несть числа, вплоть до подвига последнего российского государя, императора Николая II, отказавшегося от престола ради спасения – не себя, а великой державы и великого народа!

Восхваляя страстотерпцев, Православие являет иное отношение к власти, нехристианским народам и свободе человека... Анализируя жития Бориса и Глеба, мы видим, что все их действия воплощали некий новый принцип поведения, близкий, по православным понятиям, к совершенству. Очевидно, что в мирской жизни Борис и Глеб принадлежали к людям, чьим главным занятием и назначением было властвование над народами. Но вполне очевидно и другое: взору братьев открылось нечто куда более ценное, нежели власть земная. По сути дела, то, что произошло с Борисом и Глебом – не трагедия власти, но «трагедия носителей нравственного сознания в безнравственной жизни перед явлением зла: не человек цепляется и держится за власть, но власть – за человека, потому что она не может представить себе, что можно быть свободным в ее отношении. В этом

* Вира – денежный штраф за убийство свободного человека. – *Прим. ред.*

смысле история Бориса и Глеба сохраняет свою актуальность и в наше время: ее уроки выросли в цене»*.

* * *

Итак, свобода по отношению к власти – вот главная отличительная черта Бориса и Глеба как государственных мужей. Это свобода исключительная, свобода во имя блага высшего, нравственного и духовного. Князья воплотили особенно близкий русской душе идеал правителя, который должен обладать огромным духовным богатством, позволяющим видеть «глубже» и «выше» власти как таковой, а значит, следовать в своем служении неким абсолютным законам, установленным Творцом. К сожалению, в русской (и, увы, не только в русской) истории часто преобладали совсем иные нравственные установки: или непримиримая борьба за власть, в ходе которой любые добрые намерения очень скоро превращались в свою противоположность (Иван IV, Петр I), или, свидетельствующий о непонимании своего предназначения, добровольный отказ от оной (Федор Иоанович, Александр I).

Однако даже не отношение к власти, не благочестие и ранняя духовная умудренность сделали Бориса и Глеба столь любимыми на Руси святыми. Суть их святости в том, что, имея возможность избежать смерти, они осознанно не уклонились от нее. Свободная воля, которой наделил человека Господь, в любой момент может оказаться перед подобным выбором, вот, собственно, почему так важен подвиг братьев-страстотерпцев для нашего времени. Именно добровольность их выбора, основанная на вере в Единого Отца, и есть тем краеугольным камнем, на котором зиждется глубокое почитание свв. Бориса и Глеба во всем христианском мире, а не только на Руси.

* * *

Современная эпоха отличается от времени жития первых страстотерпцев тем, что сегодня никто не требует от нас прямого отречения от Христа. Но это не значит, что на полях невидимой брани за умы и души человеческие воцарилось затишье. Отнюдь! Ибо ныне там действуют искусные искушители, которые исподволь и неприметно, но при всем том весьма действенно пытаются отвести нас от Христа. Это начало проявляться уже в XIX столетии, когда человечество уверовало в рукотворные достижения цивилизации как в панацею от всех бед, и особо стало заметным в веке атома, заменившем святость просвещением и духовность душевностью. От архиерея или священника вместо прямого от-

*Бычков В. В. «Русская средневековая эстетика XI–XVII веков» (М., 1995).

речения требовали пренебречь пастырскими обязанностями или вступить в сделку с безбожниками, а иногда и вообще ничего не требовали, а просто убивали, как это было с о. Менем уже в эпоху демократии. Но новомученики российские, среди которых были и миряне, никогда не стремились спасти себя лично. Как святые Борис и Глеб, они претерпевали страдания и умирали, не отступив от Господа, ибо «верующий в Сына Божия имеет свидетельство в себе самом» (1 Ин. 5, 10).

Князья Борис и Глеб – эти древнерусские воины, облаченные в кольчуги и вооруженные мечами, дают потомкам пример истинного подвига, когда, не проливая чужой крови, можно повергнуть врага, посягающего не на отдельного человека, а на все человечество, являющееся венцом Божественного Творения. Сегодня, когда вещественный мир сам себя подталкивает к краю ямы, которую сам же и вырыл, когда апокалиптические предупреждения (вспомним хотя бы недавнюю трагедию в Индийском океане!) многими так и остаются не услышанными, все, кто верит в Спасителя, должны быть во всеоружии. И несмотря на то, что от свв. Бориса и Глеба нас отделяют века, оружие наше осталось таким же: «...щитом и кольчугою – дерзновенная вера в Бога и твердое на него упование... мечом – молитва... копьем... – твердая решимость отнюдь не соглашаться на борющую страсть...»*

Посему, глядя на лики святых Бориса и Глеба, будем воодушевляться в нашей жизни их подвигом и постараемся молитвами пройти святой путь, чтобы вместе с ними оказаться в Царствии Небесном. Аминь.

* Из книги Преподобного Никодима Святогорца «Невидимая брань» (цитируется по изданию «Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры», 2003) – *Прим. ред.*

**ЖИТИЕ И ЧУДЕСА
святых страстотерпцев
Бориса и Глеба**

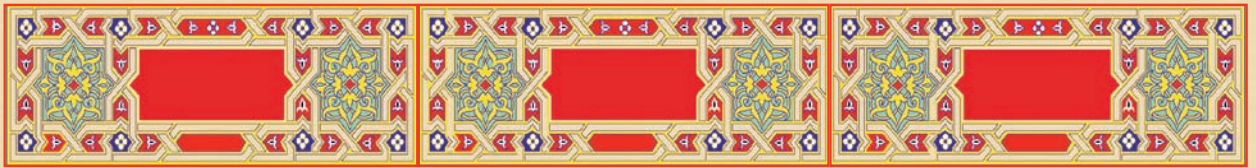
Протоиерей **Димитрий Денисенко**
Борис Кузык

Два черноризца Печерских оставили нам описание жития этих блаженных мучеников: Иаков, сложивший похвалу равноапостольному отцу их и его праматери Ольге, и преподобный Нестор, сохранивший для потомства красноречивым пером своим житие великого отца иночествующих Феодосия. Благоговейно начинает он и повесть о страдании святых Бориса и Глеба молитвою ко Господу Вседержителю, чтобы призрел на смирение его и подал бы ему разум сердца для сказания всем слушающим жития страстотерпцев, как слышал их от христолюбцев*.

К*ак две яркие звезды* посреди темных облаков сияли два святых брата, в числе двенадцати сыновей Владимировых. Всех отпустил он в данные им уделы, но их, как более любимых, при себе удержал, ибо Глеб был еще в детском возрасте, Борис же хотя и возмужал, но не хотел расставаться с ним родитель.

От юных лет исполнился Борис благодати Божией, и чтение божественных книг было любимым его занятием. Наиболее любил он жития святых мучеников, как бы предчувствуя собственную участь, и, читая их, со слезами молился Господу: «Владыко мой, Иисусе Христе, сподоби и меня в числе Твоих угодников, даруй мне ходить по стопам их, да не вознесется мысль моя суетою мира сего, но просветится сердце мое разумением заповедей Твоих; не лиши и меня того дара,

*При подготовке использованы материалы древнего рукописного сказания двух черноризцев, из Летописи и Степенной книги («Жития и творения русских святых», «Современник», Донской монастырь, 1993, сост. Сергей Тимченко)

которого сподобил от века угодивших Тебе, ибо Ты Бог истинный, помиловал нас и извел от тьмы к свету».

Так часто он взывал к Богу, а святой Глеб, сидя при брате своем, внимал усердно чтению и с ним вместе молился, ибо неразлучен был с блаженным братом своим, непрестанно от него поучаясь. И хотя Глеб был еще в детском возрасте, но уже созрел его разум. По примеру родительскому, миловал он сирот и вдовиц, так как видел, что нищелюбивый отец его не только принимал убогих на княжеском дворе своем, но и посылал искать их по домам и развозить пищу болящим, которые сами не могли прийти. Посему и чадолюбивый Владимир особенно боготворил этих двух сыновей ради христианских добродетелей, которые отличали их от прочих.

Борис в святом крещении наречен был Романом, а Глеб – Давидом, и на обоих почивала благодать Божия. Преподобный Нестор говорил, что братьям приличествовали имена

эти по отношению к тем святым, в честь которых были даны. Есть предание, что когда соименный старшему князю Роман-сладкопевец после долгой молитвы задремал в храме Богоматери, явилась ему Владычица и вручила таинственный свиток. По искушению дьявольскому выронил он свиток из рук своих, и опять вручила ему Мать Божия тот же дар, бывший для него знамением благодати Божией. И на русского Романа воздвиг свои козни ненавистник добра, дьявол, чтобы похитить у него дар Божий, истребить его с лица земли, для чего вселился в душу кня-

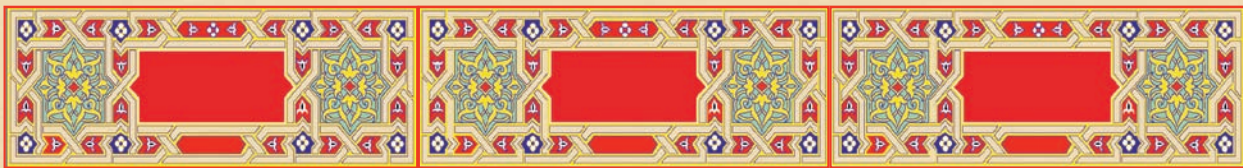
зя Святополка, внушая ему зависть против брата. И младшему Глебу приличествовало имя Давида, ибо он по слову псаломному мал был во братии своей и меньший в доме отца своего.

* * *

Великий князь Владимир, видя Бориса, вступающего уже в возраст мужества, пожелал еще при жизни своей сочетать его браком, хотя и вопреки его желанию, ибо сердце юноши стремилось от земного к небесному, однако повиновался он воле родительской. Тогда временно отпустил его от себя отец в область Ростовскую. Глеба же еще при себе оставил, хотя и назначил ему область Муромскую, но вскоре возвратил и Бориса, ибо слышал о кознях старшего сына Святополка против обоих братьев, тем паче желал иметь их при себе, чтобы наблюдать за ними отеческим оком и оградить от козней брата. Но такая забота еще более возбудила злобу Святополка: боялся он, чтобы отец, вопреки права старейшинства, не благословил великим княжением Бориса и, разжигаемый злобою, искал удобного времени, чтобы погубить его.

Случай представился по кончине родительской. Незадолго до нее равноапостольный князь в уединении своем в Берестове услышал горькую весть, что несметная орда печенегов напала на пределы киевские, когда дружина его готовилась идти в Новгород смирить непокорного сына Ярослава. Призвал он присного ему Бориса и, вручив начальство над многочисленной дружиною, велел идти отразить печенегов. Горестна была эта разлука предчувствием близкой кончины:

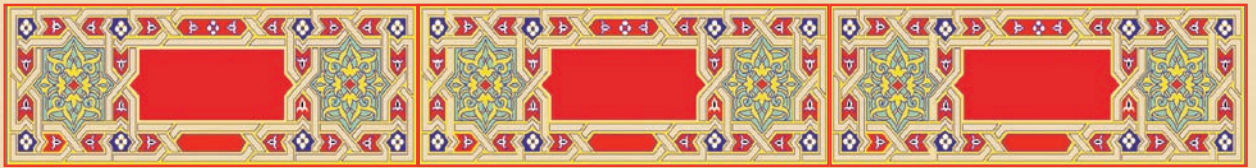

юный князь пал к ногам старца и потом устремился в его объятия, обливая слезами лицо и руки родительские. Плакал и отец его, ибо вещее сердце говорило ему, что уже не узрит более в живых сына своего. Так со многими слезами они расстались. Борис пошел с дружиною против печенегов, которые бежали, не дожидаясь его прихода; а между тем скончался великий князь.

Как только услышал окаянный Святополк о кончине родителя в уединенном селе его, быстро прискакал он в Киев из соседнего Вышгорода и сел на престоле великокняжеском. Первой его мыслью было погубление двух братьев, любимцев отца своего. Тайно ночью привезено было тело равноапостольного князя из Берестова в соборную церковь, и еще не успели предать его земле, как уже должен был спасаться бегством юный Глеб. Пришел он в церковь Богоматери и так помолился пред иконою Спасовой: «Владыко Господи! Помощник всех уповающих на Тебя, внемли, что хотят сотворить рабу Твоему Борису, брату моему. Если и мне судил Ты быть убиенным во граде сем, не побегу отселе от суда Твоего, если же нет, буди со мною во всяком пути моем, не оставь меня, Господи, и не предай на смерть». Потом припал и пред иконою Матери Божией с той же пламенной молитвой и, вышедши из храма, спустился ко Днепру, где уже приготовлена была для него ладья. С попутным ветром отплыл он вверх по реке в пределы северные, направляясь в Муромскую область от козней законопреступного брата Святополка.

Блаженный Борис уже возвращался после успешного своего похода, когда внезапно поразила его горькая весть о кончине родительской и водворение брата Святополка на престоле киевском. Зарыдал Борис и, проливая потоки слез, помолился Богу об упокоении отца своего в лоне праведных. «Увы мне! – восклицал он. – Отче мой, к кому прибегну и от кого напитаться добрым учением, для чего не было меня тут, когда за-

катился свет очей твоих, чтобы, по крайней мере, сподобился целовать священные седины твои и своими руками погребсти честное тело твое! Хотел бы я обратиться к брату моему Святополку, если еще не осуетился мирским величием. Не буду, однако, ему противиться, пойду к брату и скажу ему: ты мне брат старейший, будь мне отцом и господином! Лучше буду мучеником Богу моему, нежели восставать на брата. Увижу, по крайней мере, лицо брата моего меньшого, присного мне Глеба: воля Господня да будет!»

Жаждал блаженный видеть брата своего, как некогда жаждал Иосиф видеть лицо брата меньшого Вениамина, и, увидев, возрыдал и долго плакался на шее его, и Вениамин плакался на шее брата своего. Но не знал печальный князь, что уже не было в Киеве Глеба и что брат его бежал от убийственных замыслов Святополка. Святополк трепетал в Киеве, не зная брата своего, и рассыпал щедрые дары киевлянам, ибо известна была ему любовь их к блаженному князю и боялся его дружины. Послал он избранных людей своих к Борису с вестию о смерти родительской и с обольстительным словом, что хочет иметь с ним любовь и умножить еще удел, данный ему отцом; но в душе своей помышлял иное, ибо Каинов замысел гнезвился в нечестивой душе.

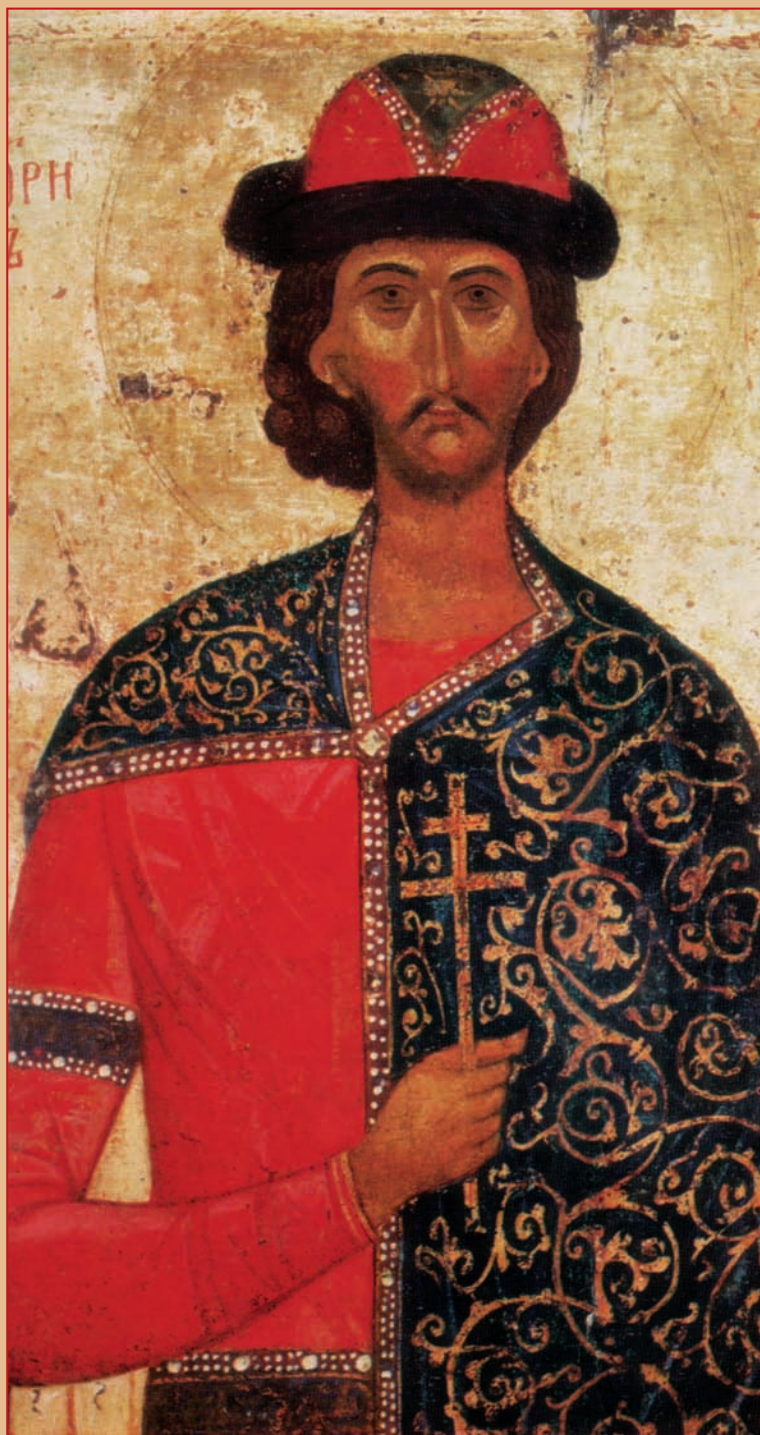
Ночью прискакал он в Вышгород, бывший свой удел, где более надеялся найти людей себе преданных, и, собрав дружину свою, говорил ей: «Скажите по истине: имеете ли ко мне приязнь?» Воевода Путша отвечал ему за всех: «Все мы готовы положить за тебя свои головы». Тогда окаянный Святополк, подстрекаемый дьяволом на братоубийство, сказал им: «Если вы обещаетесь положить за меня свои головы, то вы мне братья; идите и где только найдете брата моего Бориса, избрав удобное время, умертвите его». Они же, скорые на пролитие крови без правды, поклялись исполнить волю его и устремились на сей дьявольский замысел.

* * *

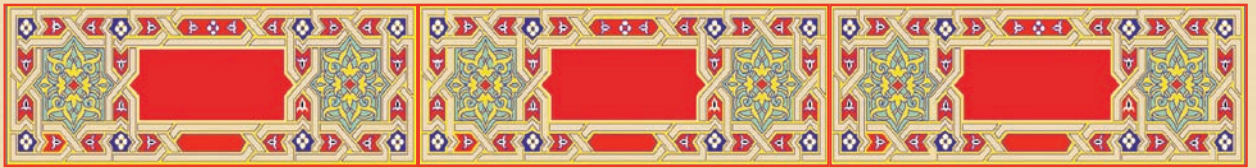
До Бориса доходил уже слух о козни братней, ибо некоторые из верных киевлян успели сообщить ему страшную весть

эту, но блаженный не хотел им верить: «Может ли это быть? – говорил он. – Или не знаете вы, что я меньший брат и не противен старшему?» Дня два спустя пришли к нему другие вестники, говоря, что и брат его Глеб уже бежал из Киева, но святой князь спокойно отвечал: «Благословен Бог, я же не убегу и не удалюсь от места сего, ибо не хочу быть противником брату моему старейшему; но как угодно будет Богу, так и исполнится! Лучше мне здесь умереть, чем на чужой стороне». Так говорил он дружине своей, которая с ним ходила на рать; их было числом до восьми тысяч, и все говорили ему: «Мы, о Владыко наш, вручены были тебе отцом твоим и готовы

*Святой князь Борис.
Фрагмент русской иконы XIV века*

идти с тобою и даже одни без тебя, чтобы изгнать из Киева Святополка и тебя туда ввести, ибо милостив был к нам отец твой». Но блаженный, заботясь о них, как о братии своей, отвечал им: «Нет, братья мои, нет, отцы мои, да не будет сего, не прогневайте Господа и брата моего, чтобы и против вас не воздвиг крамолы. Лучше мне одному погибнуть, нежели погубить с собою столько душ. Не смею противиться старшему брату своему и не могу избежать суда Божиего, но молю вас, братья, разойдитесь по домам, а я пойду к брату моему и паду к ногам его, а он, видя меня, умилосердится и не умертвит, уверившись в моей покорности».

Так со многими слезами простился с дружиною и всех распустил, а сам остался на берегу Альты с одними лишь отроками своими весь тот день, ибо послал одного из присных своих к брату со словом мира, но жестокосердый Святополк, удержав у себя посланного, поспешил выслать убийц на брата. Блаженный Борис, видя, что не возвращается посланный, сам поднялся в путь, чтобы идти к брату своему. Дорогою встретились ему еще верные люди, которые спешили предупредить князя, что нечестивый Святополк уже послал против него убийц и что они близко. Тогда лишь остановился Борис и, подняв взоры и руки к небу, воззвал к Господу, чтобы спас его державною рукою и избавил в страшный час сей от ярости братней.

На берегу Альты велел поставить он уединенный шатер и там остался ждать горькой участи своей, окруженный только одними своими отроками. Внутри шатра пламенно молился святой князь до изнеможения сил своих, и так настиг его вечер; тогда возлег на одре своем, и всю ночь еще горько плакал. Сон бежал его очей, и он велел отрокам принести свечу и стал читать божественные книги, а между тем приближались уже лютые убийцы. Блаженный велел пресвитеру петь всенощную, ибо это был день недельный, и сам с умилением читал шестопсалмие: «Господи, что сия умножишися стужающим ми; мнози восстают на мя, мнози глаголют души моей несть спасения ему в Бозе его; Ты же, Господи, заступник мой еси!» Злодеи, подошедши к шатру, не дерзали в него проникнуть, ибо не попустил

им Бог напасть на праведного до конца божественной службы. По совершении же оной обреченный им на жертву спокойно воссел на одре и сказал беззаконным: «Взойдите, братья, и совершите волю пославшего вас». Они же как дикие звери устремились на святого и вонзили в него свои копья. Один из предстоявших отроков бросился на князя своего, чтобы закрыть его телом своим, убийцы и его пронзили и, думая, что князь уже мертв, удалились, но блаженный, вскочив с одра, еще имел довольно силы, чтобы выйти из шатра. Поднял он к небу руки и вознес пламенную молитву, благодаря Господа, что сподобил его, недостойного, быть общником страдания Сына Его, пришедшего в мир спасти человек: «Послан и я был отцом моим оградить людей его от врагов их, и вот я ныне уязвлен рабами отца моего! Но, Господи, отпусти им грех их и меня упокой со святыми Твоими, ибо в Твои руки ныне предаю дух мой».

*Убиение Бориса и Георгия Угрина.
Фрагмент русской иконы
начала XIV века*

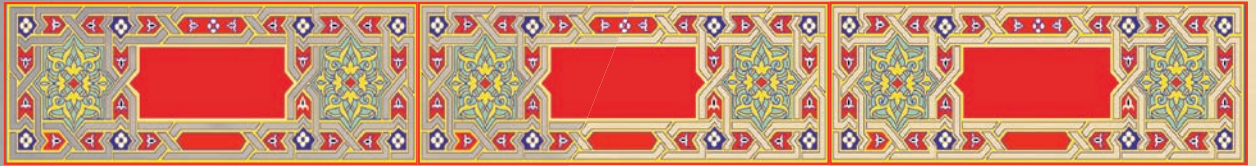

Не умилились жестокосердные трогательною молитвою князя своего, который о них молился Господу. Один из них ударил его мечом в сердце. Пал на землю Борис, но еще не испустил дух. Вокруг его избили много отроков. С любимого же отрока его, Георгия, родом венгра, который искал спасти его, прикрыв своим телом, хотели сорвать золотую гривну, дарованную ему князем, и чтобы скорее снять гривну, отсеки ему голову. Окаянные обернули тело блаженного Бориса в тот самый шатер, в котором совершили убийство, и еще дышащего повезли в Вышгород, и между тем послали с вестью к Святополку о совершенном убийстве. Но Святополк, услышав от вестников, что еще дышит брат его, послал двух варяг навстречу, чтобы довершить убийство его, и один из них пронзил его мечом в сердце...

* * *

Так скончался блаженный на двадцать восьмом году возраста своего, мая в 24-й день, приняв венец от Христа Бога с праведными. Его повезли в Вышгород и положили до времени в церкви Святого Василия. Убийцы возвратились с жестокою вестью к князю Святополку. Имена их: Путша и Талец, Яловит и Ляшко. Но окаянный Святополк не довольствовался одним братоубийством. Услышав, что юный Глеб бежал в северные области, послал настичь его, чтобы там погубить, подобно Борису.

Есть разногласие в сказании обоих черноризцев о некоторых обстоятельствах, предшествовавших смерти Глебовой. Нестор в повести своей о страстотерпцах говорит, что младший князь бежал из Киева уже по смерти родителя, когда узнал об убийственных замыслах Святополка, и что посланные убийцы, гнавшиеся за ним несколько дней, настигли его на реке, где и совершили злодеяние. Иное предание у Иакова, которое внесено в летопись, хотя и одинаково описывает обстоятельства кончины. Глеб бежал из Киева, не зная еще о смерти отца в Берестове, и потому Святополк мог послать к нему коварных вестников с таким словом: «Приди вскоре, отец зовет тебя, ибо тяжело болен». Неизвестно, где находился в это время юный князь, может быть, уже в своей Муромской области.

В летописи только сказано, что услышав горькую весть эту, он немедленно сел на коня и поспешил с малой дружиною на Волгу. Но дорогою споткнулся под ним конь и князь сломал себе ногу. С трудом достиг Глеб Смоленска и оттуда хотел спуститься по Днепру к Киеву, но не в дальнем расстоянии от города, на устье Смядыни, пришел к нему другой, более правдивый вестник из Новгорода от брата Ярослава, которого уже успела предвредить сестра их Предслава о смерти родителя и убиении брата Бориса.

«Не ходи в Киев, – послал сказать ему Ярослав, – ибо отец наш скончался, а брат наш Борис убиен Святополком». Горько восплакал юный Глеб, пораженный страшною вестью. «Увы мне! – воскликнул он. – Двойное горе, двойное сетование послал мне Господь! Плачу о родителе, еще более плачу о тебе, возлюбленный брат мой Борис, не от врага пораженный, но от руки братней. Лучше бы и мне с тобою умереть, нежели сирым оставаться без тебя в этой жизни; а я надеялся еще долго созерцать ангельское лицо твое. Ныне же что сотворю, лишенный твоей доброты? О присный брат и владыка! Если получил ты дерзновение у Бога, моли о сем сиротстве и унынии, чтобы я сподобился с тобою жить, но не в этом суетном свете».

Еще стонал он, проливая слезы с тяжкими воздыханиями, когда приспели по Днепру посланные от Святополка убийцы. Издали увидев ладью, поплыл к ней юный Глеб, спокойный духом, не подозревая злобы; они же

гребли ему навстречу с омраченной душою. Напрасно присные князя предостерегали его, чтобы не отдавался в руки вражьи. Глеб, не ожидавший такого бесчеловечия, подобно Борису не хотел состязаться с братом и всю свою дружину высадил на берег, желая одному за всех погибнуть.

Обрадовались убийцы, когда увидели ладью Глеба, одиноко к ним плывущую, и как только поравнялись с ней на водах, вместо обычного привета привлекли к себе ладью крюками и как дикие звери перескочили в нее из своих судов с обнаженными мечами, так что весла выпали из рук гребцов Глебовых, и от ужаса все они омертвели. Тогда уразумел блаженный Глеб жестокую участь, его ожидавшую, но еще думал жалостными мольбами умилоствивить злодеев.

«Не убивайте меня, братья мои! – воскликнул он. – Какую обиду нанес я брату моему или вам? Если же есть обида, ведите меня к князю вашему и моему, пощадите юность мою, не пожинайте колоса, еще не созревшего. Если и жаждете моей крови, то не всегда ли я в руках ваших?» Но никакая мольба не могла тронуть жестокого сердца убийц. Несчастный князь от живых обратился с мольбою к усопшим, призывая на помощь отца своего и брата: «Владимир, отец, услышь голос сына, призри на бедствующее твое чадо, без вины закалаемое! И ты, о брат мой Борис, внемли моему воплю! Отца моего призвал я, и ты ли не хочешь так же внимать брату, видя скорбь сердца моего? Но помолись обо мне к общему нашему Владыке, предстоя у Его престола». И сам он помолился, преклонив колена, повторял слова псаломные: «Суди, Господи, обидящие мя и побори борюция мя; сподоби меня быть причастником Святых Твоих, повели ангелам Твоим принять душу мою, ибо готова душа моя пред Тобой, Господи! Ты мой спаситель, и Тебе славу воссылаю».

Когда юный Глеб умолял жестоких пощадить его юность, свирепый вождь их Горясер закричал сидевшему за князем повару, по имени Торчину, чтобы заколот своего владыку. И не уподобился незаконный блаженному отроку князя Бориса Георгию, который хотел закрыть его своим телом, но, подобно предате-

*Окаянный Святополк награждает
убиц Бориса и Глеба.
Фрагмент русской иконы
начала XIV века*

лю Иуде, изменил своему владыке и, подняв нож, перерезал горло святому Глебу, как некогда закалывал ягнят для пиршеств княжеских...

И предал блаженный князь чистую душу свою Господу как жертва непорочная, принесенная во всесожжении. Воспарил он в небесные обители к желанному брату, и, восприяв небесные венцы, исполнились оба радости духовной по слову псаломному: «Се коль добро и коль красно, но еже жити братии вкупе!» (Пс. 132, 1).

Тело святого мученика брошено было на пустом месте между двух колод, но Господь не оставляет рабов Своих и сохраняет кости их, чтобы ни единая из них не

сокрушилась по слову псаломному. Долгое время лежал в небрежении блаженный князь, и никому даже из присных его не пришло на ум погребсти тело его, доколе не отомстил брат его Ярослав свирепому Святополку за убийство его. Но в продолжение всего времени были чудные знамения над тем местом, где лежало нетленное тело. Мимоидущие путем торговым гости или ловчие, скитаясь на недалеких промыслах, видели тут иногда как бы свечу горящую и столп огненный, и слышалось им тут пение ликов, но не земных.

Ярослав, княжа в Новгороде, еще не ведал о смерти родителя, и вызванные им из-за моря варяги позволяли себе всякие насилия в городе. Раздраженные граждане, возмущившись, избили пришельцев, им, в свою очередь, отомстил Ярослав, умертвив старшин новгородских, которых лестью пригласил к себе на пир. В ту же ночь пришла к нему печальная весть из Киева от сестры его Предславы: «Отец твой умер, а Святополк водворился в Киеве, убив Бориса, и послал убить Глеба; стерегись и ты!»

Смутился Ярослав, скорбя об отце своем и избиенной дружине, собрал он на вече новгородцев и раскаялся пред ними в жестоком своем поступке. Великодушно простил народ князю своему в страшную сию годину и отвечал: «Хотя братия наша и была тобою избиенна, но мы еще можем за тебя бороться, князь». Таким образом, собрав тысячу варягов и до тридцати тысяч новгородцев, двинулся Ярослав против Святополка, призывая в свидетели Бога, чтобы судил по правде, ибо не он, а Святополк стал проливать кровь братнюю и без вины погубил Бориса и Глеба.

Не знал еще Ярослав, что немилостивый братоубийца не удовольствовался смертью двух страстотерпцев, но простер убийственные замыслы свои и на прочую братию. Третий сын равноапостольного Владимира, Святослав, который давно уже княжил в уделе своем Волынском, услышав о гибели братьев, искал спасения в бегстве, надеясь укрыться в земле Угорской от меча братнего, но и туда послал за ним своих приспешников немилосердный Святополк, и там, в горах Угорских, настигли

они и предали смерти жестокой юного князя. Участь сия готовилась и Ярославу, но Господь избрал его быть мстителем за невинную кровь братьев.

Святополк, со своей стороны, услышав о нападении Ярослава, собрал против него множество руси и печенегов и пошел навстречу к Любечу. Три месяца стояли друг против друга оба воинства. Днепр разделял их, и никто не смел перейти на противоположную сторону реки. Воевода Святополков, езда по берегу, укорял новгородцев и обещал заставить их рубить хоромы киевские словно плотников. Не вытерпело сердце новгородцев: они решились перейти реку, которая уже начинала замерзать, и нечаянно напали на дружину Святополкову, упившуюся вином. Печенеги не могли помочь, ибо под

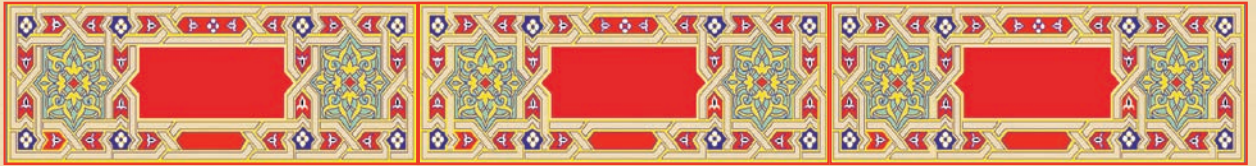

ними проломился лед. Ярослав победил и сел на престоле Киевском, а Святополк убежал к ляхам и через два года привел с собой короля Болеслава на Киев.

Вооружился против них Ярослав и стал на берегу реки Буга, но на сей раз победа осталась на стороне Болеслава, раздраженного насмешками киевлян над его чрезмерной тучностью. С торжеством вошел он в Киев и водворил там Святополка, а Ярослав спасся в Новгороде с четырьмя только спутниками. Он хотел бежать далее, за море к варягам, но посадник новгородский Константин, сын Добрыни, который славен был во дни Владимира, истребил его лады, говоря: «Мы еще можем, князь, биться за тебя с Болеславом и Святополком».

Собрали они поголовную дань и наняли варягов; с многочисленною дружиною выступил опять Ярослав против Святополка. Безумный же Святополк, не чая такой грозы, вместо благодарности к ляхам велел избивать их по всем городам, чтобы избавиться от их влияния. Король Болеслав бежал из Киева, захватив много добычи и пленных, а Святополк, побежденный братом, должен был бежать к печенегам. На следующий год явился он опять с их полчищами, и Ярослав выступил против него на берег Альты, на то место, где убиен был некогда святой Борис, и где должно было совершиться отмщение. Здесь, на заветном месте, подняв к небу руки, так помолился Ярослав: «Кровь брата моего вопиет к Тебе от земли, Владыко, как некогда Авелева; отмсти братоубийце, как положил Ты стенование и трясение на Каина, да и он восприимет мзду свою. Вы же, братия моя святая, Борис и Глеб, если и отлучились от нас телесно, но живы пред Господом, предстательством своим помогите мне».

На рассвете возгорелась жестокая сеча и длилась весь день до глубокого вечера: трижды возобновлялась она с новою силою, но к вечеру одолел Ярослав. Бежал окаянный Святополк, и напало на него расслабление, так что не мог он сидеть на коне; в ужасе ему казалась непрестанная за ним погоня. «Бегите, гонят! Горе мне!» — восклицал он, терзаемый совестью. Так он пробе-

жал всю землю Ляшскую, гонимый гневом Божиим, нигде не обретая себе покоя, и достиг пустыни между землею чехов и ляхов; там бедственно окончил жизнь, восприяв достойное наказание от Бога, и вместе с жизнью временной лишился жизни вечной. Долго показывали в пустыне его могилу, из которой исходил смрад в обличение братоубийства.

С тех пор престала крамола в земле Русской. Водворившись на престоле родительском, Ярослав стал на свободе помышлять о воздании должной почести братьям. Святой Борис уже давно был погребен в Вышгороде, но о святом Глебе еще не все знали, что он убиен близ Смоленска. Когда же услышал Великий князь о чудных явлениях, бывших на устье Смядыни, сказал он: «Там, верно, брат мой!» – и послал пресвитеров с честью поднять его тело и перевезти на ладье в Вышгород, чтобы положить подле святого Бориса. Изумительно было для всех, что через столько времени нетленно сохранилось тело блаженного Глеба как бы живого, ибо Господь осенил Своего страдальца и прославил любовью во временной жизни неразлучных и по смерти в единой гробнице.

В*скоре ознаменовалась* многими чудесами слава страстотерпцев, и многие исцеления потекли от их священной гробницы. В первое время, когда еще не всем известно было место их погребения, один из числа пришельцев варяжских небрежно ступил на их могилу у церкви Святого Василия, но внезапно ишедшее из земли пламя опалило ноги неблагоговейного варяга. Он поведал о том дружине своей, и с тех пор никто не смел приближаться к месту святому. Молва разнеслась по всему Вышгороду, и граждане приходили благоговейно поклоняться на их гробницу.

Случилось, по зависти дьявольской, что пономарь церкви Святого Василия небрежно забыл погасить свечу пред местной иконою после утрени, и загорелась церковь. Граждане еще

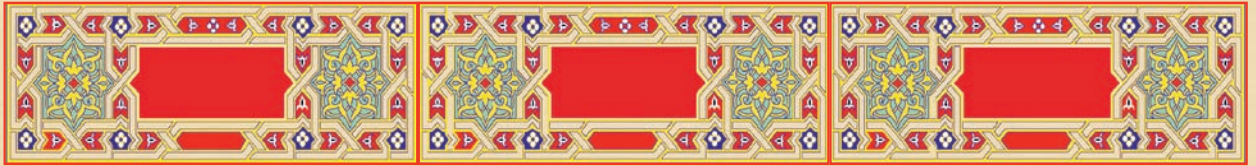

вовремя прибежали, чтобы вынести из храма всю священную утварь, но церковь сгорела, и не без промысла Божия, для того чтобы сооружена была новая, вместо ветхой, во имя страстотерпцев, а священные тела их вынуты были из-под земли, и не оставался под спудом светильник.

Старейшина Вышгорода все возвестил великому князю Ярославу, и князь совещаля с боголюбивым архиепископом Иоанном о знамениях, бывших от гроба страстотерпцев. Святитель, собрав весь свой клир, крестным ходом пошел в Вышгород, к месту, где погребены были оба мученика, и, с молитвою раскопав могилу, вынули их из недр земли. Сам он с пресвитерами благоговейно открыл гробы, и все изумились чудному нетлению: тела обоих братьев были белы как снег, и ангельские их лица сияли небесным светом; место все исполнилось благовоения, как бы от обилия фимиама. Гробы страстотерпцев внесли в малую храмину, бывшую при церкви, и совершили над ними обычную службу.

Вскоре еще более прославил Господь Своих угодников. Старейшина града имел отрока хромого, у которого нога была скорчена и суха, без всякой жизни, и не мог он иначе ходить, как на деревянной опоре. Приходил часто отрок ко гробу чудотворцев и с верою и слезами молил их об исцелении. Однажды ночью явились ему оба страстотерпца Роман и Давид и сказали: «Что вопиешь к нам?» Когда же показал им сухую ногу свою, они трижды ее перекрестили. Воспрянув ото сна, отрок почувствовал себя исцеленным и исповедал пред всеми о чудном своем видении. Умилительно было и то, что пред обоими святыми князьями, когда ему являлись, нес свечу тот великодушный Георгий, который пожертвовал жизнью за князя Бориса, покрыв его своим телом. Скача от радости, как олень, устремился отрок к раке святых и пред всем народом славил Господа и святых Его угодников, даровавших ему исцеление.

Вслед за тем другое чудо ознаменовало святость мучеников: слепой человек, пришедший на гроб их, припал к священной раке, прилагая к ней очи свои, и внезапно прозрел. Тогда опять старейшина города поспешил с радостной вестью к христо-

любивому Ярославу, и князь разделил радость сию со Святителем Иоанном. Благоговейным страхом пополнился архиерей Божий и мудрый совет подал державному. «Подобает нам, – говорил он, – благоверный князь, соорудить церковь во имя страстотерпцев и установить день празднования их».

Утешился словом Владыки христоролюбивый князь и повелел приготовить все нужное для сооружения храма. В одно лето воздвигнута была церковь, которую благоверный Ярослав венчал пятью главами и внутри украсил благолепными иконами. Тогда по воле князя написана была икона двух святых мучеников князей, и с любовью взирали на нее все притекавшие в храм, как бы на лики самих князей, еще живых. С великим торжеством была освящена церковь в присутствии великого князя митрополитом Иоанном, и священная рака обоих страстотерпцев внесена в храм. 24 июля, день мученической кончины блаженного Бориса, назначен был для ежегодного празднования памяти обоих святых братьев. Во время торжественной литургии исцелился еще один хромым, который с великим трудом мог приползти к священной раке.

После божественной службы обильную трапезу приготовил христоролюбивый князь духовным и боярам своим, утешенный тем, что уже не только по слуху, но и собственными глазами удостоверился в чудных знамениях, истекавших от раки мучеников. По примеру нищелюбивого отца его Владимира, не были забыты и убогие за роскошным пиршеством Ярослава, которое повторялось в течение восьми дней, и много было роздано милостыни убогим. По образцу соборной Десятинной церкви престольного Киева, повелел державный властелин Вышгорода отдавать в церковь страстотерпцев десятую часть городских доходов, а митрополит Иоанн поставил при новом храме целый клир иереев и диаконов, которые должны были совершать ежедневную службу.

Не оскудевали чудеса от раки страстотерпцев: слепые прозревали, хромые ходили, беснующиеся очищались и всякие недуги разрешались молитвами святых Бориса и Глеба. Иным

они сами являлись в сонных видениях, другие же разрешались сердечною молитвою при их раке, а некоторые получали освобождение от уз своих и во мраке темничном.

В некоем граде сидели в погребке люди, осужденные старейшиной, и уже долгое время томились в узах, когда однажды пришло им на мысль призвать себе на помощь князей-страстотерпцев с теплым раскаянием во грехах своих. Ночью, во время их молитвы, как бы раскрылся кров их темницы, и увидели они двух святых братьев на конях и отрока пред ними, державшего свечу. В ужасе пали пред ними узники, но явившиеся сказали: «Не бойтесь, мы Борис и Глеб, которых призывали вы в молитве, пришли освободить вас от скорби, потому что вы покаялись в согрешениях своих, и уже не постигнет вас наказание: судьи отпустят вас с миром». При этих словах оковы спали с рук их, и исчезли святые.

Громко стали взывать разрешенные от уз: «Господи, помилуй!» На голос их прибежали стражи и изумились, видя узников разрешенными и оковы, пред ними лежащими. Услышав от них о чудном явлении, они поспешили с этой вестью к судье, который от-

Борис Кузык передает святыни в дар для храма, возведенного при его активной помощи на родине в пгт Александровка Кировоградской области Украины. 2004 г.

пустил виновных, прощенных самими князьями-страстотерпцами, и, спасенные ими, соорудили во имя их церковь.

* * *

По кончине великого Ярослава сын его Изяслав, воссев на престоле отеческом, наследовал глубокое уважение его к святым мученикам, которых память ежегодно приходил праздновать в Вышгород. Видя, что церковь, сооруженная отцом его, уже приходит в ветхость, призвал он искусных древоделов и назначил место возле старой церкви для сооружения новой. По приглашению князя митрополит Георгий освятил место, и старейшина города с большим усердием приступил к строителью храма, скоро довершил его и благолепно украсил. Великий князь Изяслав пригласил опять митрополита Георгия освятить церковь и перенести в нее святые мощи. На другой день после соборного освящения торжественно совершено было перенесение святых мощей, при котором присутствовали мно-

гие князя, пришедшие из областей своих с детьми их, и много епископов и иноков. В числе их пребывал и преподобный Феодосий, игумен Печерский, украшенный всеми добродетелями и сияющий, как солнце, посреди сонма черноризцев.

Приступая к открытию их раки, митрополит Георгий несколько сомневался в святости блаженных страстотерпцев, но когда, открыв, увидел нетление святых братьев и почувствовал благоухание, которым исполнилась внезапно вся церковь, ужаснулся. Обратясь к востоку, поднял он к небу руки и воскликнул: «Прости меня, Господи, согрешил я, не веруя святым Твоим, но помоги неверию моему; ныне верую воистину, что святые суть страстотерпцы Твои». Он с благоговением облобызал руку блаженного Бориса и приложил к очам и к сердцу, потом благословил его благоверного князя Изяслава и за ним брата его Святослава, страдавшего язвой на шее, от которой тот исцелился, а на голове его остался нечаянно один но-

Каменный храм в селе Крымки Кировоградской области Украины – один из немногих, что уцелели от уничтожения большевиками (снимок слева). Первоначально он был освящен в память святых князей-мучеников Бориса и Глеба. Здесь сохранились их древние образа

готь с руки блаженного Бориса, как бы в благословение. За Святославом и третий князь Всеволод, и все люди приняли осенение той же священной десницы. Тогда с молитвою подняли обе раки и внесли их в новую церковь, где поставили с правой стороны.

Это было 2 мая 1072 года, и великое было празднество в Вышгороде, который непрестанно утешался многими знаменами от святых своих князей.

* * *

При новой церкви постоянно стоял один из убогих, немой человек, лишенный ноги до колена, и питался милостынею приходивших. Узнав однажды, что пришли люди именитые в Вышгород на поклонение страстотерпцам, прибыл он к той храмине, где трапезовали богатые пришельцы, но никто из мимо ходивших слуг ничего ему не подал, и нищий томился голодом посреди обильных яств. Внезапно впал он как бы в исступление: ему представилось, что он в храмине страстотерпцев и что исходят к нему из алтаря оба святые князя, Борис и Глеб. В ужасе пал пред ними убогий; они же, взяв его за руку, подняли и посадили и стали спрашивать о его болезни; крестным знаменем осенили святые болящую ногу и, помазав как бы елеем, потянули ее. Все это казалось ему словно во сне, ибо сам он лежал в исступлении пред дверьми храмины, так что мимо ходившие почитали его мертвым и толкали, чтобы видеть, есть ли еще в нем дыхание. Некоторые из боголюбивых, полагая, что он в сильном припадке беснования, отнесли его к церкви Святых мучеников и там положили в притворе. Вокруг столпился народ, и вот пред взорами всех стала вырастать больная нога его от колена и мало-помалу сделалась совершенно подобной другой здоровой ноге. Очнулся и воспрянул дивно исцеленный, и тот, кто еще недавно был нем и хром, свободно ступал и каждому, кто его спрашивал, радостно рассказывал о совершившемся с ним чуде.

* * *

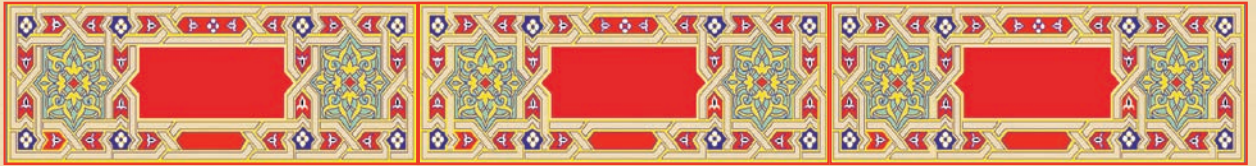
В городе Дорогобуже на праздник Святителя Николая одна женщина по невниманию своему занималась обыкновенным

рукоделием, несмотря на святость дня и на зов приглашавших ее в церковь. Одинок сидела она в храмине своей за работою, когда внезапно представилось ей, что три мужа в светлых ризах въехали во двор ее: один из них стар годами и двое юношей по сторонам его. Все трое упрекали ее, почему работает в такой день и не идет в церковь? Она же отвечала: «Мне, убогой вдове, подобает трудиться и нет нужды ходить в церковь». Тогда послышалось ей, будто старец говорит юношам в ответ на ее дерзкое слово: «Итак, разместим до основания храмину ее». Они извлекли ее за правую руку из храminy, и в то же мгновение иссохла рука ее. Как мертвую, подняли ее соседи и отнесли в другую храмину, потому что собственная ее была чудным образом разметена. Хотели расспросить ее о случив-

Храм Святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба в Вышгороде

шемся, но она не могла отвечать, ибо с трудом раскрывались уста ее, чтобы пропустить немного воды. В таком бесчувственном состоянии пробыла женщина до Великого поста. На первой неделе отнесли ее в церковь Святителя Николая, и там, после молебствия, она несколько опаматовалась и просила себе пищи, но рука ее оставалась еще иссохшею.

Три года спустя решилась она идти в Вышгород помолиться блаженным страстотерпцам, ибо и до нее дошла молва об их чудесах. День и ночь не отходила болящая от церкви. Однажды ночью, накануне воскресного дня, ей, задремавшей у дверей церковных, приснилось, что оба святые князя выходят из храма и, взяв ее за руку, велят ей перекреститься. Она же отвечала им: «Или не видите, что рука моя суха? Не могу ею двинуть». Но в ту минуту проснулась, ибо пономарь пришел отворять церковь для утрени. Взошла и болящая вслед за ним в притвор и усердно там молилась. Во время службы выпала у нее одна серьга и покатила прямо к раке. Болящая тут же отдала серьгу свою нищим и в ту же минуту почувствовала нестерпимую боль в иссохшей руке, так что хотела уже выйти из храма, но ее удержали. При чтении Евангелия разрешилась сама собою повязка, которая поддерживала сухую руку, и исцеленная могла свободно владеть ею. В радостном восторге припала она к раке страстотерпцев и прославила Бога, и сам преподобный Нестор слышал из уст ее чудный рассказ сей.

*Приезд
Предстоятеля
Украинской
Православной Церкви
Блаженнейшего
митрополита
Киевского и Всея
Украины Владимира
(Сабодана)
на поклонение
борисоглебским
святыням Вышгорода*

*Архипастырское
благословение
главы Украинской
Православной Церкви
Блаженнейшего
митрополита Киевского
и Всея Украины
Владимира (Сабодана)
боголюбивой пастве
Вышгорода*

* * *

Повествует он еще об одном чуде святых князей. Жил недалеко от Вышгорода слепец, который часто приходил в церковь Святого Георгия и со слезами молил Великомученика о прозрении. Однажды ночью явился к нему святой Георгий и сказал: «Что вопиешь ко мне! Если хочешь прозреть, иди к святым Борису и Глебу, ибо им дана благодать целебная в стране сей!» Уверовал слепой и пошел в Вышгород к раке страстотерпцев, где однажды ночью оба ему явились, и, когда крестным знаменем осенили очи его, внезапно прозрел слепой.

«Видите ли, – заключает преподобный летописец, выражая словом своим и бедственную современную ему эпоху междоусобий, – видите ли, братья, сколь высокое достоинство стяжали блаженные князи послушанием старейшему брату, а если бы воспротивились ему, не сподобились бы стоять одесную Господа. Много есть ныне сыновей княжеских, не покоряющихся старейшинам и убиваемых, но не удостаиваются они такой почести, как сии чудные два брата, которые захотели лучше сами погибнуть, нежели подвигнуть дружины свои на старейшего. Не одного ли же отца были они, как и брат их, и такой пример

послушания нам показали, подражая самому Владыке Господу нашему, который положил душу Свою за людей Своих? Кто не подивится их подвигу, который прославили и ангелы на небесах, и человеки на земле, и сам Господь увенчал их венцом нетленным. О блаженные и всяких похвал достойные! Как дерзну я, окаянный и грубый разумом, восписать вам похвалы? Блажен поистине град, в котором священная ваша рака, блажен и самый гроб, из которого истекает столько исцелений! Не напрасно назван был вышним превознесенный вами град, на высоте коего светите вы, как два неугасимые светильника, никогда не оскудевающие, ни днем, ни ночью, хотя и самое солнце облекается мраком ночи! То, что я написал о житии страстотерпцев, внимательно расспросил от их присных, а многое и сам видел; молю же вас любви ради Божией, читающих слово мое, воспоминайте меня в молитвах пред блаженными страстотерпцами, дабы написавший житие их сподобился оставления грехов, предстательством святых князей, по благодати Господа нашего Иисуса Христа».

* * *

Здесь останавливается Нестор, но Иаков идет далее, ко временам Мономаха. После удаления великого князя Изяслава брат его Святослав, унаследовав его престол, помыслил создать церковь каменную, во имя страстотерпцев, но не успел довершить начатого здания. Брат его Всеволод довершил, но все оно в одну ночь обрушилось, и Всеволод отошел также к отцам своим, не исполнив данного обета.

Между многими князьями разделилась земля Русская. Святополк Изяславович сел на великом княжении. Давид и Олег, сыновья Святославовы, княжили в Чернигове, а сын Всеволода, Владимир Мономах, – в Переяславле. Но от несогласия князей и беспрестанных набегов половецких не было времени заняться строением храма. Здесь вновь рассказывает Иаков про чудо, описанное уже преподобным Нестором, без обозначения времени и имен, о двух узниках, оклеветанных Святополком и посаженных им в исподнюю темницу. Много молились невинные страдальцы князьям-страстотерпцам и еженедельно дава-

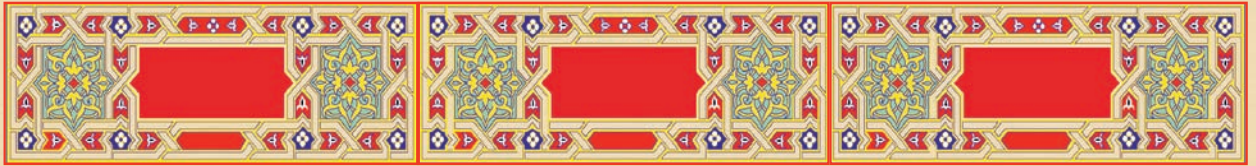

ли деньги стражам, чтобы приносили от них просфоры в церковь Святых Романа и Давида, пока не смиловались над ними блаженные князья. Однажды ночью один из узников почувствовал себя разрешенным от оков и увидел также, что они сломаны на спавшем его товарище, когда на всех прочих целы были тяжкие оковы. Немедленно призвал он стража и просил отвести себя в церковь Чудотворцев. Там пред священной ракою объявил всему клиру чудное свое видение: как внезапно раскрылся перед ним свод темницы и явились святые князья, которые велели ему идти приложиться к их раке, товарища же оставить в темнице, ибо на него напала внезапная слепота, в уверение тех, которые бы усомнились в дивном его разрешении, а через три дня и он должен был прозреть. Великий князь, обличенный столь чудным знамением в своей неправде, разрешил обоих узников. Исполненные благодарности, не отходили они от гробницы святых князей, и наиболее тот, которому обещано было от них прозрение, пока не возвратился ему свет очей. Смирился и Святополк – и с того времени стал правдивее в судах своих.

Чудо это возбудило усердие великого князя соорудить новый храм в честь страстотерпцев. Владимир же Мономах особое питал к ним усердие: он возымел желанием оковать серебром священные их раки, но желал, чтобы втайне оставалось приношение его. Ночью он сам приходил снять меру раки и, когда приготовил серебряные позлащенные доски, пришел опять ночью с искусным художником и оковал священные раки. Изумились граждане, сошедшиеся утром для поклонения святым князьям, когда увидели богатое украшение раки, и прославили тайного украсителя, благотворившего церквам Божиим. Впоследствии, уже на великокняжеском престоле, Мономах еще благолепнее оковал златом и серебром священные раки и повесил пред мощами драгоценное паникадило из хрусталя и золота, искусству коего дивились и приходившие из Греческой земли.

* * *

Между тем и Олег, сын Святослава, подвигнутый усердием Мономаха, решил исполнить давнее желание князей русских,

отца своего и дяди, и, вызвав искусных художников, соорудил великолепную церковь в Вышгороде, на месте обрушившейся. Много умолял он великого князя перенести в нее святые мощи, но Святополк не обращал внимания на его просьбу, по зависти, что не сам соорудил церковь. После его смерти, когда умиротворился мятеж в земле Русской и Владимир сел на великом княжении, в 1113 году, уступил он желанию родичей своих Давида и Олега черниговских. Все князья русские собрались на великолепное торжество, которое совершил митрополит Киевский Никифор с собором Епископов: Феоктистом Черниговским, Лазарем Переяславским, Миною Полоцким и Даниилом Юрьевским. Прохор, игумен Печерский, предводительствовал ликом преподобных игуменов и многочисленным собором черноризцев, которые сошлись со всех пределов земли Русской вместе с боярами и воеводами. Стеклось и множество убогих и болящих, чаявших исцеления при святых мощах, так что стены Вышгорода не могли вместить такого народного множества.

Во вторую субботу по Пасхе, 1 мая, совершилось торжественное освящение храма, а на другой день, в неделю жен Мирносиц, приступили к перенесению святых мощей. Пели утреню в обеих церквах и поставили каждую раку на особые богато украшенные сани. Благоговейно шел великий князь Владимир у главы старшего князя и с ним митрополит и весь клир со свечами и кадилами. Бояре влекли на длинных вервях тяжелые сани со священной ношею. Но от стеснившегося народа нельзя было продвигаться вперед. Мономах велел метать куны и поволоки в толпу народа, чтобы расступилась и открыла путь, но большая часть, не обращая на то внимания, стремилась к раке, чтобы только к ней прикоснуться, и плакали, и вопияли от радости. Посему с трудом довели раку князя Романа.

Позади других саней, у главы святого Глеба, шли князья черниговские со своими епископами и боярами, взывая: «Кирие Элейсон!»*. И здесь совершилось знамение: внезапно остановилась рака, и, несмотря ни на какие усилия, не могли сдвинуть

* Греч. *Kyrie eleison* – Господи, помилуй! – *Прим. ред.*

ее с места. По два человека брались за одну вервь, и вервь разрывалась у них в руках. То же знамение уже совершилось однажды над ракою святого Глеба, при первом перенесении святых мощей еще в дни Изяслава: она остановилась в дверях церковных, и долго вопиял народ: «Господи, помилуй!», – доколе не двинулась опять тяжкая рака. Так и здесь, усердная молитва провожавших святого Глеба, святителей и князей, а не сила человеческая, двинула священную раку его, которая внесена была в храм и поставлена подле братней к общему утешению всех духовных и мирян.

Здесь останавливается сказание черноризца Иакова...

Известно, что после разгрома монгольского сокрылись святые мощи, и даже до сих пор не ведома таинственная судьба их, хотя местное благоговейное предание гласит, что они по сей день глубоко таятся в земле, под древними сводами прежнего храма, где ныне сооружена новая церковь Святых страстотерпцев.

*Работы по восстановлению фундамента храма XII века.
Где-то здесь таятся нетленные мощи первых русских
страстотерпцев Бориса и Глеба*

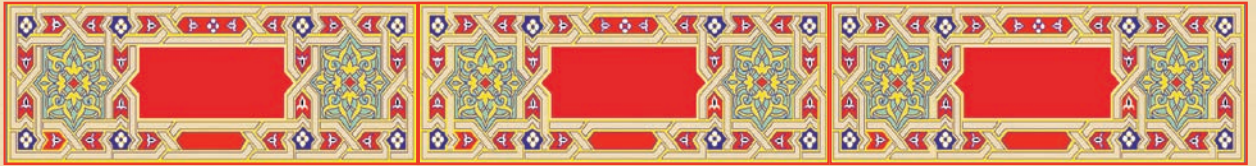
ПЕРВЫЕ
РУССКИЕ
СТРАСТОТЕРПЦЫ
БОРИС И ГЛЕБ

Георгий Федотов

Князья *Борис и Глеб* были первыми святыми, канонизированными Русской Церковью. Они не были первыми святыми Русской земли. Позже их в разное время Церковь стала чтить варягов Федора и Иоанна, мучеников за веру, погибших при Владимире-язычнике, княгиню Ольгу и князя Владимира как равноапостольных просветителей Руси. Но святые Борис и Глеб были первыми венчанными избранниками Русской Церкви, первыми чудотворцами ее и признанными небесными молитвенниками «за новые люди христианские». Как говорит одно их житие, они «отняли поношение от сынов русских», столь долго косневших в язычестве. Вместе с тем их почитание сразу устанавливается как всенародное, упреждая церковную канонизацию. Более того, канонизация эта была произведена, несомненно, не по почину высшей иерархии, то есть греков-митрополитов, питавших какие-то сомнения в святости новых чудотворцев.

Уже после рассказа князя Ярослава о первых чудесах митрополит Иоанн был «преужасен и в усумнении». Тем не менее именно этот Иоанн перенес нетленные тела князей в новую церковь, установил им праздник (24 июля) и сам составил им службу (1020 и 1039). Со времени убиения князей (1015) прошло так мало лет, а сомнения греков были так упорны, что еще в 1072 г., при новом перенесении их мощей, митрополит Георгий «бе не верствуя, яко свята блаженная». Нужна была твердая вера русских людей в своих новых святых, чтобы преодолеть все канонические сомнения и сопротивление греков, вообще не склонных поощрять религиозный национализм ново-крещеного народа.

Нужно сознаться, что сомнения греков были вполне естественны. Борис и Глеб не были мучениками за Христа, но пали жертвой политического преступления, в княжеской усобице, как многие до и после них. Одновременно с ними от руки Святополка пал и третий брат Святослав, о канонизации которого и речи не было. Святополк, начавший избивать братьев в стремлении установить на Руси единодержавие, лишь подражал своему отцу Владимиру-язычнику, как об этом вспоминает сам святой Борис. С другой стороны, Греческая Церковь знает чрезвычайно мало святых мирян. Почти все святые греческого календаря относятся к числу мучеников за веру, преподобных (аскетов-подвижников) и святителей (епископов). Миряне в чине «праведных» встречаются крайне редко. Нужно помнить об этом, чтобы понять всю исключительность, всю парадоксальность канонизации князей, убитых в междоусобице, и притом первой канонизации в новой Церкви вчера еще языческого народа.

Канонизация Бориса и Глеба ставит перед нами, таким образом, большую проблему. От нее нельзя отмахнуться ссылкой на иррациональность святости, на неведомость судеб Церкви или на чудеса как главное основание почитания. Неизвестный автор жития князя Владимира, составленного в XII веке, объясняет отсутствие чудес при его гробе отсутствием народного почитания: «Если бы мы имели тщание и молитву приносили за него в день преставления его, то Бог, видя тщание наше к нему, прославил бы его». Всего два чуда отмечены до канонизации свв. Бориса и Глеба, а уже славянская и варяжская Русь стекалась в Вышгород в чаянии исцелений. Но чудеса и не составляют главного содержания их житий. К житиям этим, древнейшим памятникам русской литературы, и надо обратиться за ответом на вопрос: в чем древняя Церковь и весь русский народ видели святость князей, самый смысл их христианского подвига?

Три житийных памятника, посвященные святым князьям в первое же столетие после их мученической смерти, дошли до нас:

- 1) летописная повесть под 1015 г.;
- 2) «Чтение о житии и погублении блаженных страсотерпцев Бориса и Глеба», принадлежащее перу знаменитого Нестора Летописца – конец XI века;
- 3) «Сказание, страсть и похвала св. мучеников Бориса и Глеба», произведение неизвестного автора той же эпохи, приписанное митрополитом Макарием черноризцу Иакову. Из них летописная повесть, легшая в основание и других житий, представляет самостоятельное литературное произведение, включенное в летопись под 1015 г., с весьма драматическим, местами художественным развитием действия, с морально религиозным освещением событий, с обрамлением из текстов Священного Писания и акафистным заключительным славословием.

«Сказание» по своему стилю и основной идее ближе всего примыкает к летописи. Оно еще более драматизирует действие, расширяет молитвенно-лирические части, носящие порою характер народной заплачки. Это «слово о гибели» невинных и вместе с тем религиозное осмысление вольной жертвенной смерти. Нестор дал более ученое повествование, более приближающееся к греческой житийной традиции. Обширное введе-

Рака с нетленными чудотворными мощами преподобного Нестора Летописца в Ближних Пещерах Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры

ние дает замечательную всемирно-историческую схему, отмечающую место русского народа в истории Церкви Христовой. Страданию князей предпосылается краткий очерк их христианской жизни – собственно житие, но основная идея летописи и «Сказания» сохранены. Отличаясь меньшими литературными достоинствами, труд Нестора был гораздо менее распространен в Древней Руси: на сто пятьдесят известных списков «Сказания» приходится всего тридцать рукописей «Чтения». Эта подробность указывает нам, где мы должны прежде всего искать древнего народно-церковного понимания подвига страстотерпцев. Скажем заранее, что с этим пониманием согласны и церковные службы страстотерпцам, хотя они гораздо менее выразительны в своей греческой торжественности.

Только Нестор в стремлении к житийной полноте сообщает некоторые сведения о жизни святых князей до убиения их. Сведения эти очень скудны: время изгладило все конкретные черты. Борис и Глеб рисуются связанными тесной духовной дружбой. Юный Глеб («детеск телом») не разлучается с Борисом, слушая его день и ночь. Борис, наученный грамоте, читает жития и мучения святых, моля Бога о том, чтобы ходить по их стопам. Милостыня, которую любят творить князья, объясняется влиянием отца Владимира, о нищелюбии которого Нестор тут же сообщает известные летописные подробности. Эти же милосердие и кротость Борис проявляет и на княжении в своей волости, куда уже женатого (по воле отца) посылает его Владимир. Отсутствие всех этих фактов в распространенном на Руси «Сказании» показывает, что не мирянское благочестие князей, а лишь смертный подвиг их остался в памяти народной. Внешняя обстановка этого подвига рисуется всеми нашими источниками в существенных чертах одинаково – с небольшими отклонениями у Нестора.

Смерть князя Владимира (1015) застаёт Бориса в походе на печенегов. Не встретив врагов, он возвращается к Киеву и дорогой узнает о намерении Святополка убить его. Он решает не противиться брату, несмотря на уговоры дружины, которая после этого оставляет его. На реке Альте его настигают убий-

цы, вышгородцы, преданные Святополку. В своем шатре князь проводит ночь в молитве, читает (или слушает) утреню, ожидая убийц. Путша с товарищами врываются в палатку и пронзают его копьями (24 июля). Верный слуга его, «угр» (венгр) Георгий, пытавшийся прикрыть своим телом господина, убит на его груди. Обвернув в шатер, тело Бориса везут на телеге в Киев. Под городом видят, что он еще дышит, и два варяга приканчивают его мечами. Погребают его в Вышгороде у церкви Св. Василия.

Глеба убийцы настигают на Днепре у Смоленска, в устье Смядыни. По летописи и «Сказанию», князь едет водным путем, по Волге и Днепру, из своей волости (Мурома), обманно вызванный Святополком. Предупреждение брата Ярослава, застигшее его у Смоленска, не останавливает его. Он не хочет верить в злодейство брата Святополка (по Нестору, Глеб находится в Киеве при смерти отца и бежит на север, спасаясь от Святополка). Ладья убийц встречается с ладьей Глеба, тщетно умоляющего о сострадании. По приказу Горясера собственный повар Глеба перерезает ножом его горло (5 сентября). Тело князя брошено на берегу «между двумя колодами», и лишь через несколько лет (1019–1020), нетленное, найдено Ярославом, отмстившим братнюю смерть, и погребено в Вышгороде рядом с Борисом.

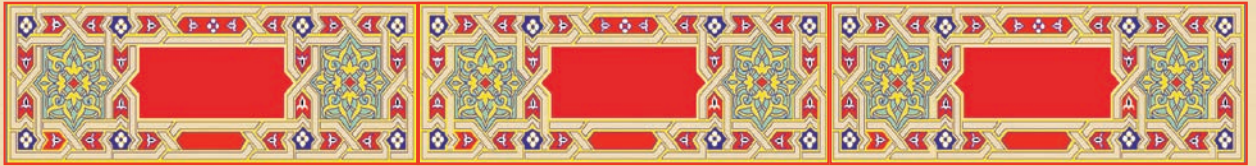
Даже краткий летописный рассказ приводит молитвы и размышления святых князей, долженствующие объяснить их почти добровольную смерть. «Сказание» развивает эти места в патетическую лирику, где мотивы псалмов и молитв перемешиваются со стонами и причитаниями в чисто народном духе. В этих вставках, свободно скомпонованных, и развиваемых частях агиографической традиции и следует искать народно-церковное осмысление подвига страстотерпцев. Легко и соблазнительно увлечься ближайшей морально-политической идеей, которую внушают нам все источники: идеей послушания старшему брату. Уже в летописи Борис говорит дружине: «Не буди мне возняти руки на брата своего старейшого: аще и отец ми умре, то съ ми буди в отца место». Присутствующий и в «Сказании» мотив этот особенно развивается у Нестора. Заканчивая свое «Чтение», автор возвращается к нему, выводя из него поли-

тический урок для современников: «Видите ли, братья, коль высоко покорение, еже стяжаста святая к старейшу брату. Си аще бо быста супротивилися ему, едва быста такому дару чудесному способлена от Бога. Мнози бо суть ныне детескы князи, не покоряющесе старейшим и супротивящесе им; и убиваеми суть: ти несуть такой благодати снодоблени, я ко же святая сия».

Память святых Бориса и Глеба была голосом совести в междукняжеских удельных счетах, не урегулированных правом, но лишь смутно ограничиваемых идеей родового старшинства. Однако само это политическое значение мотива «старшинства» предостерегает от его религиозной переоценки. Несомненно, летописцы и сказатели должны были подчеркивать его как практический – даже единственно практический – образец для подражания. Но мы не знаем, насколько начало старшинства было действительно в княжеской и варяжско-дружинной среде в начале XI века. Князь Владимир нарушил его. Св. Борис первый формулировал его на страницах нашей летописи. Быть может, он не столько вдохновляется традицией, сколько зачинает ее, перенося личные родственные чувства в сферу политических отношений. Во всяком случае, власть старшего брата, даже отца, никогда не простиралась в древнерусском сознании за пределы нравственно допустимого. Преступный брат не мог требовать повиновения себе. Сопротивление ему было всегда оправдано. Таково праведное мщение Ярослава в наших житиях.

С другой стороны, династии, популярные на Руси, династии, создавшие единое государство, были все линиями младших сыновей: Всеволодовичи, Юрьевичи, Даниловичи. Это показывает, что идея старейшинства не имела исключительного значения в древнерусском сознании и не понималась по аналогии с монархической властью. Совершенно ясно, что добровольная смерть двух сыновей Владимира не могла быть их политическим долгом. В размышлениях Бориса, по «Сказанию», дается и другое, евангельское, обоснование подвига. Князь вспоминает о смирении: «Господь гордым противиться, смиренным же дает благодать»; о любви: «Иже рече: Бога люблю, а брата свое-

го ненавидить, ложь есть»; и: «Совершенная любви вон измещеть страх». Сильно выделен аскетический момент суеты мира и бессмысленности власти: «Аще пойду в дом отца своего, то языци мнози превратят сердце мое, яко прогнати брата моего, яко же и отец мой прежде святого крещения, славы ради и княжения мира сего, и иже все мимоходит и хуже научины... Что бо приобretoша прежде братия отца моего или отец мой? Где бо их жития и слава мира сего и багряницы и брячины (украшения), серебро и золото, вина и медове, брашня честная и быстрыи кони, и домове краснии и велиции, и имения многа и дани, и чести бесчислены и гордения, яже о боярех своих? Уже все се им какы не было николи же, вся с ними исчезоша... Тем и Соломон, все прошед, вся виде, вся стяжав, рече: «Все суета и суетие суетию буди, токмо помощь от добр дел и от правоверия и от нелицемерных любве». В этом раздумье князя нет и намека на идею политического долга, на религиозное призвание власти. Даже княжение святого Владимира проходит, как смена мирских сует, не оставив следа. Но всего сильнее переживается Борисом мысль о мученичестве: «Аще кровь мою пролиет, мученик буду Господу моему», – эти слова он в «Сказании» повторяет дважды. В ночь перед убийством он размышляет о «мучении и страсти» святых мучеников Никиты, Вячеслава и Варвары, погибших от руки отца или брата, и в этих мыслях находит утешение.

Вольное мучение есть подражание Христу, совершенное исполнение Евангелия. В утро убийства Борис молится перед иконой Спасителя: «Господи Иисусе Христе, иже сим образом явися на земли, изволивый волею пригвоздиться на кресте и приим страсть грех ради наших! Сподоби и мя прияти страсть». Со слезами идет он «на горькую смерть», благодаря Бога, что сподобил его «все претрадати любве ради словесе Твоего». С ним согласны и слуги, его оплакивающие: «Не восхоте противитися любве ради Христовой, – а колики вои держа в руку своею». Убийцы уже в шатре, а последние слова святого все те же: «Слава Ти, яко сподобил мя убежати от прелести жития сего лестного... сподоби мя труда святых мученик... Тебе ради умерщвляем есмь весь день, вмениша мя, яко овна на снесь. Веси бо, Господи мой,

яко не противлюсь, ни вопреки глаголю».

Замечательно, что мученичество святых князей лишено всякого подобия героизма. Не твердое ожидание смерти, не вызов силам зла, который столь часто слышится в страданиях древних мучеников... Напротив, «Сказание», как и летопись, употребляет все свое немалое искусство, чтобы изобразить их человеческую слабость, жалостную незащитность. Горько плачет Борис по отце: «Все лицо его слез исполнилось и слезами разливался... «Увы мне, свете очию моею, сияние и заре лица моего. Сердце ми горит, душу ми смысл смущает и не вем к кому обратитися».

Еще трогательнее, еще надрывнее плач Глеба: «Увы мне, увы мне! Плачю зело по отци, паче же плачюся и отчаях ся по тебе, брате и господине Борисе, како прободен еси, како без милости предася, не от врага, но от своего брата... Уне бы со тобою умереть ми, неже уединену и усирену от тебе в сем житии пожити!» К ним, убитым отцу и брату, он обращается и с предсмертным молитвенным прощанием. Эта кровная, родственная любовь лишает вся-

Крест на месте мученической смерти святого князя Бориса

Крест под Смоленском на месте мученической смерти святого князя Глеба

кой суровости аскетическое отвержение мира. В это отвержение – не монашеское – включается мир человеческий, особенно кровный, любимый.

Но «Сказание» идет и дальше. Оно ярко рисует мучительную трудность отрыва от жизни, горечь прощания с этим «прелестным светом». Не об отце лишь плачет Борис, но и о своей погибающей юности. «Идый же путем помышляаше о красоте и доброте телесе своего, и слезами разливаашеся весь, хотя удержатися и не можаше. И вси, зряще тако, плакаашеся о добророднемъ теле и честном разуме его... Кто бо не восплачется смерти той пагубной... приведя пред очи сердца своего... унылый его взор и сокрушение сердца его». Таков и последний день его перед смертью, который он проводит, покинутый всеми, «в тузе и печали,

удрученомъ сердцемъ». В нем все время идет борьба между двумя порядками чувств: жалости к себе самому и возвышенного призвания к соучастию в страстях Христовых. Постоянные слезы – свидетельство этой борьбы. После вечерни в последнюю ночь «бъше сон его во мнозе мысли и в печали крепце и тяжце и страшне»...

Молитва заутрени укрепляет его. Раздирающие псалмы шестопсалмия дают исход его собственному отчаянию. Он уже молит Христа сподобить его «приятъ страсть». Но, почувя «шопот зол вокруг шатра», он опять «трепетен быв», хотя его молитва теперь уже о благодарности. После первых ударов убийц Борис находит в себе силы «в оторопи» выйти из шатра (подроб-

*Пророческое видение Бориса
о своей грядущей смерти.
Фрагмент русской иконы
начала XIV века*

ность, сохраненная и Нестором). И тут еще он умоляет убийц: «Братия моя милая и любимая, мало ми время отдайте, да помолюся Богу моему». Лишь после этой последней жертвенной молитвы («Вмениша мя, яко овна на снеть»), он находит в себе силы, хотя и по-прежнему «слезами облився», сказать палачам: «Братие, приступивше скончайте службу вашу и буди мир брату моему и вам, братие».

Еще более поражает в «Сказании» своим трагическим реализмом смерть Глеба. Здесь все сказано, чтобы пронзить сердце острой жалостью, в оправдание слов самого Глеба: «Се несть убийство, но сырорезание». Юная, почти детская жизнь трепещет под ножом убийцы (как характерно, что этим убийцей выбран повар), и ни одна черта мужественного примирения, вольного избрания не смягчает ужаса бойни – почти до самого конца. Глеб до встречи с убийцами, даже оплакав Бориса, не верит в жестокий замысел Святополка. Уже завидев лады убийц, он «возрадовался душею» – «целования чаяше от них прияти». Тем сильнее его отчаяние, тем униженнее мольбы: «Не дейте мене, братия мои милая, не дейте мене, ничто же вы зла сотворивша... Помилуйте уности моей, помилуйте, господие мои. Вы ми будете господие мои, аз вам – раб. Не пожнете мене от жития несозрела, не пожнете класа недозревша... Не порежете лозы, не до конца возрастшиа...» Однако уже это причитание кончается выражением беззлобного непротивления: «Аще ли крови моей насытитися хотите, уже в руку вы есмь, братие, и брату моему, а вашему князю». После прощания с уже отшедшими отцом и бра-

Вид на Альту

Борисоглебский храм в Смоленской области неподалеку от места мученической смерти Глеба

том он молится, и молитва эта, начавшись с горькой жалобы: «Се бо закаляем есмь, не весть, что ради», оканчивается выражением убеждения, что он умирает за Христа: «Ты веси, Господи, Господи мой. Весть Тя рекша к своим апостолам, яко за имя Мое, Мене ради возложат на вас руки и предани будете родомь и другы, и брат брата предасть на смерть». Думается, в полном согласии с древним сказателем, мы можем выразить предсмертную мысль Глеба: всякий ученик Христов оставляется в мире для страдания, и всякое невинное и вольное страдание в мире есть страдание за имя Христово. А дух вольного страдания – по крайней мере, в образе непротивления – торжествует и в Глебе над его человеческой слабостью.

Нестор сводит к минимуму присутствие этой человеческой слабости. Он оставляет слезы, но не знает ни причитаний, ни мольбы, обращенной к убийцам. У него Борис приглашает убийц «скончать волю пославшего» после заутрени и прощания с близкими. Даже Глеб не проявляет слабости перед смертью. Нестор хочет дать житийный образ мучеников, предмет не жалости, а благоговейного удивления. Впрочем, у него мы находим все те же мотивы подвига, разве лишь с несколько иным ударением. Автор, видимо, дорожит практически назидательными

В Свято-Михайло-Архангельском храме, построенном в середине XIX века на средства выдающегося российского мецената графа Воронцова в местечке Городище Черкасской области, сохранились уникальные фрески с изображениями святых князей Бориса и Глеба

уроками, вытекающими из подвига страстотерпцев. Он много останавливается на идее послушания старшему брату, и любовь, ради которой умирают святые, понимает в утилитарном смысле. Князья отказываются от сопротивления, чтобы не быть причиной гибели дружины. «Уне есть мне единому умерети, – говорит Борис, – нежели століку душ». И Глеб «уняше един за вся умерети и сего ради отпусти я».

Но идея жертвы присутствует и у Нестора. Борис у него – «сообщник страсти» Христовой, а Глеб молится в последний час: «Яко древле в сии день Захария заколен бысть пред требником Твоим, и се ныне аз заклан бых пред Тобою, Господи». Но в «Сказании», очищенная от морально-практических приложений, даже от идеи мужественного исполнения долга (для этого

нужно было подчеркнуть человеческую слабость), идея жертвы, отличная от героического мученичества, выступает с особой силой.

Между этими двумя оттенками в понимании подвига страсто-терпцев Древняя Русь сделала свой выбор. «Сказание» заслонило «Чтение» в любви народной. Многочисленные церковные службы, слагавшиеся на Руси святым братьям, начиная со службы канонизовавшего их митрополита Иоанна, содержат указания на те же мотивы подвига, растворенные в торжественном византийском песнословии: «Христа ради остависта тленную славу земную. Царство земное возненавидевше и чистоту возлюбивше и неправедное убийство претерпевше, никакоже противяшеся заколяющему вы брату...»; «Заколена нескверному агнцу, пожранному нас ради Спасу душам нашим».

Как ни очевидно евангельское происхождение этой идеи – вольной жертвы за Христа (хотя и не за веру Христову), но для нее оказывается невозможным найти агиографические образцы. Мы читаем у Нестора, что Борис и Глеб в юности вдохновлялись страданиями мучеников. Автор «Сказания» называет имена св. Никиты, Вячеслава, Варвары (Нестор в иной связи – св. Евстафия Плакиды). Только св. Вячеслав (Вацлав), убитый старшим братом, может напомнить своей кончиной киевскую трагедию. Несомненно, на Руси знали о жизни и смерти чешского князя. Известны древние славянские переводы его житий. Но назвать имя св. Вячеслава стоит лишь для того, чтобы подчеркнуть основное различие. Св. Вячеслав – готовый, совершенный образец святого и без мученической кончины. Его легенды суть подлинные жития, то есть повести о жизни, а не только о смерти. Сама смерть его никак не может быть названа вольной. Когда брат бросается на него с мечом, он как рыцарь обезоруживает его и бросает на землю, и только подбежавшие заговорщики добивают его на пороге храма. Подвиг непротивления

* Евстафий Плакида (ум. ок. 118), христианский великомученик, пострадавший в Риме при императоре Адриане. Память в Православной Церкви 20 сентября (3 октября) – *Прим. ред.*

Георгий Петрович Федотов (14 октября 1886 – 1 сентября 1951) – русский писатель и богослов. В 1925 году выходит первая книга Федотова “Абеляр”. В том же году он уезжает в Германию, затем переезжает во Францию, читает историю западных вероисповеданий и преподает латинский язык в Православном богословском институте в Париже. Во Франции Федотов активно печатается, здесь он знакомится с Н. Бердяевым, матерью Марией, участвует в движении русского христианского студенчества. В 1941 году в связи с оккупацией Франции Федотов эмигрирует в США, преподает в школе при Йельском университете, а с 1943 года – в Свято-Владимирской семинарии.

есть национальный русский подвиг, подлинное религиозное открытие новокрещеного русского народа.

Нестор в своем всемирно-историческом прологе к житию вызывает в памяти всю историю искупления человечества для того, чтобы «в последние дни» ввести в Церковь народ русский как «работников одиннадцатого часа». Эти работники сумели с гениальной простотой младенцев плениться образом Христа и абсолютной красотой евангельского пути. Такое же, но более бледное отражение евангельского света мы видим и в святых сомнениях князя Владимира казнить разбойников. Епископы-греки, разрешившие сомнения св. Владимира: «Достойно тебе казнить разбойников», – едва ли потребовали бы у сыновей его бесцельной жертвенной смерти. Святые Борис и Глеб сделали то, чего не требовала от них Церковь, как живое христианское предание, установившее перемирие с миром. Но они сделали то, чего ждал от них, последних работников, Виноградарь и «отняли поношение от сынов русских».

Святые Борис и Глеб создали на Руси особый, не вполне литургически выявленный чин «страстотерпцев» – самый парадоксальный чин русских святых. В большинстве случаев представляется невозможным говорить о вольной смерти: можно говорить лишь о

непротавленни смерти. Непротивление это, по-видимому, сообщает характер вольного заклания насильственной кончине и очищает закланную жертву там, где младенчество не дает естественных условий чистоты.

Замечательно, что возлюбившая страстотерпцев Русская Церковь ничем не выделила из ряда святых своих мучеников, которые в Греческой Церкви (как и в Римской) всегда занимают первое место и в литургическом, и в народном почитании. Большинство русских мучеников за веру или местно почитаются или забыты русским народом. Много ли православных людей знают варягов Федора и Иоанна, Печерского инока Евстратия, Кукшу, просветителя вятичей, Авраамия, мученика болгарского, литовских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия или казанских Иоанна, Стефана и Петра? Никто из них никогда не мог сравняться в церковном прославлении с Борисом и Глебом – страстотерпцами. Это означает, что Русская Церковь не делала различия между смертью за веру во Христа и смертью в последовании Христу, с особым почитанием относясь ко второму подвигу.

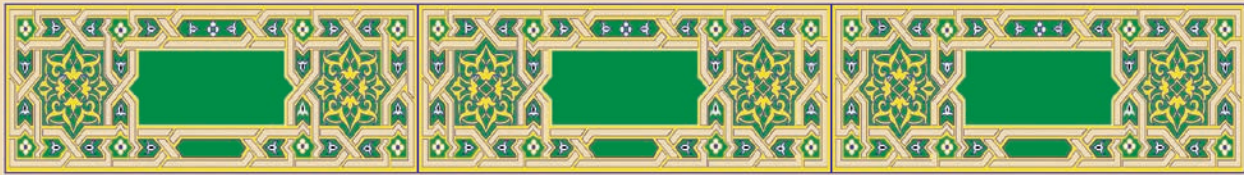
Последний парадокс культа страстотерпцев – святые «непротавленцы» по смерти становятся во главе небесных сил, обороняющих землю русскую от врагов: «Вы нам оружие, земля Русская забрала и утверждение и меча обоюду остра, има же дерзость поганьскую низлагаем» («Сказание»). Все помнят видение Пелгусия* в ночь перед Невской битвой (1240), когда свв. Борис и Глеб явились в ладье посреди гребцов, «одетых мглою», положив руки на плечи друг другу. «Брате Глебе, – сказал Борис, – вели грести, да поможем сроднику нашему Александру». Но этот парадокс, конечно, является выражением основной парадоксии христианства. Крест – символ всех страстотерпцев – из орудия позорной смерти становится знаменем победы, непобедимым апотропеем** против врагов.

* Филипп Пелгусий – начальник стражи русского войска. – *Прим. ред.*

** Апотропей (др.-греч. – отвращающий беду) – магический предмет, которому в древности приписывали свойства оберегать людей, животных, жилища от злых сил. – *Прим. ред.*

**СОСТОЯНИЕ ВЕРЫ
И ПРАВСТВЕННОСТИ
В ЭПОХУ
БОРИСА И ГЛЕБА**

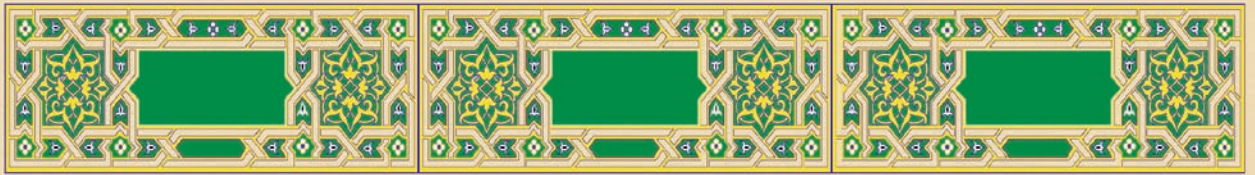

Митрополит Макарий*

К*артина нравственного состояния* наших предков с ее мрачною и светлою сторонами в общих чертах оставалась и теперь та же самая, какую мы видели в предшествовавший период. Но в частностях совершились немаловажные перемены, и почти все к лучшему. Главные недостатки, нами прежде замеченные, с которыми еще надлежало бороться в России христианству, были двух родов: одни происходили от существовавшего некогда в России язычества, другие поддерживались и раскрывались преимущественно под влиянием господствовавшего духа времени.

Недостатки первого рода заметно начали теперь ослабевать. Мы встречаем еще между русскими христиан, которые, держась старых обычаев, ставили трапезы Роду и рожаницам, хотя, может быть, уже не понимали языческого значения этих Рода и рожаниц. Видим женщин, которые в случае болезни своих детей носили их к волхвам, считая волхвов, очевидно, не за представителей язычества, а только за знахарей и врачей. Но ни летописи, ни другие достоверные памятники не показывают, чтобы оставались еще между русскими такие христиане, которые бы открыто или тайно поклонялись своим прежним языческим богам и приносили им жертвы, увлекались внушениями волхвов, явно враждебными христианству, и восставали против пастьрей Церкви, как это случалось в конце XI и в начале XII вв. Напротив, на волшебство даже простой народ смотрел уже неприязненно, и новгородцы в 1227 г. сожгли четырех волхвов по одному подозрению их в чародеяниях. Далекое не в прежней силе является и другой закоренелый обычай языческой

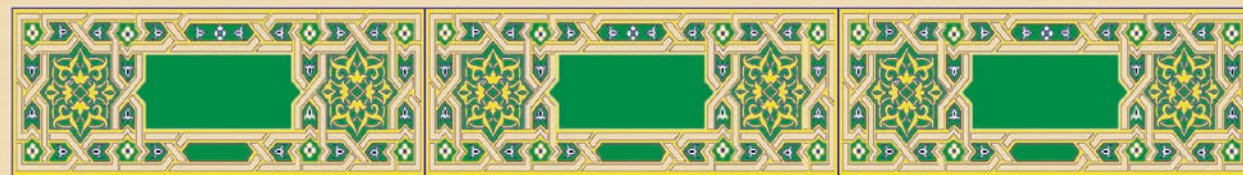
*Цитируется по изданию – Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви, том 3, книга вторая, глава VI (Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994–1996).

старины – обычай многоженства и вообще чувственной жизни. В записках Кярика упоминаются люди, которые держали у себя тайно и явно наложниц, и распутство представляется пороком самым распространенным в народе. Но уже не упоминается о людях, какие были во дни митрополита Иоанна II, написавшего известное Церковное правило, которые имели у себя по несколько жен разом или переменили их по своему произволу, похищали себе жен и вовсе не уважали церковного венчания, признавая его учреждением для одних князей и бояр. Мало того, летопись рассказывает, что в 1174 г. галичане сожгли одну несчастную женщину по имени Анастасия, бывшую наложницею их князя Ярослава, а самого князя приводили к присяге, чтобы он впредь жил с своею законною женою – до такой степени сделались у нас строгими к распутной жизни и возвысились понятия о святости брачного союза!

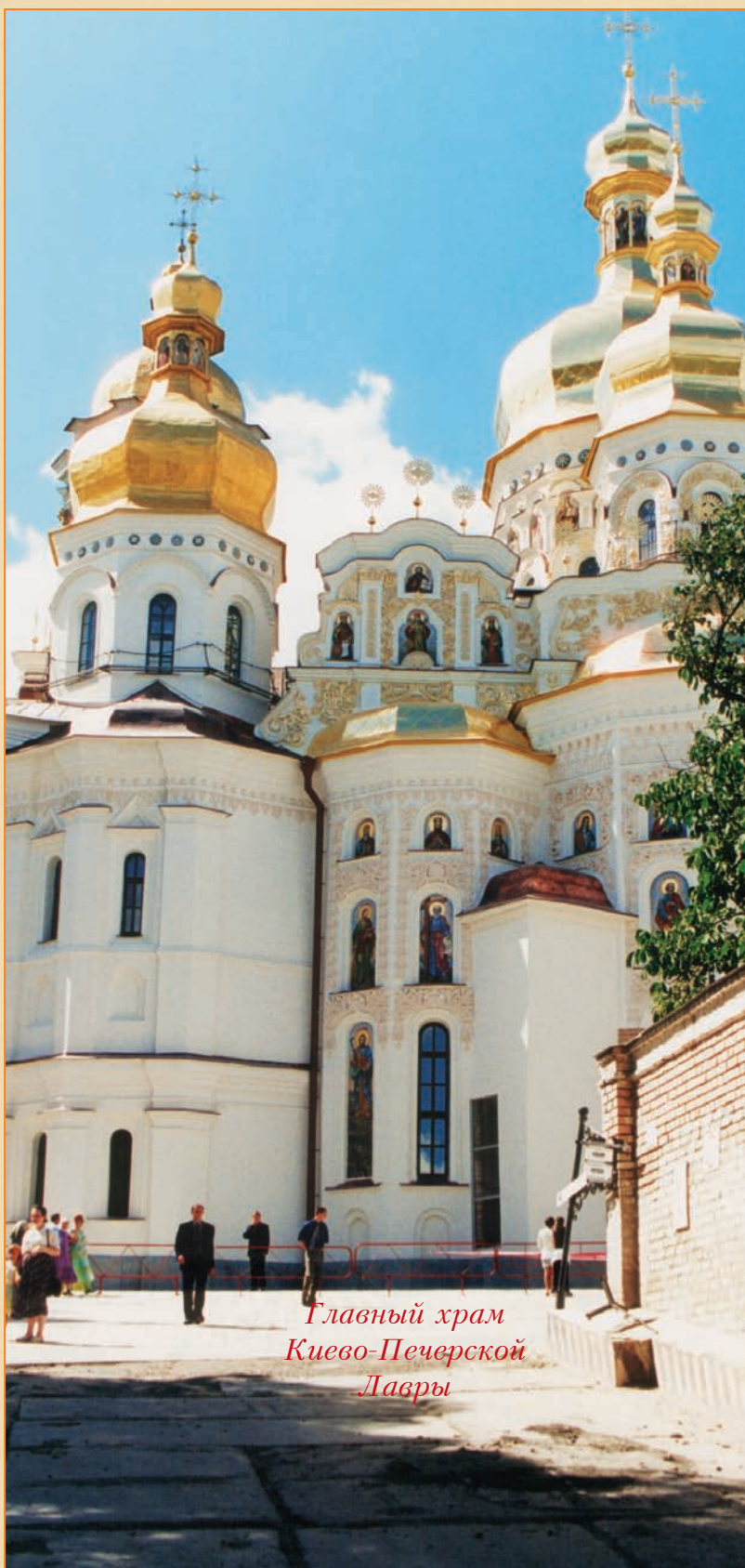
Недостатки, зависевшие от господствовавшего духа времени, духа междоусобий, кровопролития, жестокости, не только не ослабевали, но по временам обнаруживались даже сильнее. Излишне было бы перечислять самые междоусобия с их неизбежными спутниками: коварством, злобою, вероломством и другими подобными пороками, но не можем не остановиться на некоторых особых случаях, показывающих, до чего доводили иногда эти кровавые распри наших князей и до чего простиралась иногда жестокость нравов.

В 1169 г. войска Боголюбского и других одиннадцати князей, его союзников, взяв Киев приступом, в продолжение трех дней грабили не только жилища киевлян, но и храмы – Софийский, Десятинный и все другие, равно как и монастыри, и похитили из них все сокровища, иконы, ризы, книги, колокола и прочую утварь, а некоторые церкви даже зажгли – такого открытого неуважения к святыне прежде не бывало. Племянник Боголюбского Ярополк, выгнав после кровавого междоусобия дядю своего Михаила из Владимира и заняв (1175) его престол, в первый день своего княжения не только отнял волости и доходы у соборной Владимирской церкви, пожалованные ей Боголюбским, но насильно взял все ее золото и серебро, хранившиеся на церков-

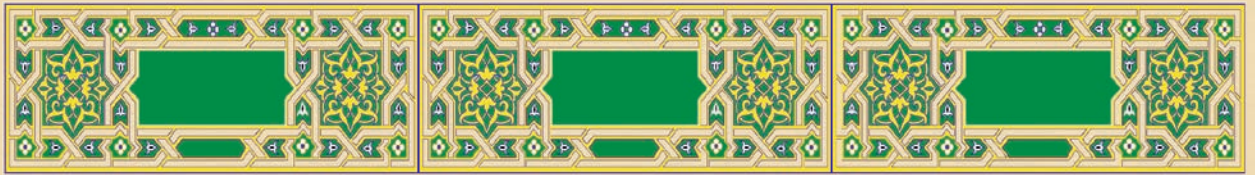

ных палатях, и лишил ее величайшего сокровища – чудотворной иконы Богоматери, подарив эту икону зятю своему Глебу рязанскому. В 1177 году, когда два племянника Всеволода владимирского Мстислав и Ярополк Ростиславичи, воевавшие против него, взяты были в плен и посажены в темницу, владимирцы с такою яростью восстали против них, что, несмотря на сопротивление своего князя, извлекли их из темницы и ослепили.

В 1211 г. галичане, движимые ненавистью к бывшим своим князьям Роману, Святославу и Ростиславу Игоревичам, умолили венгров, завладевших Галичем, выдать им этих князей и повесили их. В 1217 г. Глеб, князь рязанский, и брат его Константин условились между собою погу-

*Главный храм
Киево-Печерской
Лавры*

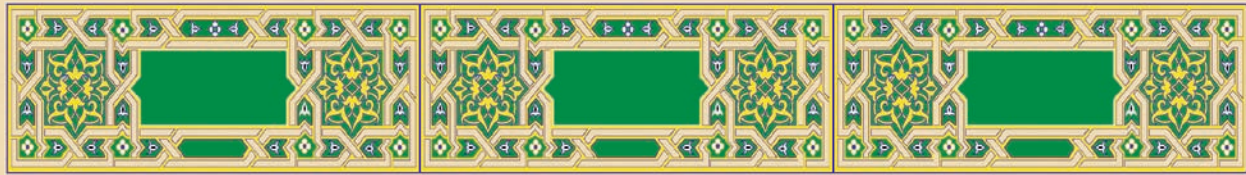

бить всех своих родственников, чтобы одним владеть Рязанскою областью, и воспользовались первым представившимся к тому случаем. Князья съехались в поле для общего совещания. Глеб пригласил всех их к себе на пир в свой шатер, и они, ничего не подозревая, явились окруженные многочисленными свитами. Но едва пир открылся и гости начали пить и веселиться, как Глеб и Константин обнажили свои мечи и при помощи своих слуг и половцев, которые дотоле были скрыты близ шатра, бросились на свои жертвы и умертвили шестерых князей и бесчисленное множество их бояр и челяди.

Надобно, однако ж, заметить, что и теперь, как прежде, несмотря на преобладавшее направление к междоусобиям и кровопролитию, голос веры и любви к родине часто возвышался в сердцах наших предков и они старались прекращать свои кровавые распри. Так, когда в 1148 г. князья черниговские, долго воевавшие с великим князем Изяславом киевским, прислали к нему просить мира и этот князь обратился за советом к младшему брату своему Ростиславу смоленскому, последний отвечал: «Брат, кланяюсь тебе, ты старше меня, и как ты сгадаешь, на то я готов. Но если предоставляешь дело моей чести, я скажу тебе: ради Русской земли и ради христиан я люблю больше мир, и пото-

*Собор Святой Софии
в Киеве,
1037–1043 гг.,
с последующими
переделками*

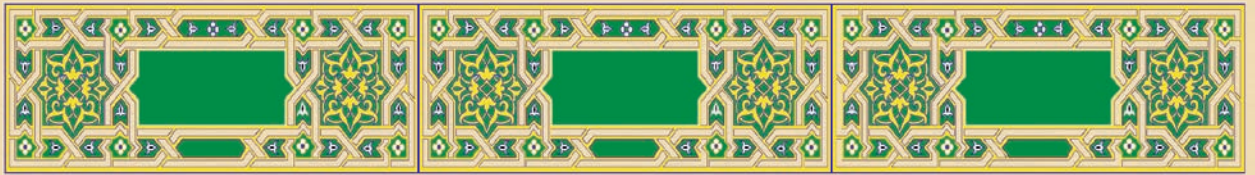

му, брат, ради христиан и всей Русской земли примиришь ныне». Другой враг того же великого князя Изяслава, родной дядя его Юрий Долгорукий, накануне сражения, после которого Изяслав на время лишился (1149) киевского престола, писал к своему племяннику: «Ты, брат, приходил в землю мою и повоёвывал ее, ты лишил меня старейшинства; но ныне, брат и сын, ради Русской земли и ради христиан не прольем крови христианской. Дай мне Переяславь, и я посажу в нем сына, а ты царствуй в Киеве. Если же на это не согласишься, пусть нас рассудит Бог».

Через два года (1151), когда война между Изяславом и Юрием продолжалась с переменным счастьем и последний с войском своим приступил к самому Киеву, старший брат Юрия Вячеслав, княживший в Ки-

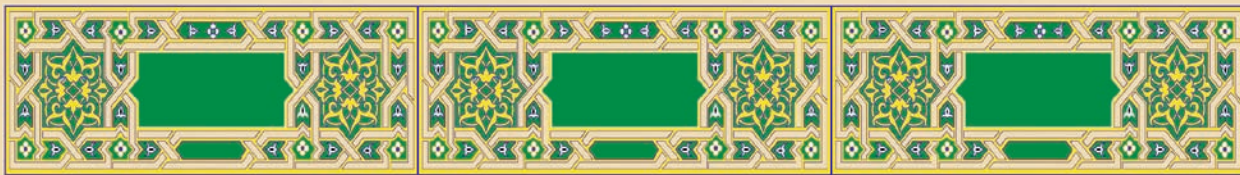
*Образ Божией Матери Оранта.
Мозаика XI столетия из собора
Святой Софии в Киеве*

еве вместе с Изяславом, послал сказать своему брату: «Сколько раз, брат, я молил тебя и Изяслава: не проливайте крови христианской, не губите Русской земли! Я не стоял за себя, как вы оба меня обидели и положили на меня двоякое бесчестие, хотя имею полки и силу мне Бог дал; всего того я не поминал вам ради Русской земли и ради христиан... за все то я не требовал от вас воздаяния, а еще об вас же заботился, и вы не слушаете меня. Я был уже брадат, когда ты родился – подымешь ли руку на брата старейшего?» Когда Юрий не послушался и необходимо было вступить с ним в битву, Вячеслав воскликнул: «Суди Бог моего брата: он довел меня до сего; я от юности гнушался кровопролитием».

Не приводим многих других подобных примеров, а вспомним только, как часто наши пастыри, по чувству своего долга или по желанию князей и народа, являлись посредниками между враждовавшими сторонами и именем веры и любви успевали склонять их к примирению. Между добрыми нравами и обычаями, которые насадило у нас христианство, одни оставались в прежней силе, а другие еще более раскрывались и усиливались. Мы уже видели, до какой степени простиралась тогда ревность к построению храмов Божиих и святых обителей; некоторые князья и другие достаточные люди созидали не по одной, а по несколько церквей, не по одному, а по несколько монастырей, и важнейшие города – Владимир, Новгород, Ростов были наполнены церквами и монастырями. Видели также, как велико было уважение к пастырям Церкви и инокам, как сами князья обращались к ним за советами и наставлениями, слушались их голоса, заботились о содержании их, оказывали им подобающую честь в разных случаях. В частности, любовь и уважение к монашеству выражались тем, что многие даже из княжеских фамилий принимали на себя иноческий образ, большею частию пред своею кончиною.

Из князей, принявших таким образом монашество и схиму, летописи упоминают о Святославе киевском (1194), Всеволоде Мстиславиче (1195), Давиде смоленском (1197), Владимире Всеволодовиче (1227), Давиде муромском (1228), Мстиславе Мстиславиче (1228). Из княгинь – о Евфросинии, княжне по-

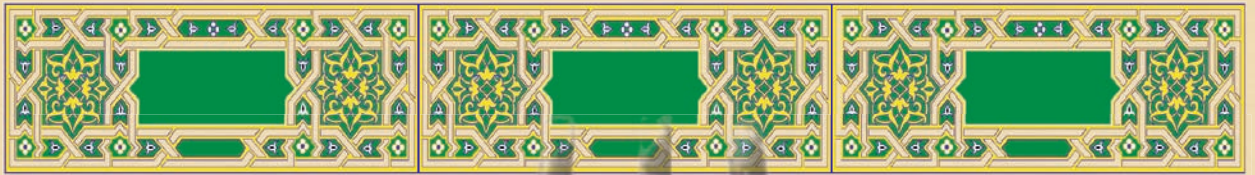

лоцкой (1173), о Марии Казимировне (1179), Евфросинии, сестре Великого князя Всеволода (1183), Марии, супруге того же князя Всеволода (1206), о супруге князя смоленского Давида (1197), о супруге князя киевского Рюрика (1206), супруге князя галицкого Романа (1213), супруге великого князя владимирского Константина (1218), супруге князя Святослава Мстиславича, внука Данилова (1228).

Благочестивые путешествия для поклонения святыне сделались у нас довольно обыкновенными. Владимирко*, князь галицкий, овладев вместе с Юрием Долгоруким Киевом (1150), отправился в Вышгород для поклонения святым мученикам Борису и Глебу, оттуда приехал к святой Софии киевской, затем – к святой Богородице Десятинной, наконец – к святой Богородице в Печерский монастырь. Юрий Долгорукий, находясь (1151) в Переяславле, когда настал праздник святых мучеников Бориса и Глеба, ходил для богомолья вместе с детьми своими на реку Альту, где вкусил мученическую смерть святой Борис и где существовала церковь во имя святых страстотерпцев. Даниил, князь галицкий, ездил (1227) в Жидичин поклониться образу святого Николая Чудотворца.

Во второй половине XII в. путешествовала в Иерусалим преподобная Евфросиния, княжна полоцкая, вместе с сестрою своею Евпраксиєю и братом Давидом. Там останавливалась она в русском монастыре Пресвятой Богородицы, который носил это имя или потому, что был населен русскими иноками, или потому, что служил пристанищем для русских пилигримов. В Новгородской области эти путешествия к святым местам Палестины до того усилились было, что епископ Нифонт дозволял запрещать их некоторым, а архиепископ Иоанн определил даже подвергать епитимии всякого, кто налагал на себя обет идти во Иерусалим; такая мера оправдывалась тем, что иные предпринимали путешествия к святым местам не по чувству благочестия,

* Владимирко Володаревич (1104–1152), князь звенигородский (с 1124), перемышльский (с 1129) и галицкий (с 1141). В 1144 создал единое Галицкое княжество с центром в Галиче. Пытался завоевать Волынь. Успешно отражал нападения венгерских и польских войск. – *Прим. ред.*

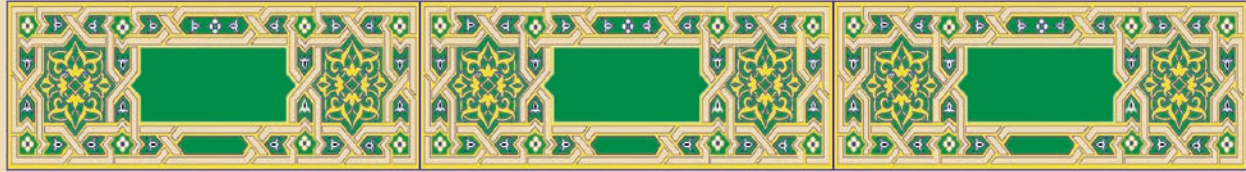

а чтобы только скитаться, быть праздными и даром есть и пить.

Благочестивый дух наших предков обнаруживался и по случаю военных событий, которые были тогда так часты. Отправляясь на брань, князья и их воины призывали на помощь Бога и иногда приобщались Святых Христовых Тайн; в продолжение брани при войсках носимы были святые иконы и кресты; по окончании битв победители приносили Богу торжественные благодарения. Так, князья киевские Вячеслав и Изяслав с Ростиславом смоленским, выступая из Киева (1151) против Юрия Долгорукого, предварительно «поклонились святой Богородице Десятинной и святой Софии».

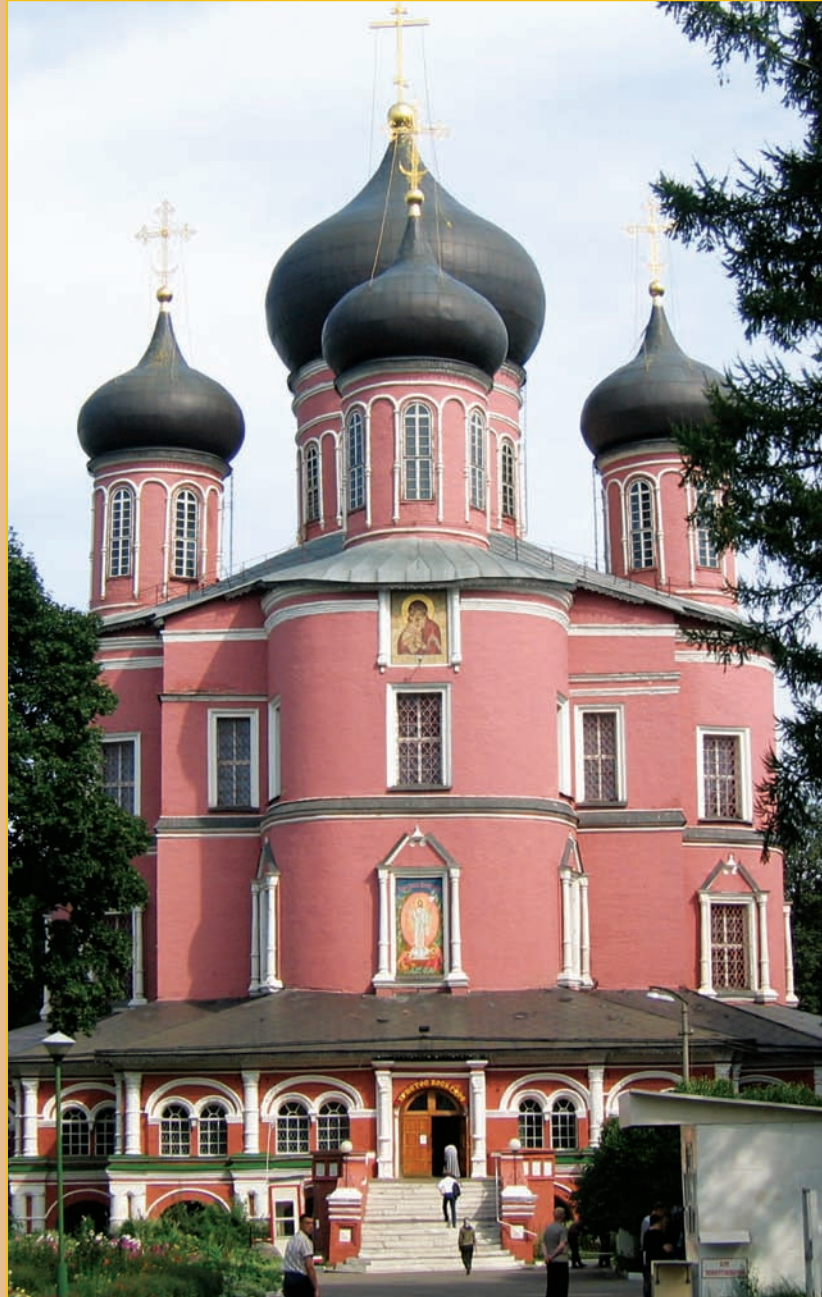
А одержав над ним победу, «восхваляли Бога и Его Пречистую Матерь и силу Животворящего Креста» и, торжественно встреченные в Киеве самим митрополитом Климентом и другими святителями со множеством духовенства, снова здесь «поклонились святой Софии и святой Богородице Десятинной».

Великий князь Андрей Боголюбский, приготавливаясь к борьбе (1164) с волжскими болгарами, велел священникам обносить перед войсками (такого обычая он держался всегда) чудотворную икону Владимирской Богоматери, икону Всемилоостивого Спаса и честные кресты, и в то время, как все зывали к Богу о помощи, лобызали иконы и кресты, сам князь, а за ним и воины, приобщились Святых Тайн. Когда после этого Господь благословил Боголюбского знаменитою победою над неверными, то прежде всего он поспешил со всею дружиною к иконе Богоматери и все «ударил челом пред святою Богородицею, с радостью

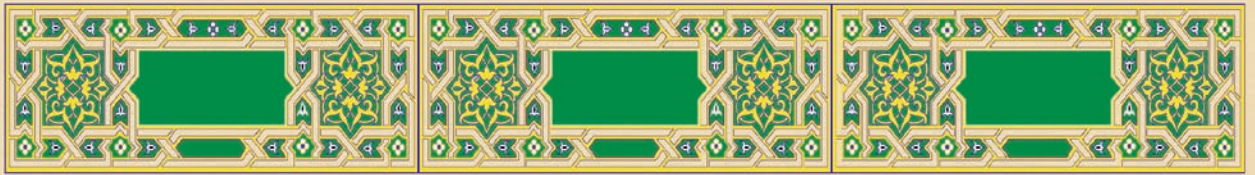

великою и со слезами воздавая ей хвалы и песни». В 1170 г. князья русские, выступая соединенными силами против половцев, положились «на помощь Божию, на силу Честного Креста и на молитву святой Богородицы» и после весьма удачного похода в землю половецкую, истребив множество неприятелей, освободив многих пленников русских и стяжав огромные добычи, «похвалили Всемилостивого Бога и силу Честного Креста с радостью великою».

Но самыми главными, самыми господствующими добродетелями того времени были две: это вспомоществование церквам и монастырям, равно

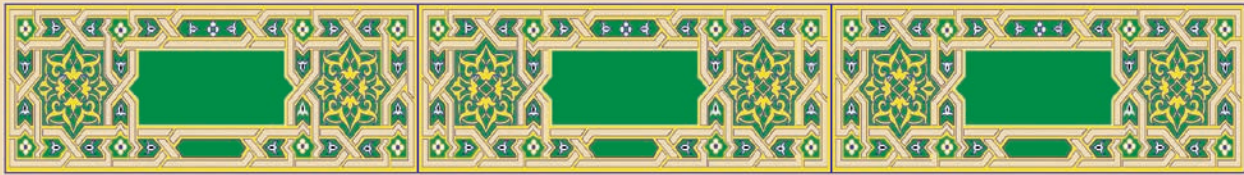

*Главный вход в храм на честь
Донской иконы Божией Матери
Свято-Донского монастыря
в Москве*

как и пастырям Церкви, а во-вторых, милосердие к бедным и несчастным. О каждом добром князе, о каком только говорят летописи, они непременно замечают, что он был милостив к нищим, не щадил имущества своего для церквей и монастырей, снабдевал всем священников и черноризцев и т. п. Особенно богатые подаяния делали князья во дни радости, по случаю каких-либо празднеств и в дни скорби – пред своею смертью или по случаю кончины своих близких родственников. Например, когда по приглашению великого князя киевского Рюрика прибыл к нему брат его Давид смоленский (1195) и здесь в честь дорогого гостя дано было несколько торжественных обедов, то и Давид, желая отвечать тем же, позвал к себе на пир сначала великого князя с его детьми, а на другой день «позва монастыре все на обед, и бысть с ними весел, и милостыню сильну раздава им и нищим».

В 1218 году, когда в Ростове освящена была церковь Святых мучеников Бориса и Глеба в присутствии великого князя владимирского Константина, и его детей, и бояр, князь «сотвори пир, и учреди люди, и многу милостыню сотвори к убогим, таков бо, – замечает летописец, – бы обычай того блаженнаго князя Константина». Ростислав, князь киевский, похоронив с честью дядю своего Вячеслава (1154), приказал снести все оставшееся имущество покойного, и одежды, и золото, и серебро, и «нача раздавати по монастырем, и по церквам, и по затвором, и нищим, и тако раздая все, себе не прия ничто». Ярослав, князь галицкий, находясь в тяжелой болезни и предчувствуя близкую кончину, позвал (1187) к себе мужей своих и всю Галицкую землю, также все соборы и монастыри и, в продолжение трех дней испрашивая себе

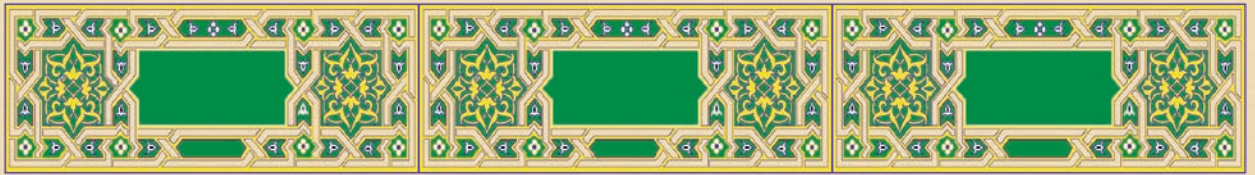
прощения во грехах у всех, «повеле раздавати имение свое монастырем и нищим, и тако даваша по всему Галичю по три дни, и не могоша раздати».

Впрочем, чтобы составить себе более подробное и раздельное понятие о добродетелях того времени, переберем некоторые отзывы летописей о наших тогдашних благочестивых князьях, ибо о других лицах, к сожалению, почти ничего такого не говорится в летописях. Судя по этим отзывам, надобно допустить, что христианское благочестие было уже глубоко насаждено в княжеских семействах и что во всех уделах, на всех престолах являлись по временам князья истинно добрые и благочестивые.

Начнем с важнейшего тогда княжения Владимирского. Андрей Боголюбский основал и возвел это княжение на степень великого. Он же первый был и украшением великокняжеского престола в новой русской столице не только по своим гражданским доблестям, но и христианским. Вот что говорят о нем летописи: «Сей благоверный и христоробивый князь Андрей с юных лет возлюбил Христа и Его Пречистую Матерь, очистив свой ум, как светлую па-

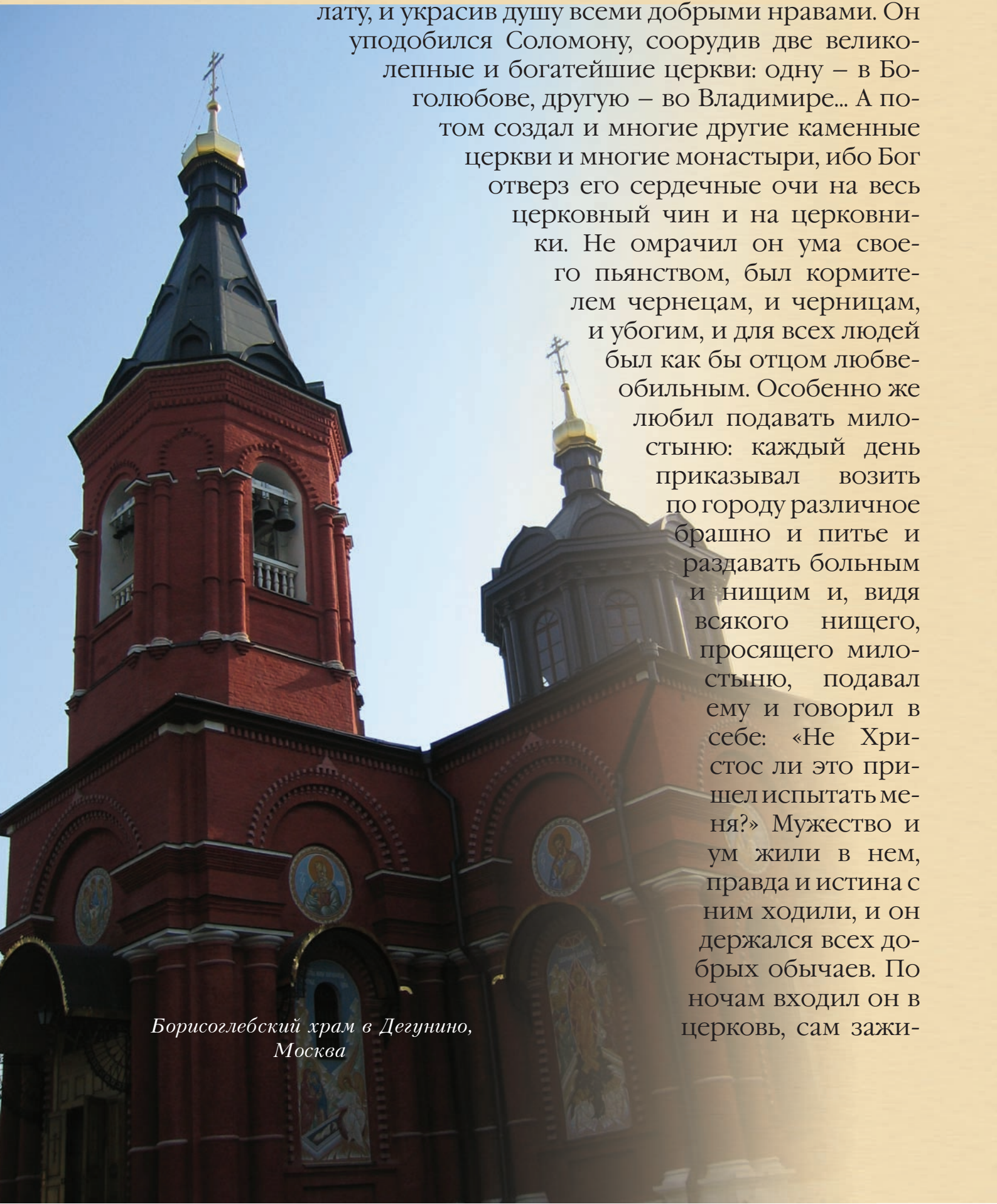

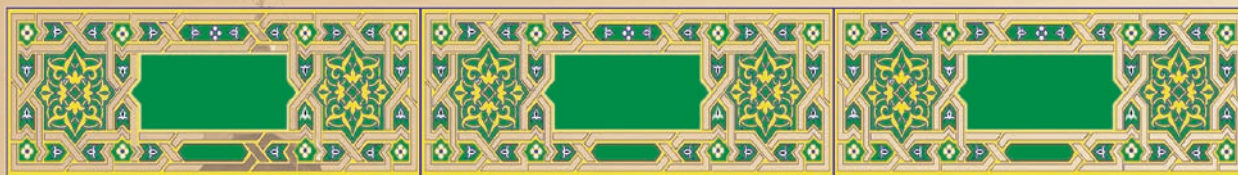
*Золотые купола храма
Христа Спасителя
в Москве*

лату, и украсив душу всеми добрыми нравами. Он уподобился Соломону, соорудив две великолепные и богатейшие церкви: одну – в Боголюбове, другую – во Владимире... А потом создал и многие другие каменные церкви и многие монастыри, ибо Бог отверз его сердечные очи на весь церковный чин и на церковники. Не омрачил он ума своего пьянством, был кормителем чернецам, и черницам, и убогим, и для всех людей был как бы отцом любвеобильным. Особенно же любил подавать милостыню: каждый день приказывал возить по городу различное брашно и питье и раздавать больным и нищим и, видя всякого нищего, просящего милостыню, подавал ему и говорил в себе: «Не Христос ли это пришел испытать меня?» Мужество и ум жили в нем, правда и истина с ним ходили, и он держался всех добрых обычаев. По ночам входил он в церковь, сам зажи-

*Борисоглебский храм в Дегунино,
Москва*

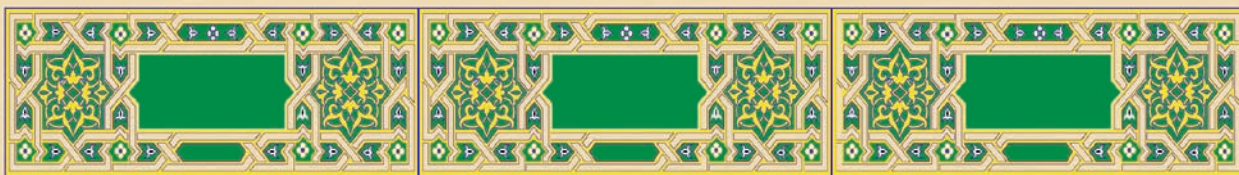

гал свечи и, повергаясь пред иконами Господа и святых Его, с сердцем сокрушенным и смиренным приносил, подобно Давиду, покаяние и плакал о грехах своих. Возлюбив нетленное более временного и Царство Небесное более царства земного, он был украшен всякою добродетелию». Церковь причла благоверного князя Андрея, вкусившего насильственную смерть от своих сродников и близких людей, к лику святых.

Другой достойнейший князь владимирский был брат Андрей Всеволод, заслуживший в истории имя великого; и этот князь, по словам летописи, «был украшен всеми добрыми нравами. Он казнил злодеев, миловал добрых; имени его трепетали все страны, и так как он не возносился и не величался собою, но всю свою надежду возлагал на Бога, то Бог и покорял под ноги его всех врагов. Много церквей создал он в своей области, и церковь прекрасную святого Димитрия на дворе своем, и монастырь святой Богородицы... Всегда имел он в сердце страх Божий, подавал милостыню требующим, творил суд истинный и нелицемерный, не обвиняя лица сильных своих бояр, защищал слабых и сирот от притеснителей, всего же более любил черноризский и священнические чины. За то и Бог даровал ему чад добромысленных, которых и воспитал он в благочестии и разуме совершенном даже до мужества».

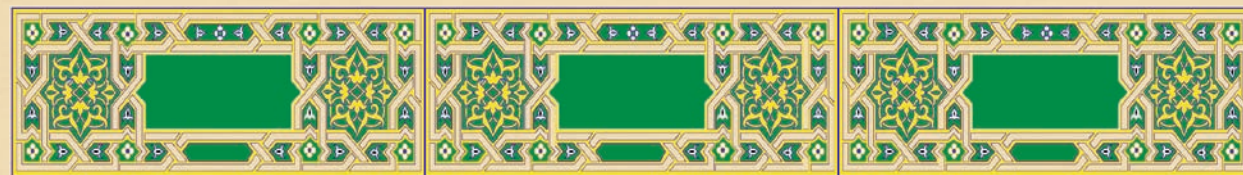
Еще выше отзывы летописей о старшем сыне Всеволода – владимирском князе Константине, хотя он скончался только на 33-м году своей жизни. «Этот блаженный князь возлюбил Бога всею душою и всем желанием; не омрачил он ума своего суетною славою мира сего, но весь свой ум устремлял туда, к жизни вечной, которую и улучил своими милостынями и великим незлобием. Был правдив, щедр, кроток, смирен, всех миловал, всех снабдевал, особенно же любил дивную и славную милостыню и церковное строение, помышляя о том день и ночь. Весьма заботился он о создании прекрасных Божиих церквей и много их создал в своей области, наделяя святыми иконами, книгами и разными украшениями. Чрезмерно любил иерейский и монашеский чин, подавая им потребное и принимая от них молитвы и благословение. Не щадил имения своего, раздавая его требующим, и во-

*Храм Бориса и Глеба в Зюзино,
Москва*

истину был, по Иову, оком – слепым, ногою – хромым, рукою – неимущим, всех любя, нагих одевая, усталым доставляя покой, печальных утешая и не огорчая никого ничем. Всех умудрял телесными и духовными беседами, ибо часто читал книги с прилежанием и все творил по Писанию, не воздавая злом за зло. По истине Господь одарил его кротостию Давидовою, мудростию Соломоновою, ибо он исполнен был апостольского правоверия.

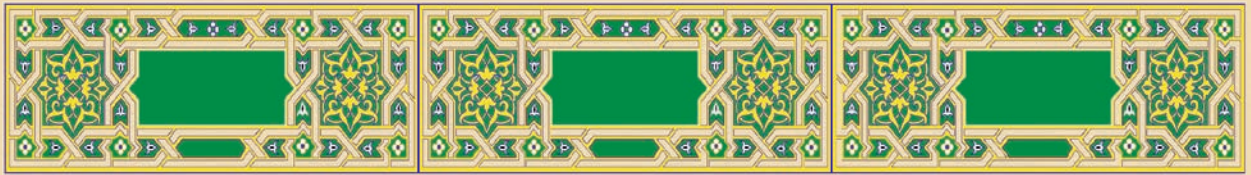
По преставлении его жители Владимира стеклись на его двор и плакали о нем великим плачем: бояре – как о заступнике земли их, слуги – как о кормителе их и господине, убогие и черноризцы – как об утешении их и одеянии наготы их, и все плакали, лишившись

такого
м и л о -
с т и в ц а » .
Всю душу
свою показал
благочестивый
князь Констан-
тин в следующем
кратком настав-
лении детям, по-
сылая их незадолго
пред кончиною сво-
ею в их уделы: «Воз-
любленные чада мои!
Будьте между собою в
любви, Бога бойтесь
всею душою, запове-
ди Его соблюдайте во
всем и восприимите
все мои нравы, кото-
рые вы видели во мне.
Нищих и вдовиц не
презирайте, церкви не
отлучайтесь, иерей-
ский и монашеский
чин любите, книжно-
го учения слушайте,
и Бог мира да будет
с вами. Имейте по-
слушание к старей-
шим вас, которые
внушают вам до-
брое, так как вы
еще малолетни.
Чувствую, дети
мои, что от-

*Возле храма
Святого
апостола Андрея
Первозванного
в Киеве*

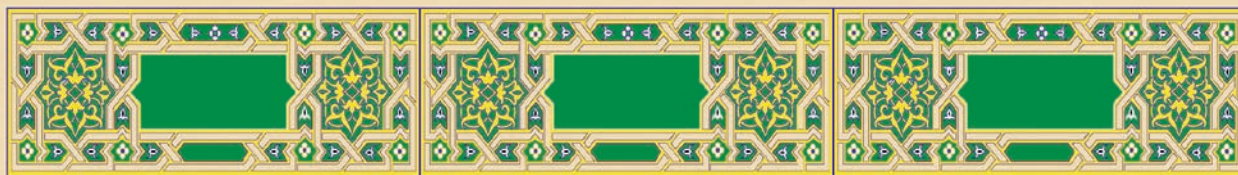

шествие мое из мира приближается, и вот я поручаю вас Богу и Его Пречистой Матери и брату моему Георгию, который да будет вам вместо меня».

Этот брат Константина Георгий, наследовавший после него великокняжеский престол во Владимире, отличался также высоким христианским благочестием. «Он старался, – говорит летописец, – хранить заповеди Божии, всегда имея в сердце страх Божий, и любил не только друзей, но и врагов. Милостив был выше меры, не щадя имения своего и раздавая его требующим; создал многие церкви и монастырь Святой Богородицы в Нижнем Новгороде, украшая их бесценными иконами и книгами; до крайности любил черноризский и поповский чин, подавая им потребное». Вкусив смерть от татар на берегах реки Сити (1238), христоробивый князь Георгий причтен Церковию за благочестие к лику святых.

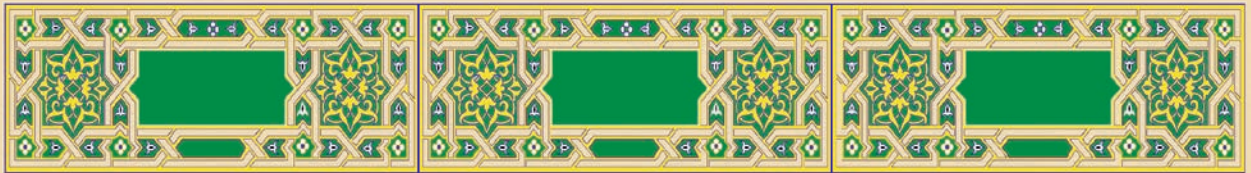
Древняя русская столица – Киев видела также немало благочестивых князей на своем престоле. Таков был Ростислав Мстиславич (1168). Он имел великую любовь к Пресвятой Богородице и святому отцу Феодосию Печерскому и часто говорил печерскому игумену Поликарпу: «Хотел бы я освободиться от мало-временного и суетного света и многомятежного жития; поставь мне, игумене, добрую келью: боюсь напрасной смерти». Игумен обыкновенно отвечал: «Вам Бог повелел жить в мире, творить суд и правду и соблюдать данную присягу». «Но, отче, – заметил на это Ростислав, – княжение не может обойтись без греха; я уже немало пожил на свете и хотел бы поревновать благоверным царям, пострадавшим для Господа, святым мученикам, пролившим за Него свою кровь, и святым отцам, удручавшим тело свое постом и достигшим тесным путем Царствия Небесного». Наконец игумен согласился и сказал: «Ежели желаешь сего, княже, да будет воля Божия». Ростислав отложил на время исполнение этого желания, вероятно подчинившись внушению духовника своего Семиона, потому что, когда внезапная болезнь приблизила его к могиле, он позвал отца Семиона и сказал ему: «Ты отдашь слово пред Богом за то, что удержал меня от пострижения». Между тем во время княжения своего в Киеве Ростислав имел такой

обычай: в Великий пост, в каждую субботу и воскресенье приглашал к себе на обед двенадцать чернецов печерских и с ними тринадцатого игумена Поликарпа и, угостив их, отпускал с дарами, а сам каждое воскресенье приобщался Святых Христовых Тайн, омывая лицо свое слезами и испуская из глубины сердца стенания и вздохи, так что все видевшие его в таком смирении не могли удержаться от слез. По окончании поста, в Лазареву субботу, он приглашал к себе не только всех печерян, но и черноризцев из всех других монастырей, а в следующие дни года утешал печерскую братию по средам и пятницам. В 1173 г. скончался благоверный князь киевский Глеб Юрьевич, и вот что замечено о нем в летописи: «Этот князь был братолюбец; если кому целовал крест, то не изменял слова до смерти; был кроток, благонравен, любил мона-

На этом фундаменте когда-то стоял величественный храм с чудотворными мощами святых мучеников Бориса и Глеба

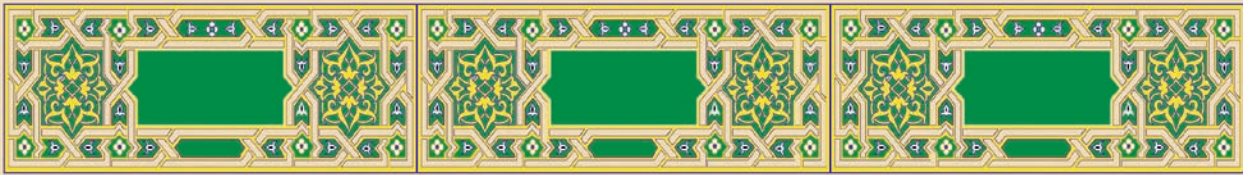

Макарий (Михаил Петрович Булгаков) – митрополит Московский (1816–1882), известный церковный историк и богослов. По окончании Киевской духовной академии преподавал там русскую историю, гражданскую и церковную. С 1846 г. начала выходить «История русской церкви» в тринадцати томах – труд, имеющий такое же значение для богословской жизни, как труд Соловьева для русской истории. Дополнением к ней служит «История русского раскола, известного под именем старообрядчества». В 1850 г. Макарий был назначен ректором академии и возведен в сан епископа. В 1854 г. Академия наук выбрала его академиком. В 1859 г. он был назначен в Харьков, в 1868 г. – на кафедру литовскую, а в 1879 г. – митрополитом Московским.

При начале своей учено-литературной деятельности Макарий дал обет делать сбережения от продажи своих сочинений. Эти сбережения он завещал в распоряжение Академии наук, синода и духовных академий.

стыри, чтит чернеческий чин, щедро снабдевал нищих». Под 1200 г. читаем о киевском князе Рюрике и супруге его следующий отзыв: «Он имел страх Господень, целомудрие Иосифа, добродетель Моисея, кротость Давида, правоверие Константина, был милостив ко всем, от великих до самых малых, подавал требующим без скудости, был расположен к монастырям и ко всем церквам, любя созидать их. Равно и христоробивая княгиня его Анна ни о чем другом не заботилась, как только об удовлетворении церковных потреб и о помиловании обидимых, маломощных и всех бедствующих».

Обращаясь к другим уделам русским, мы видим благочестивых князей: в Новгороде – Святослава и Мстислава Ростиславичей, в Смоленске – Романа и Давида Ростиславичей, в Галиче – Ярослава Владимировича, в Ростове – Василька Константиновича, в Муроме – Петра Георгиевича и т. д. О двух первых князьях – Святославе (1172) и Мстиславе (1179) Ростиславичах, каждым порознь, летопись говорит одно и то же: «Был украшен всякою добродетелию, любовь имел ко всем, особенно же прилежал милостыне, снабдевал монастыри, утешая черноризцев и мирские церкви, воздавал достойную честь священникам и всему святительскому чину; не щадил имущества своего, но раздавал его любимой дружине и на пользу души своей». Роман Ростис-

лавич смоленский (1180) «был смирен, кроток, незлобив, правдив, исполнен страха Божия; питал истинную любовь ко всем и к своим братьям, миловал нищих, снабжал монастыри и создал каменную церковь Святого Иоанна, которую украсил всяким строением и иконами драгоценными, на помин души своей».

Давид Ростиславич смоленский (1197) «был благонравен, христолюбив, нищелюбив, наделял монастыри и прочие церкви, с любовью принимал к себе чернецов и игуменов, испрашивая от них благословение, и вообще достойно чтит всех священнослужителей; он имел обычай каждый день ходить в церковь Святого Михаила, которую сам создал, и здесь, смиренно повергаясь перед святыми иконами, со слезами молился, чтобы Господь простил ему грехи и удостоил его воспринять ангельский образ, чего и удостоился незадолго перед своею кончиною».

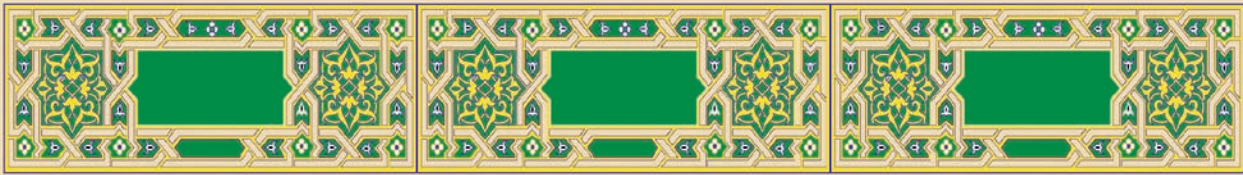
Ярослав Владимирович галицкий (1187) «был князь мудрый, красноречивый, богобоязненный, раздавал большую милостыню, принимал странников, кормил нищих, любил черноризцев и помогал им, сколько мог, ходил во всем Законе Божиим и сам наблюдал за церковным чином, сам благоустраивал церковный клир».

Василько Константинович ростовский «был для всех церковников, нищих и печальных как отец любвеобильный, особенно же отличался милостынею; был ласков к боярам и весьма снисходителен к своим слугам; мужество и ум в нем жили, правда и истина с ним ходили». Убиенный татарами в 1238 году, он причтен Церковию за свои добродетели к лику святых. Что же касается муромского князя Петра, в монашестве Давида Георгиевича (1228), о котором не встречаем отзыва в летописях, то довольно заметить, что и этот князь вместе с супругою своею Феврониюю, в монашестве Евфросиниюю, причтен Церковию к лику святых.

Если в числе одних князей русских в продолжение столетия было столько благочестивых, хотя еще нельзя сказать, чтобы летописи перечислили их всех, то можем, по крайней мере, гадать о нравственном настроении и вообще русского общества в то время. Пример князей и княжеских семейств не мог оставаться без влияния на подданных, да и сами князья, конечно, жили сообразно с господствовавшим духом времени.

**СВЯТЫЕ
СТРАСТОТЕРПЦЫ
БОРИС И ГЛЕБ:
к истории канонизации
и написания жития**

Александр Ужанков*

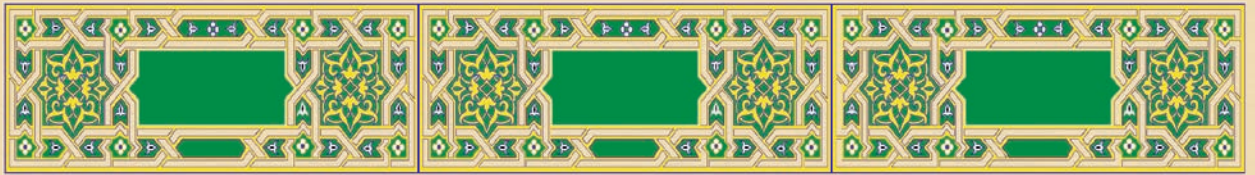
К*огда же сложилось* «Сказание и страсть и похвала святых мучеников Бориса и Глеба» в дошедшем до нас полном виде, то есть объединенном со «Сказанием о чудесах»? Вернемся к событиям конца XI – начала XII веков и проследим судьбу обрушившейся в одну ночь каменной церкви, достроенной Всеволодом во имя страстотерпцев, а также распространение культа святых Бориса и Глеба в Древней Руси.

Принявший киевский престол после Всеволода Святополк Изяславич, как и его отец, «не дрезну» на новое церковное строительство. В 1102 г. Владимир Мономах тайно позолотил серебряные саркофаги святых. Его двоюродный брат Олег Святославич взялся завершить начатое отцом строительство и в 1111 г. восстановил церковь, однако Святополк не позволил черниговскому князю перенести мощи святых Бориса и Глеба из деревянной, то есть Изяславовой церкви, в каменную Святославову, «зане не сам бяше ее создал, церкви тоя».

Новые торжества по перенесению мощей Бориса и Глеба в новую каменную церковь (гораздо более пышные, чем в 1072 г.) состоялись 2 мая 1115 г. уже во время княжения в Киеве Владимира Всеволодовича Мономаха.

Даже сама история строительства каменной церкви в честь святых Бориса и Глеба отражает разные интересы Ярославичей и их сыновей в подходе к культу первых русских святых. Очевидно, что позиция Святослава, выражавшаяся в первоочередности покровителя Черниговского княжества Глеба, не нашла, да и не могла найти, сочувствия и поддержки у последу-

*Журнал «Древняя Русь», 3, 2001.

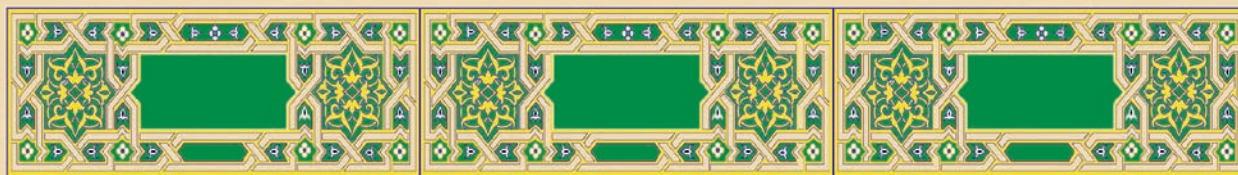
ющих киевских князей. Исключением оказался его сын Олег, князь черниговский, закончивший отцово строительство. Но он не был ни киевским князем, ни обладал таким влиянием, как Мономах. Правда, в споре, где стоять саркофагам святых, разрешенном с помощью жребия, победил Олег, и гробницы были установлены в намеченном еще Святославом месте. История строительства каменной церкви описана во второй части «Сказания о Борисе и Глебе», которая называется «Сказание о чудесах святых страстотерпцев Христовых Романа и Давида», или, сокращенно, «Сказание о чудесах». «Сказание» продолжает первую часть после заметки «О Борисе как бе взором», напоминающей по форме рекомендации к иконописному подлиннику.

* * *

В мои нынешние планы не входит выяснение истории сложения дошедшего до нас полного текста «Сказания о Борисе и Глебе», но несколько предварительных замечаний придется сделать.

Мне представляется очевидным, что «Сказание о гибели Бориса и Глеба» вместе с рассказом о перенесении в 1072 г. их мощей, помещенном уже в начале XII века в «Сказание о чудесах», было написано в годы княжения в Киеве Святослава, то есть между мартом 1073 г. и декабрем 1076 г. Свои рассуждения по этому поводу я изложил выше. Что же касается описаний трех чудес – о хромом, сухорукой жене и слепце из «Сказания о чудесах», то они были сделаны в иной, нежели у Нестора, редакции и значительно позднее 1080-х годов, когда произошло чудо с сухорукой женой. К ним примыкает эпизод о заключенных в темницу, произошедший якобы при Святотоплке Изяславиче (а у Нестора – при Ярославле Мудром!), рассказ о золочении раки святых Владимиром Мономахом в 1102 г. и повествование о новом перенесении мощей святых Бориса и Глеба 2 мая 1115 года.

Совершенно очевидно, что эта часть «Сказания о Борисе и Глебе» не могла быть написана ранее последней упомянутой

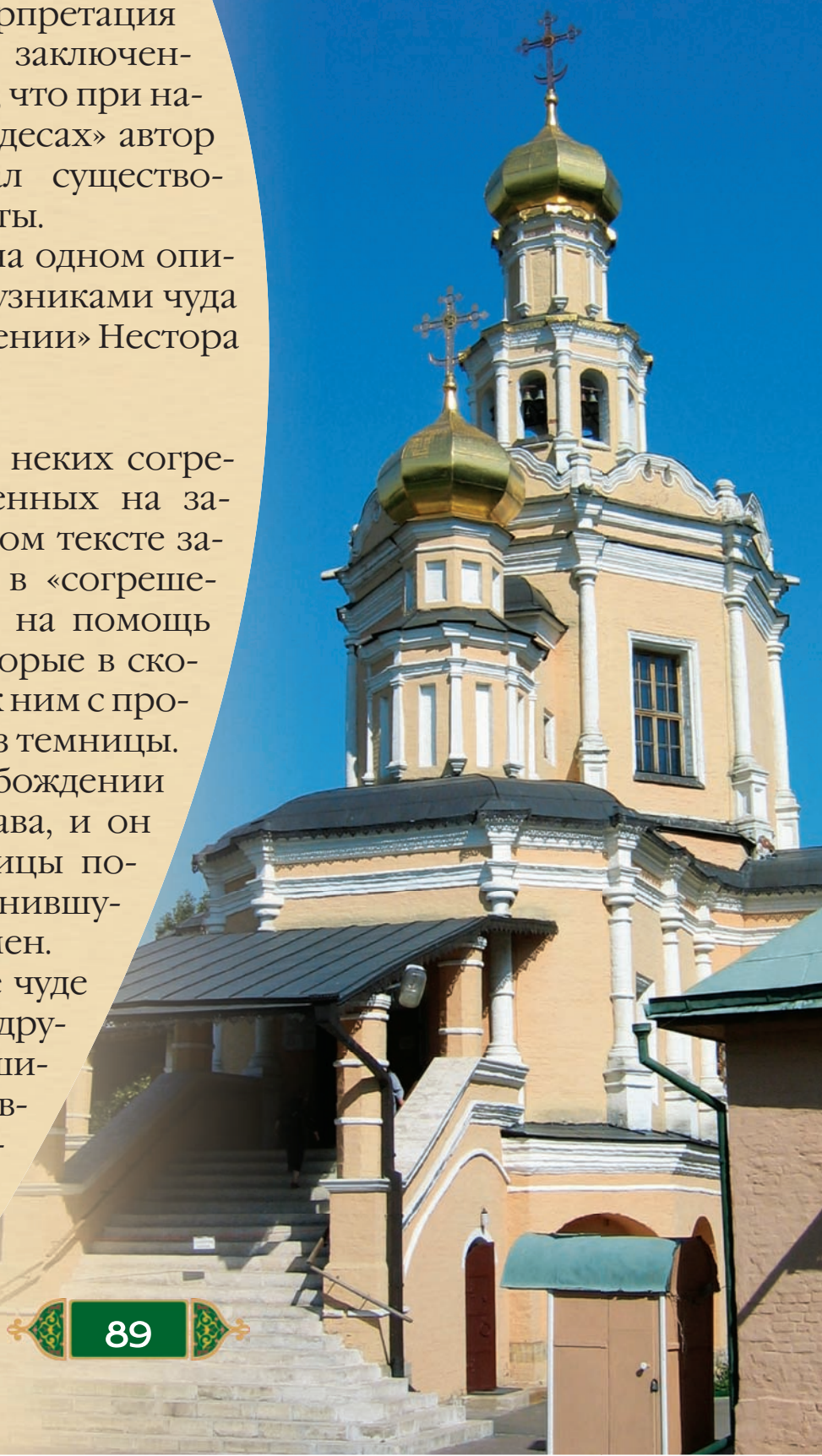
даты. Помещение описания событий 20 мая 1072 г. в более позднее по созданию «Сказание о чудесах», а также иная, чем у Нестора, редакция и интерпретация трех чудес и эпизода с заключенными позволяют думать, что при написании «Сказания о чудесах» автор основательно переделал существовавшие на то время тексты.

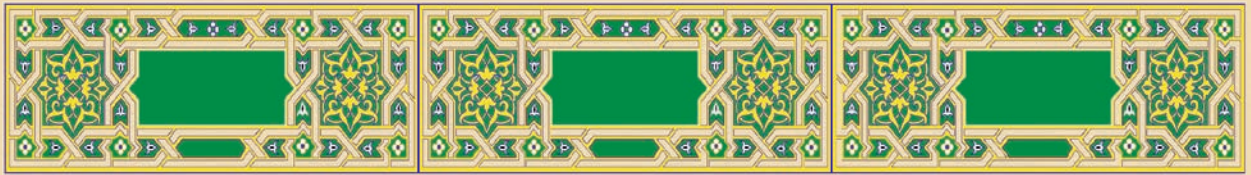
Остановлюсь только на одном описании происшедшего с узниками чуда в двух изложениях – «Чтении» Нестора и «Сказании о чудесах».

В первом речь идет о неких согрешивших мужах, осужденных на заточение в темницу. В этом тексте заключенные раскаялись в «согрешении своем» и призвали на помощь свв. Бориса и Глеба, которые в скором времени и явились к ним с прощением и освободили из темницы. Весть о чудесном освобождении мужей дошла до Ярослава, и он повелел на месте темницы построить церковь, сохранившуюся до Нестеровых времен.

В «Сказании» о том же чуде рассказано совсем по-другому. Во-первых, свершилось оно уже при княжившем в Киеве Святополке Изяславиче, то есть между 1093 и 1113 го-

*Борисоглебский храм
в Зюзино, Москва.
Вид со стороны
главного входа*

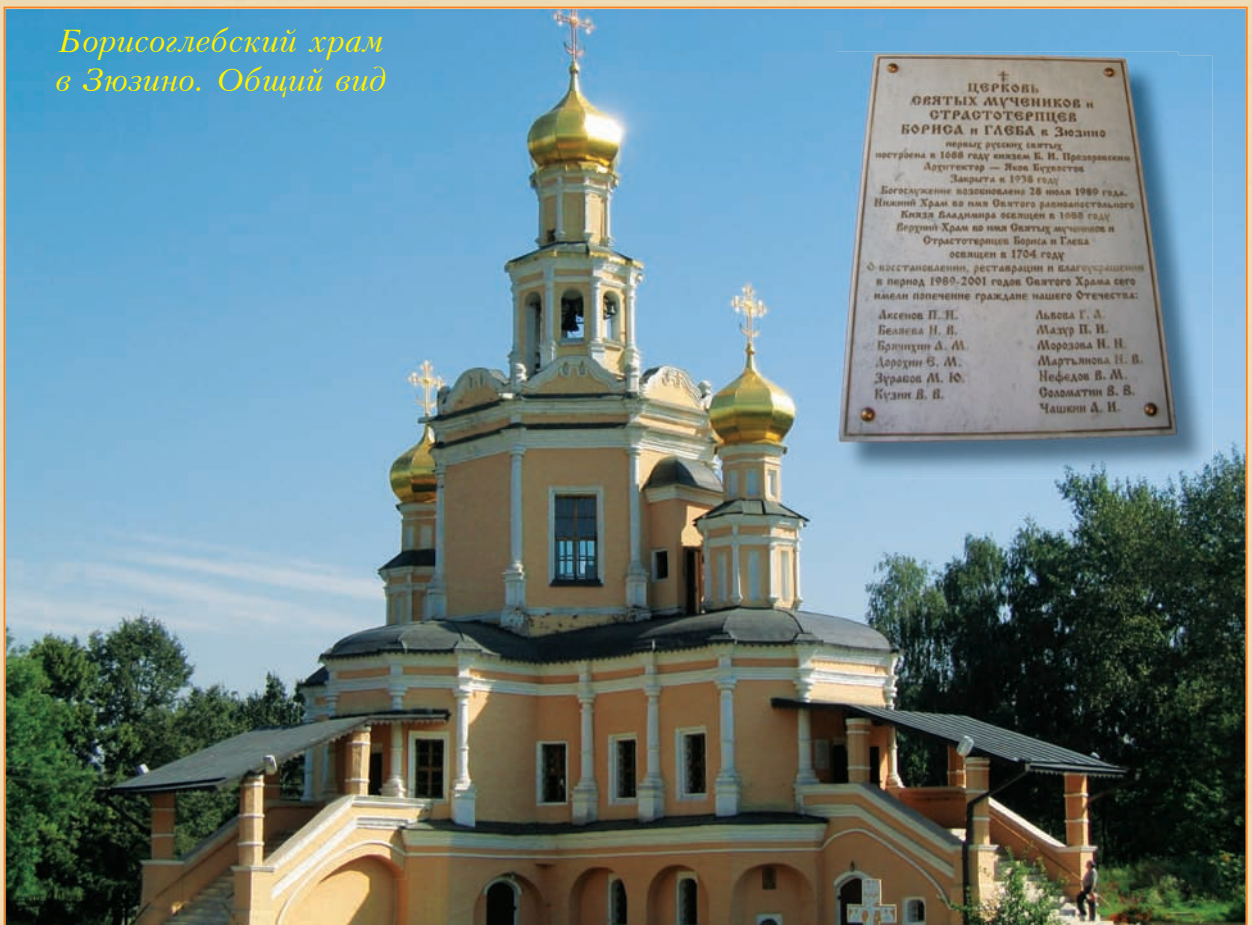

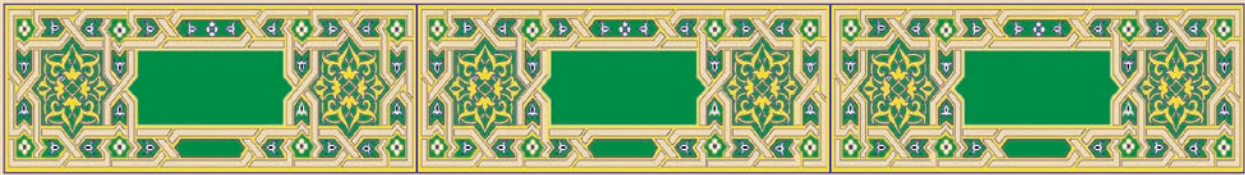

дами. Во-вторых, Святополк выступает не как свидетель чуда (Нестором эта роль отводилась Ярославу Мудрому), а как непосредственный виновник случившегося. Именно он сажает в темницу оклеветанных мужей, творя «волю княжу», и, забыв предупредить пророка Даниила о невинно осужденных, сам совершает греховный проступок. Святые Борис и Глеб освобождают невинных, и тень авторского осуждения ложится на Святополка.

Как видим, два автора усмотрели две различные мотивировки чуда: первый – в покаянии и прощении узников, второй – в своеволии князя и невинности заключенных.

Аналогию случаю, описанному в «Сказании», можно найти в событиях 1101–1102 годов, когда Святополк в Киеве дважды своевольно сажал в темницу берестейского князя Ярослава Ярополчича. И, что любопытно, оковы с него сняли как раз у

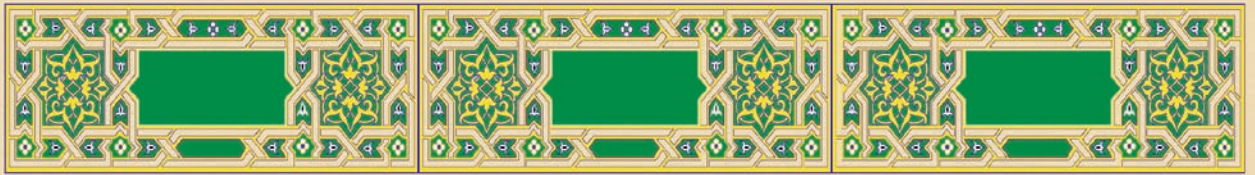
гробниц свв. Бориса и Глеба в 1101 году. Смерть князя Ярослава после вторичного заточения лежала на совести Святополка. Совершенно очевидно, что описание своеволия Святополка в «Сказании» могло возникнуть только после его смерти, то есть после 1113 года, уже в княжение Владимира Мономаха. Стоит отметить, что и в целом автор «Сказания» отрицательно настроен к Святополку (как, впрочем, и вторая, промонахова редакция «Повести временных лет»), а вот Нестор в своем сочинении его вовсе не упоминает, ибо закончил «Чтение» до вокняжения в Киеве Святополка.

Интересно также, что рассказ о сухорукой жене поведен в «Сказании» не с ее слов, как у Нестора, а со слов очевидца чуда Лазаря, бывшем в то время старшим священником в Вышгороде, имя которого упоминается в этом коротком рассказе четырежды, в то время как у Нестора – ни разу. Собственно этим и объясняются «разночтения» в описаниях чуда, на которые часто ссылаются исследователи. Приводит имя Лазаря, уже как епископа Переяславльского, летописная статья 1072 года и «Сказание», но уже в другом контексте, а именно при воспроизведении торжеств 1115 года. Возможно, проявленный интерес к Лазарю свидетельствует о близости к нему автора «Сказания о чудесах». Но вряд ли есть основания считать самого Лазаря (с ноября 1105 г. по сентябрь 1117 г. – епископа в Переяславле) автором «Сказания о Борисе и Глебе», написанного в Киеве.

* * *

Закономерно возникает вопрос: когда и где «Сказание о чудесах» было написано и объединено со «Сказанием о гибели Бориса и Глеба»? Иными словами, когда и где возникло дошедшее до нас цельное «Сказание и страсть и похвала святому мученику Бориса и Глеба» – второе соответствующее канону житие святых?

Однозначно можно ответить, что после перенесения мощей святых Бориса и Глеба 2 мая 1115 года, о которых оно повествует. Где же была выполнена эта работа и почему в ее

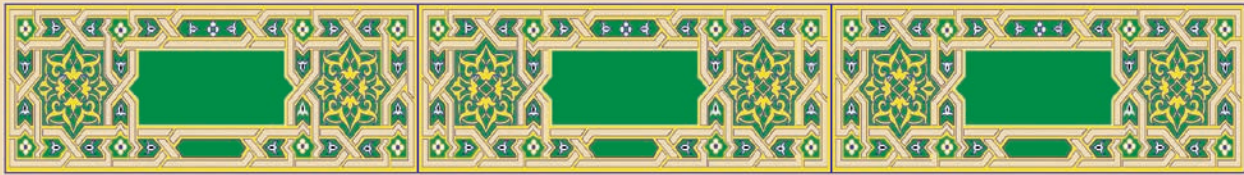

основу легло «Сказание о гибели Бориса и Глеба», а не каноническое «Чтение» Нестора? В «Сказании о чудесах» ярко выражена промономахова позиция автора. Несомненно, он был соратником и сторонником Мономаха. Неоднократные упоминания в «Сказании о чудесах» Лазаря, бывшего в 1088–1105 годах игуменом в Выдубицком монастыре, а до этого старшим священником в церкви Святых Бориса и Глеба, дает возможность предположить, что работа над «Сказанием о Борисе и Глебе» велась в том же Выдубицком монастыре человеком, хорошо знавшим Лазаря. Во всяком случае, в описании чуда с сужорукой женой он воспользовался именно его рассказом.

Из истории сложения «Повести временных лет» мы знаем, что вторая ее, также промономахова, редакция, датируемая 1116–1117 годами, была сделана в Выдубицком монастыре игуменом Сильвестром, который, кстати сказать, унаследовал свое игуменство от Лазаря, а по смерти последнего и Переяславльскую епископию. Нет ничего удивительного (и даже выглядит закономерным), что промономаховы произведения выходили из стен Выдубицкого монастыря, основанного отцом Мономаха – Всеволодом. Сильвестру, видимо, принадлежит и статья «Повести временных лет» 1072 г. о перенесении мощей Бориса и Глеба с упоминанием имени Лазаря в конце ее.

Когда Нестор писал свое «Чтение», Выдубицкий монастырь еще не был основан, поэтому полное, с описанием чудес, житие святых Бориса и Глеба было написано в Киевском Печерском монастыре, и полностью соответствовало религиозно-политическим требованиям княжившего в то время в Киеве Всеволода, отстаивая принцип старшинства в престолонаследовании и Борисоглебский культ.

С упрочением позиций Выдубицкого монастыря наметилось соперничество двух обителей. Прорусскую позицию, идущую от первого из русских митрополитов, бывшего вышгородского священника Илариона, отстаивал Печерский монастырь, старейший из известных на Руси. Позицию грекофилов Всеволодовичей («Мономаховичей») выражал княжий Вы-

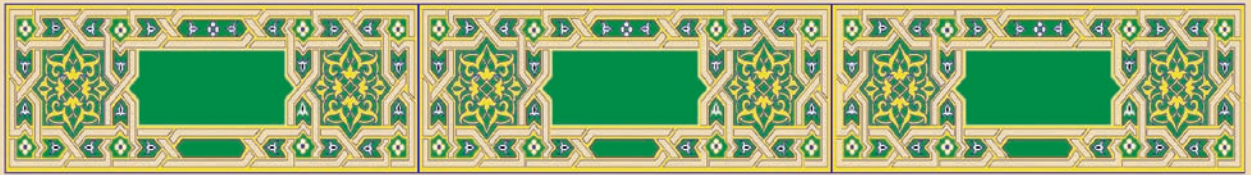
дубицкий монастырь. Вот почему переработка Печерской редакции «Повести временных лет» Нестора была произведена по заказу Владимира Мономаха именно в Выдубичах, причем (sic!) почти в то же самое время, когда было написано и «Сказание о чудесах».

* * *

Почему же дорабатывалось «Сказание о гибели Бориса и Глеба», а не переделывалось «Чтение»? На мой взгляд, это можно объяснить рядом причин. Вышедшее из стен Печерского монастыря «Чтение о Борисе и Глебе» являлось каноническим житием святых, написанном для церковной службы 24 июля, в день общерусского праздника, известного и в других странах. Оно имело почти тридцатилетнюю практику употребления, то есть не требовало переделок. К тому же в нем были

*Колокольня Свято-Успенской
Киево-Печерской Лавры*

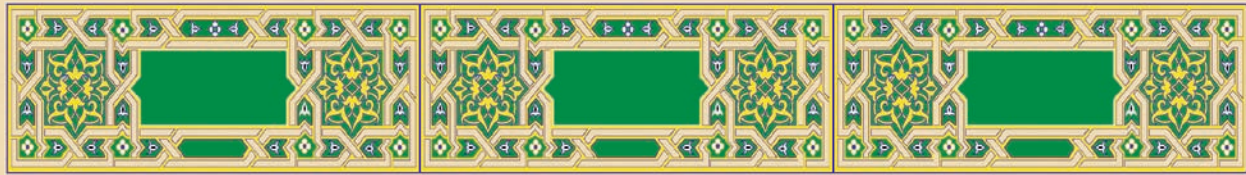

своя концепция событий, отличная от более поздних интерпретаций, летописной статьи 1015 г. и «Сказания о Борисе и Глебе», а также своя идеология, противная выдубичанам. Последнее, видимо, и предрешило выбор выдубицкого автора, а, может быть, он руководствовался подсказкой Владимира Мономаха, одно время княжившего в Чернигове и, несомненно, хорошо знавшего «Сказание». Эту летопись нетрудно было приспособить для новых нужд, дополнив рассказами о чудесах, творимых святыми, и сделав некоторые правки, чтобы соединить два произведения в одно.

В это время появляется глава «О Борисе как бе взором» – об облике покровителя Всеволодовичей, а во второй, видимо, специально дописанной части произведения, – «Сказания о чудесах», отчетливо выражается промономахова позиция автора. Поэтому и в целом «Сказание о Борисе и Глебе» вполне удовлетворило княжившего в Киеве Владимира Мономаха, уделявшего особое внимание святым. В 1102 г. он тайно (sic!) позолотил раки свв. Бориса и Глеба, а к перенесению мощей в 1115 г. устроил в церкви специально для саркофагов святых «терем серебрян». Недоставало только новой, специально к этим торжествам написанной службы и религиозно-литературного сочинения, которое бы соответствовало запросам нового киевского князя.

Таковым и стало «Сказание о Борисе и Глебе», созданное после торжеств 2 мая 1115 года. По всей вероятности, они были призваны затмить своей пышностью предыдущие. Во всяком случае, Владимир Мономах стремился к этому. А задача нового жития святых, уже соответствующего церковному канону, состояла в том, чтобы вытеснить на службе 24 июля «Чтение о Борисе и Глебе», что в значительной степени ему удалось. Более того, праздник, с новой службой и новым житием, со временем становится общерусским.

До недавнего времени службы святым Борису и Глебу не были предметом специального рассмотрения, хотя это мог-

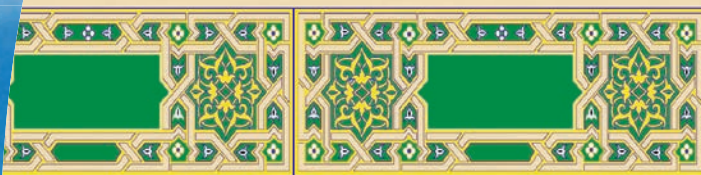

ло существенно помочь датировке их житий и восстановлению самого процесса канонизации святых страстотерпцев. После публикации моей статьи, посвященной этим проблемам, появились сообщения об исследованиях Н. С. Серegiной и Е. В. Антоновой, которые не только не противоречат моим выводам, но и существенно их дополняют. В частности, разыскания Н. С. Серegiной показали, что все сохранившиеся до наших дней стихирари домонгольского периода содержат стихирьы Борису и Глебу лишь в разделе на 24 июля. На 2 мая в древнейших списках стихирарей служба не фиксируется. Известен лишь кондак Борису и Глебу на 2 мая – «мученика Христова». Самым ранним указанием службы на 2 мая являются несколько стихир в не-

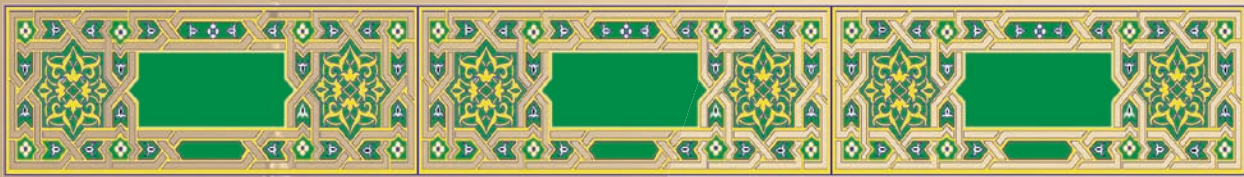
*Возле Царских Врат,
уцелевших от древнего храма
Святых мучеников Бориса и Глеба
и хранящихся ныне
в Государственном историческом
музее-заповеднике Чернигова*

*Новый
Борисоглебский
храм в центре
российской
столицы
на Арбатской
площади*

нотированной рукописи конца XIV века (РГБ. Ф. 304. 22). Очень важно, что в этом разделе помещаются не новые стихирьы к празднику перенесения мощей, а «выписаны уже известные ранее стихирьы из службы на 24 июля». Та же ситуация повторяется и в другом стихираре XIV века (РГБ. Ф. 113. 3), «содержащем в разделе на 2 мая стихирьу «Придите, восхвалим», также известную на 24 июля».

Специально приуроченные к празднику перенесения мощей святых 2 мая стихирьы появляются в служебной мине только в XV веке. Интересно, что «все стихирьы на 24 июля могли выборочно входить в службу 2 мая, и только пять стихирь принадлежат исключительно службе 2 мая и не используются 24 июля». То есть мы получаем еще одно существенное подтверждение и первенства дня памяти 24 июля, и его приоритета перед другими борисоглебскими праздниками (2 и 20 мая, 5 сентября).

Корпус песнопений на 24 июля содержит 24 стихиры, два канона, три кондака, икос, седален и светилен. По замечанию Н. С. Серегиной, «он превышает ровно в три раза гимнографический стереотип одной службы святому по церковному Студийскому Уставу домонгольской Руси (в части стихир). Стихиры Борису и Глебу подразделяются по жанрам в соответствии со структурой службы: шесть групп (по три) «подобных» стихир и шесть самогласных. Среди них три группы стихир, исполнявшихся в заключительной части службы после псалма «Хвалите Господа».

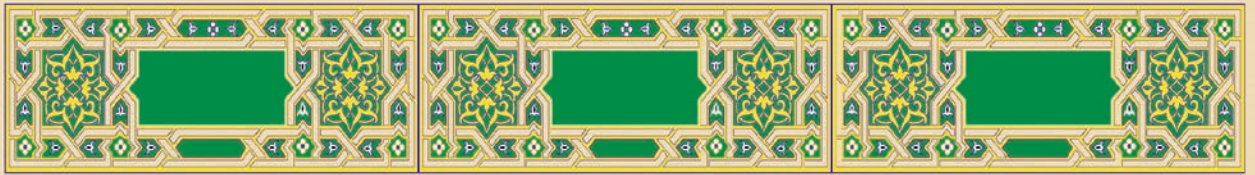
Следует обратить внимание на вывод, сделанный на этом основании исследовательницей: «Три группы стихир, исполняющихся на хвалитех, свидетельствуют, что перед нами в списках XII в. не одна, а три службы Борису и Глебу. А из этого следует, что вопрос о датировке культа и произведений Борису и Глебу состоит из трех частей – по числу служб, созданных в разное время».

Основываясь на свидетельствах «Сказания» и «Чтения» об учреждении в 1072 и 1115 гг. двух праздников – перенесения мощей свв. Бориса и Глеба, исследовательница относит к ним и составление двух из трех служб, тогда третью, самую раннюю, она относит ко времени Ярослава Мудрого, связывая ее появление с самым первым перенесением мощей святых в специально выстроенную кн. Ярославом деревянную церковь их имени и с первым упоминанием праздника 24 июля.

* * *

Такие датировки служб можно легко проверить, опираясь на имеющиеся в двух житиях описания всех трех торжеств. Начнем с самого первого перенесения мощей свв. Бориса и Глеба 24 июля при Ярославе Мудром.

«Пришедшим же им в град, и сотвори архиепископ обычное храму обновление, рекше священие. Раце же святою постави в церкви на деснеи стране, месяца июля в 24 день, в не же блаженный Борис убиен бысть. Устависта же христоролюбивый Ярослав и преподобный митрополит Иоанн в день

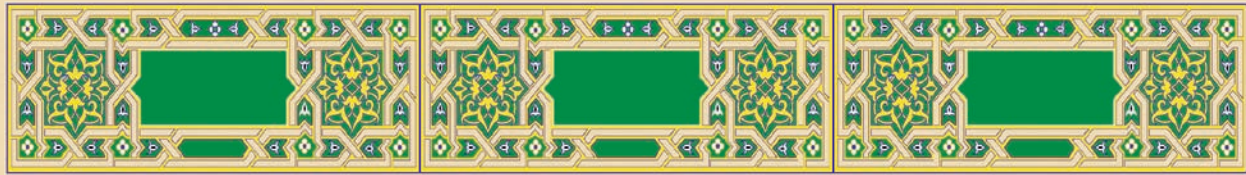
на всяко лето праздник творити има, яко же и ныне свершася. Таче потом, яко сконча святую литургию, пояты и благоверный князь Ярослав на обед со всеми обретшимися ту».

«Сказание» немного лаконичнее, но свидетельствует о том же: «И шедше с хресты Иоанн митрополит, и князь Ярослав, и все поповство, и людие, и пренесоша святая, и церковь свянтиша, и уставиша празднък праздновати месяца иулиа в 24: вонже день убиен преблаженный Борис, в то же день и церкы священа, и пренесена быста святая».

Для нас в этом сообщении важно, что освящение церкви и перенесение мощей святых Бориса и Глеба произошло в один день – 24 июля. Между тем по церковному Уставу «нельзя освящать храмы в самый день, когда празднуется память того святого или того священного события, во имя и в честь которых построена освящаемая церковь, чтобы не смешивать двух церковных торжеств, то есть службы, особо установленной на освящение храма, с службою храмовою в честь праздника».

При установлении праздника святых в день освящения выстроенной в их честь церкви после освящения храма состоялась обычная литургия. Именно такой праздник при Ярос-

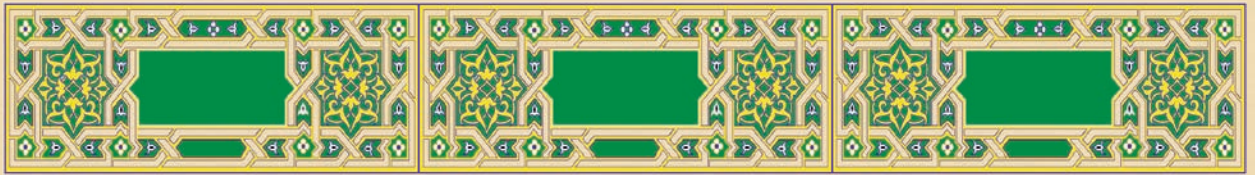

лаве Мудром и описали «Чтение» и «Сказание», а это значит, что в этот день не было храмовой службы в честь праздника святым (но к празднику на следующий год она уже могла появиться).

В отличие от первого, торжества 1072 и 1115 гг. были уже двухдневными. 19 мая 1072 г. была освящена церковь во имя святых, а 20 мая отмечался сам праздник с храмовой службой: «Архиепископ же собрал весь причет церковный, и тако изидоша с кресты в преже реченый град (Вышгород — А. У.), идеже бе тело святою. Иже и приишедша, створиша обычное обновление церкви новей, и святую же литургию въ ней скончаша. И въ другой же день собрал митрополит все епископы и все церковники, идеже бестараце святою, хотя пренесение сотворити...

Иконостас (снимок слева) и образ святых мучеников Бориса и Глеба в Борисоглебском храме, построенном в центре Москвы на Арбатской площади

Въ лето 6580 (1072), месяца мая в 20. Створиша же праздник велик в то день...»

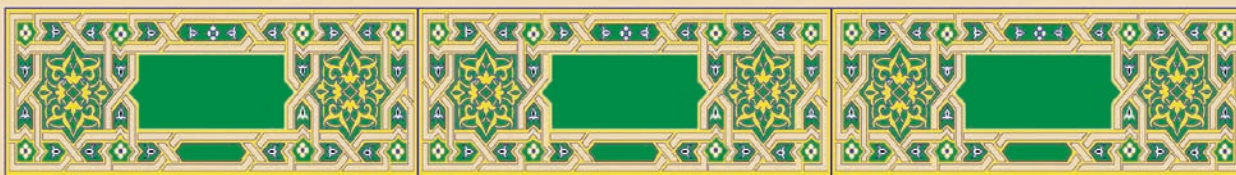
Аналогичным было последование – освящение новой церкви в канун праздника перенесения мощей свв. Бориса и Глеба при Владимире Мономахе в мае 1115 года: «И во 1-й день месяца маяя святиша церьков, въ субботу 2 неделе по Пасце. На утрия же, в святую неделю...» состоялось перенесение мощей святых.

Таким образом, сохранившиеся описания двухдневных торжеств позволяют с определенной уверенностью полагать, что и 20 мая 1072 года, и 2 мая 1115 года проводились специальные службы в честь праздника перенесения мощей свв. Бориса и Глеба. Выходит, на перенесение мощей 20 и 2 мая должны были быть две службы, как и предполагала Н. С. Серегина. Между тем, как уже отмечалось, служебные минеи XI–XII вв. содержат только службу на 24 июля, обозначенную как «творение Юана, митрополита Русьскаго, святыма мученикома Бориса и Глеба», в которой выражен общерусский характер праздника: «Светозарьна и свята и благообразьна мученику Бориса и Глеба вьсепраздьяная память, вьсю землю просвещающа... сию бо ради святою вься земля русьская просветися».

Служба же на 2 мая со специально написанными стихирами сохранилась лишь в служебной минее XV века: «В то же день пренесение мощем святою мученику Бориса и Глеба». В ней четко прослеживается связь с конкретными торжествами по перенесению мощей святых в новую церковь в Вышгороде: «Радуйся и веселися, Вышеграде, красуися и веселися, святая церкы, в нюже пренесена быста исцелению святая источника...»

Следовательно, обе сохранившиеся службы предельно ясно отражают два разных по масштабам праздника: общерусский – 24 июля, и местный – 2 мая (который, впрочем, позднее тоже станет общерусским).

Вариативность службы на 2 мая, отмеченная Н. С. Серегинной, может свидетельствовать о том, что две разновременные службы, но посвященные сходному торжеству – перене-

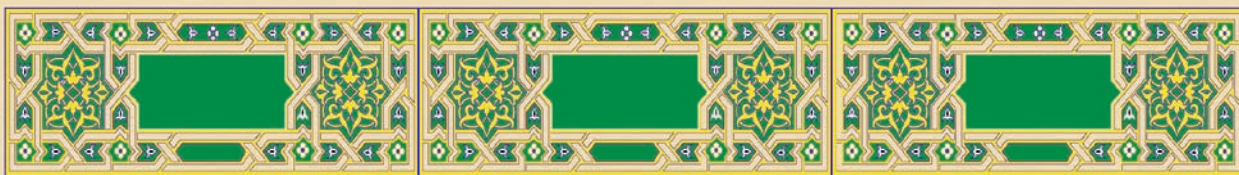
сению мощей святых в новую церковь, причем оба раза в мае, слились в одну (впрочем, они могли отличаться только тремя стихирами «на хвалитех»). То есть два праздника стали со временем осознаваться как один. Об этом косвенно говорит встречающаяся в рукописях житий передатировка событий 1072 года 2 мая вместо 20 мая. В этом сказалось влияние более торжественного праздника 1115 года, который позднее и стал общерусским, а 20 мая со временем вытеснилось праздником 2 мая. Во всяком случае, служебные минеи и месяцесловы XII–XIII вв. и Пролог XIII в. день памяти 20 мая (перенесение мощей) не упоминают.

Что же касается главной службы – на 24 июля, то, думается, наиболее близок к истине был Д. И. Абрамович, отметивший ее постепенное сложение в XI веке: «Церковная служба свв. Борису и Глебу составлена в первой половине XI века, Иоанном I, митрополитом Киевским, принимавшим участие в установлении празднования памяти святых мучеников»*.

* Важно то, что автор не связывает ее появление непосредственно с торжествами. – *Прим. А. У.*

Борисоглебский собор в Чернигове. Общий вид

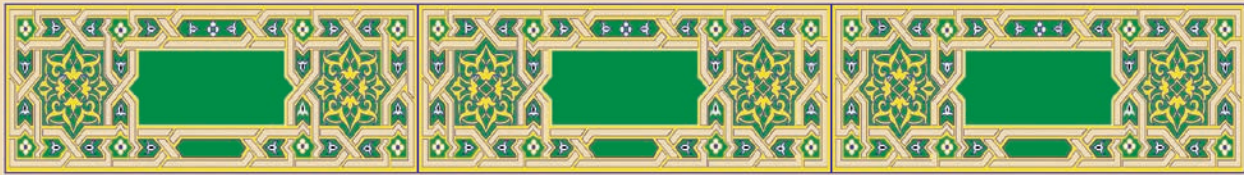

*Одна из святынь древнего Чернигова,
хранящих память о святых
мучениках Борисе и Глебе*

В службе митрополита Иоанна, представляющей собой вседневную вечерню и утреню, мы находим: седален, кондак, икос, три стихиры на «Господи воззвах», три стихиры на «стиховне» (две на вечерне и одну на утрене), три стихиры на «Хвалите» и канон (на утрене).

С распространением памяти свв. Бориса и Глеба потребовалась более торжественная церковная служба, и «творение» митрополита Иоанна дополняется новыми песнопениями и молитвословиями. Мне видится, что эта работа была проделана уже Иоанном II или под его руководством при подготовке общерусской канонизации святых в 1088 году. Уже в Стихираре XII века, списанном при Новгород-

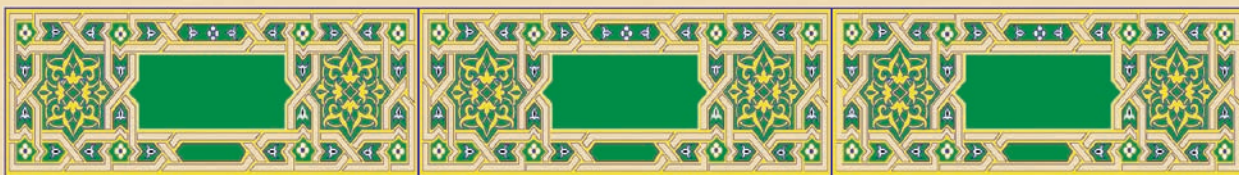
ском архиепископе Аркадии (1156–1163), читается целый ряд таких стихир и тропарей канона, которых совсем нет в первоначальной редакции службы митрополита Иоанна I.

На первых порах, судя по древнейшим спискам службы митрополита Иоанна, день памяти свв. Бориса и Глеба был одним из «малых» праздников («святые со славословием»), потом отнесен был к «средним» праздникам, обозначаемым в богослужебных книгах знаком креста («святые с полиелеем»), и, наконец, к тем «средним», которые имеют «знак креста в полукружии».

Думается, необходимая служба и была составлена в 1088 г. митрополитом Иоанном II (или под его руководством) к официальной канонизации князей-мучеников как общерусских (и общеправославных) святых, промыслительно совпавшей со 100-летним юбилеем крещения Руси. Именно к этой дате, надо полагать, приурочивалось и окончание строительства грандиозного каменного пятиглавого храма-мавзолея в честь князей в Вышгороде Всеволодом Ярославичем. Но собор рухнул, и новые торжества не состоялись, точнее, состоялись, но уже только 1–2 мая 1115 года.

*Во время
посещения
Государственного
исторического
музея-заповедника
в Чернигове*

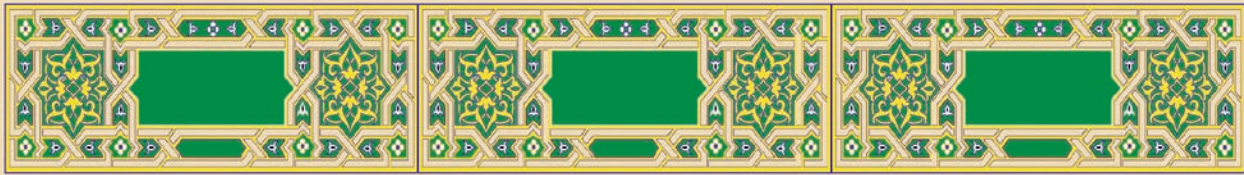

*Древняя мозаика с изображением
святых мучеников Бориса и Глеба
из Борисоглебского храма Чернигова*

Поскольку же день памяти святых 24 июля был главным в борисоглебском цикле, то и стихиры его службы могли использоваться и использовались для составления других служб, в частности, на перенесение мощей 20 и 2 мая, о чем писала Н. С. Серегина.

Как уже отмечалось, ко времени официальной канонизации святого должно быть написано его житие, которое призвано было дополнить службу. До нас дошли два жития – «Чтение» Нестора и анонимное «Сказание» и две службы – на 24 июля и 2 мая.

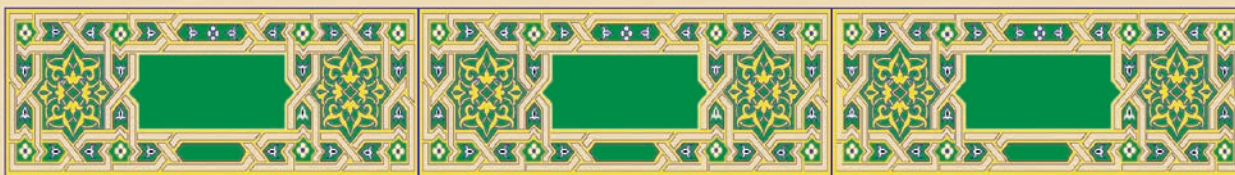
Как жития соотносятся со службами? Ответу на этот вопрос посвящена одна из глав кандидатской диссертации Е. В. Антоновой «Службы свв. Борису и Глебу в книжности Древней Руси».

Проведя сравнительный анализ службы 2 мая и «Сказания о Борисе и Глебе», Е. В. Антонова пришла к очень важным выводам: оба творения были созданы в паре и, скорее всего, одним автором. Рассмотрим подробнее ее аргументы.

«Как служба, так и «Сказание» уделяют внимание гибели святых, не затрагивая биографических подробностей (внимание к биографии характерно, например, для «Чтения» Нестора)... Оба произведения позволяют себе описывать настроение святых в предчувствии гибели – их печаль и слезы... Следующий пример из текста «Сказания» особенно важен: «плакашесь сокрушенном сердцем, а душою радостною жалостно глас испущааше: слез моих на презри, Владыко, ...так да с Твоими рабы прииму часть и жребии со всеми святыми Твоими».

*Борисоглебский храм в Чернигове.
Главный вход*

*Борисоглебский
монастырь
в Харькове.
Общий вид*

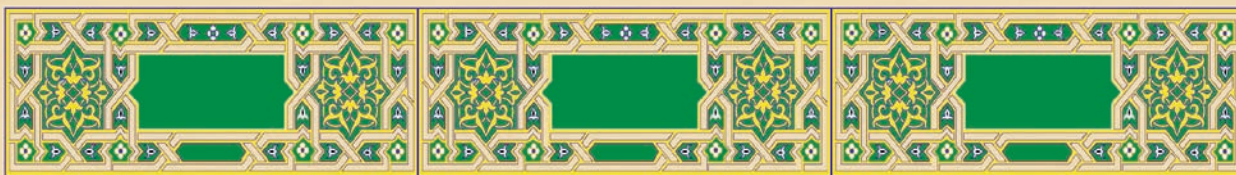

Это описание практически тождественно: «Борис горькими слезами умывая лице свое // и плачем жалостным плакашися // Иисусу Христу глаголя, // слез моих не презри, Владыко, // но тем мя причти, // иже Тебе ради пострадаша, Господи».

«Двойственность настроения святого – «плакашися сердцем, а душою радостною» («Сказание») также передается и в песнопениях службы 2 мая: «копием прободаем веселяшися» («Христове уведевше»).

В службе 2 мая, равно как и в «Сказании», находит отражение просьба святого Глеба о милости, даровании жизни: «Не пожнете мене от жития не созрела, не пожнете класа не уже созревша, не млеко беззлобия носяща, не порежете лозы, не до конца возрастша, а плодь имуща». В составе службы этот, фольклорный по своим истокам, плач произносится от лица обоих братьев: «брате Святополче не погуби наю, еще бо вельми млади есмы, не порежи лозы неплодныя, не сожни класы несозрелыя, не пролеи крови наповинныя, не сотвори плача матери нашеа...»

«Известно, что песнопения службы широко употребля-

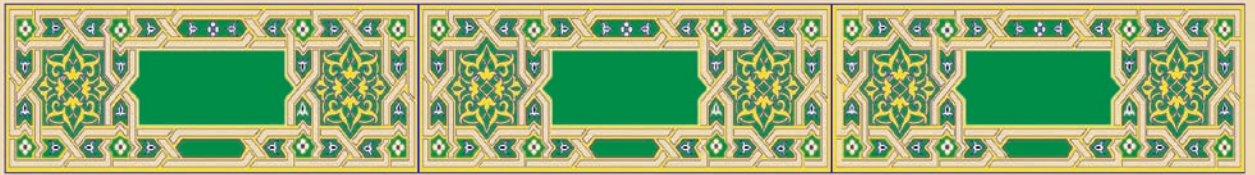
ют по отношению к святым обращение «брата прекрасная». Этот характерный признак использовался при определении принадлежности текстов к первоначальному составу службы 2 мая. Исследование текста «Сказания» показывает, что его автор неоднократно упоминает физическую красоту какого-либо из описываемых персонажей: «красоты дея лица ея», «ни понесох красоты мужьства тела твоего», «помышляше о красоте и доброте телесе своего», «идеже красота тела твоего увядает».

Как «Сказание», так и служба уделяют внимание описанию военного заступничества святых по отношению к Русской земле и русским князьям, причем военные победы и победы в невидимой брани над бесовскими силами упоминаются в одном ряду: «ваю пособием и защищением князи наши пртиву востающая державно побеждают и ваю попомощию хваляться, вы бо тем и нам оружие ... меча обоюдоостра, има же дерзость поганьскую низлагаем и дияволя шатания в земли попираем» («Сказание»); «вражии ищезают полку, и поганьская телеса постилана бывають под нозе

*Борисоглебский
монастырь
в Харькове
с хранящимся
в нем
чудотворным
образом
Спасителя*

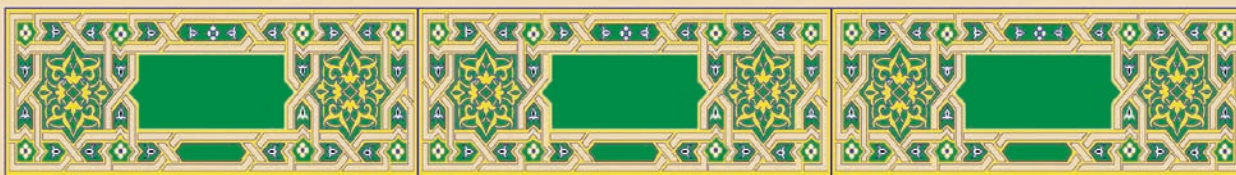
Святые образа над главным входом в Борисоглебский монастырь в Харькове

князь наших» (песнь 7, тропарь 1); «вы бо сокрушаеа бесовския козни и поганьския полкы ..., вернии князи наши державно побежают», «и бес множество исчезают, прогоними бывають неверных полци пособи ем ваю» (группа стихир «Радуйся»).

В обоих произведениях вспоминается житие св. Дмитрия Солунского: «...вторый Селунь явился в Руське земли, имый в себе врачество безмездное» («Сказание»); «Вторый Селунь, радуется в стране Русьстей Вышеград славный, имея в себе благодать...» (песнь 5, тропарь 3).

Е. В. Антонова не ограничилась анализом совпадения главных мотивов и образов службы на 2 мая и «Сказания», она приводит и целый ряд внутритекстовых параллелей:

1) «яко не восхоте противитися любве ради Христовы, а колики вои держа в руку своею», «а имый въ руку вся воя отца моего и вся любимыя отцемъ» («Сказание») <=> «яко отчею любо-

вию дар восприимша, а колики воя земля рускыя въ руку держаща, не противящася брату» (стихира «Придете вси вернии», группа d 2);

2) «и без милости прободено бысть честное ... тело святаго ... насунуша копии», «како без милости прочее смрети предася» («Сказание») <=> «копии насунуша немилостивници» («Премудростию Господнею»), «копии насунуша» («Аще и убиена»);

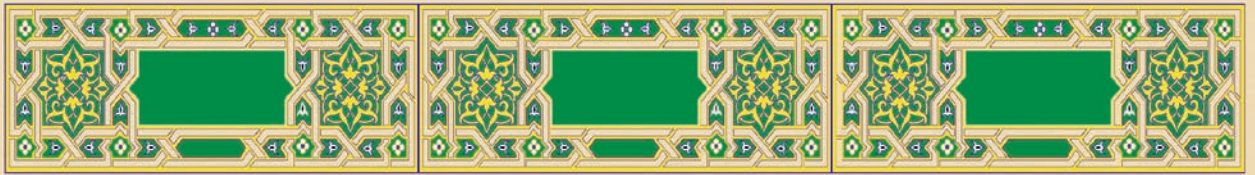
3) «Убиену же Глебови и повержену на пуде месте межю двема колодама» («Сказание») <=> «бысть и межю двема колодами сокровень» («Придете новокрещении»);

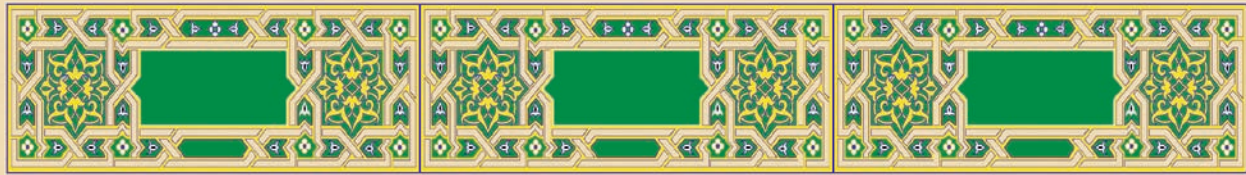
4) «Блажен по истине и высок паче всех град Русьских и вышый град имый в себе скровище, ему же не точен ни весь мир». «Светел воистину и пречестен превыше бо всех град превознесся, имый в себе честную церковь, в нюже принесена быста бисера многоценная» (песнь 3, тропарь 2).

«Здесь, – замечает Е. В. Антонова, – отличие тропаря от текста «Сказания», при точном повторе синтаксической конструкции, совершенно незначительно. Так как служба писалась на перенесение мощей святых, она более конкретна».

Далее исследовательница приводит примеры общего использования цитат:

1) «И служба, и Сказание одинаково обыгрывают название города, в котором покоятся святые. Вышгород – город вышый, главенствующий, превосходящий прочие города, и Вышгород – стоящий на возвышенном месте. Для актуализации второго значения и в том, и в другом случае используется цитата Евангелия (Мф. 5, 14–15): «Вы есте свет мира: не может град укрытися верху горы стоя. Ниже вжигают светильника, и поставляют его под спудом, но на свещнице, и светит всем, иже в храмине». «Но яко же рече Господь: «не может град укрытися врху горы стоя, ниже свещь вжегше спудом покрывают, не на светиле поставляют, да светит темныя» – тако и си святая постави светити в мире премногими чудесы ..., идеже множество стражующих спасени бывають, слепии прозирають, хромии быстрее серны рищут, слущии пространие при-

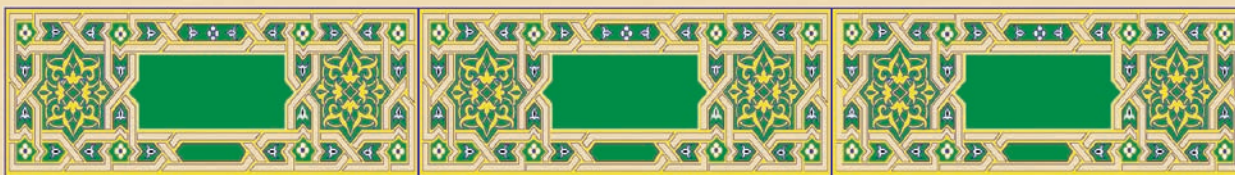

емлют». «Слово твое исполнися, челоуколюбче, еже рече учеником си: «Град не укрыется, верху горы стоя», и сеи свыше град просвещает всю землю Русьскую явлением святою ти...» (песнь 6, тропарь 3). «Всяко место освятится, иже в недузех ицелеваются посещанием ваю, врача преславная: слепии прозирают, хромии ходят, слущии простираются» (там же, тропарь 1).

2) И то, и другое произведение включает в свой состав фрагмент Евангелия от Иоанна (14, 12): «Аминь, аминь, глаголю вам: веруяй в Мя, дела, яже Аз творю, и той сотворит, и болша сих сотворит». «О сих бо и сам Господь рече веруяи в Мя, дела яже Аз творю, и то сотворит, и болша тех». «Якоже рече Христос веруяй в Мя, дела яже Аз творю, то сотворит и болша сих» (песнь 1, тропарь 2).

Величественный Покровский собор в пригороде Киева Борисполе (на снимке слева) с одним из престолов, освященных в честь святых мучеников Бориса и Глеба, был построен попечительством его главного архитектора и настоятеля – ныне архиепископа Черкасского и Каневского Софония

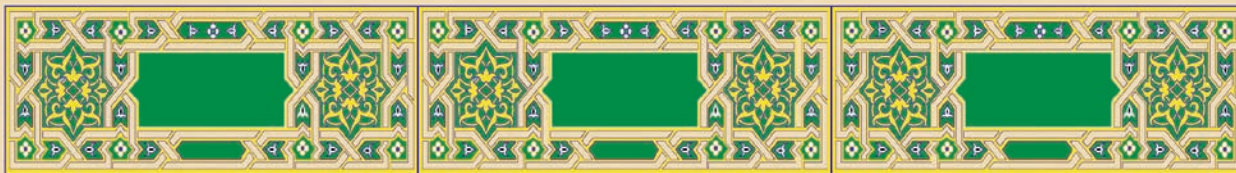

Стены Покровского собора в Борисполе украшают многочисленные иконы и фрески, одна из которых (на снимке внизу) – с изображением Тайной Вечери Спасителя – ныне обильно мироочит

3) Глеб обращается к Богу с такими словами: «Вем Тя, рекша к своим апостолом, яко «за имя мое, мене ради возложат на вы руки, и предани будете родемь и другы, и брат брата предаст на смерть, и умертвятъ вы имене моего ради», и пакы: «въ терпении вашем стяжите душа ваша» (Мф. 10, 21–22). В четвертой песне канона 2-й тропарь имеет следующий вид: «Христовы уведевше заповеди божественныа и Тому воследующа, «востанеть бо, – рече, – брат

На снимке справа: Борис Кузык во время встречи с архиепископом Софронием в Свято-Троицком Матронинском монастыре. 2004 год

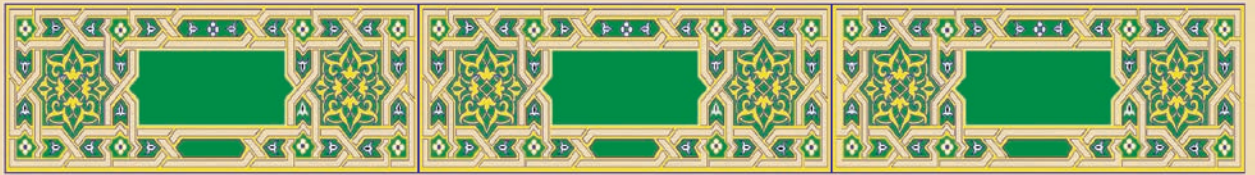
на брата», сего ради приаства нужную смерть, яко агнца закалаема».

4) Борису и Глебу адресуются слова Христа, посылающего апостолов на проповедь – «туне приясте, туне дадите» (Мф. 10, 15). «От всех бо стран ту приодяще туне почърплють ицеление, яко же и в святых евангелиих Господь рече святым апостолом, яко туне приясте, туне и дадите» («Сказание»); «туне приаства, туне же и дадита болящим ицеление» («Брата прекрасная»).

* * *

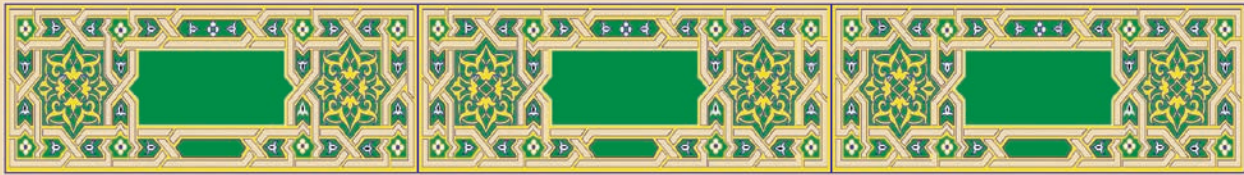
Пришлось умышленно злоупотребить цитированием исследования Е. В. Антоновой, чтобы представить обоснованность ее вывода: «Многочисленные внутритекстовые параллели и совпадения, а также общий, тождественный, образно-эмоциональный колорит двух литературных памятников склоняют нас к предположению о наличии одного автора, перу которого принадлежит «Сказание» о свв. Борисе и Глебе и служба им на 2 мая».

Одно существенное наблюдение сделала Е. В. Антонова и в отношении связи службы на 24 июля и «Чтения» Нестора: «Служба 24 июля и «Чтение» одинаково проявляют внимание к событиям жизни святых и их прижизненному благочестию, а также одинаково ограничены в употреблении имени Святополк. Это имя только один раз встречается в текстах песнопений службы 24 июля и всего лишь трижды обнаружено нами в тексте «Чтения», причем в начале повествования, где упоминание имени было неизбежно. Далее на всем протяжении «Чтения» автор, говоря о Святополке, использует указательные местоимения, а также такое определение: «яко брат ему старейший», «оканьный». Учитывая летописную характеристику («муж хытр книгам и ученью... речист же книгами святыми утешая печальныя, и сякого не бысть прежде на Руси»), автором службы 24 июля следует считать митрополита Иоанна II (1077–1088)».

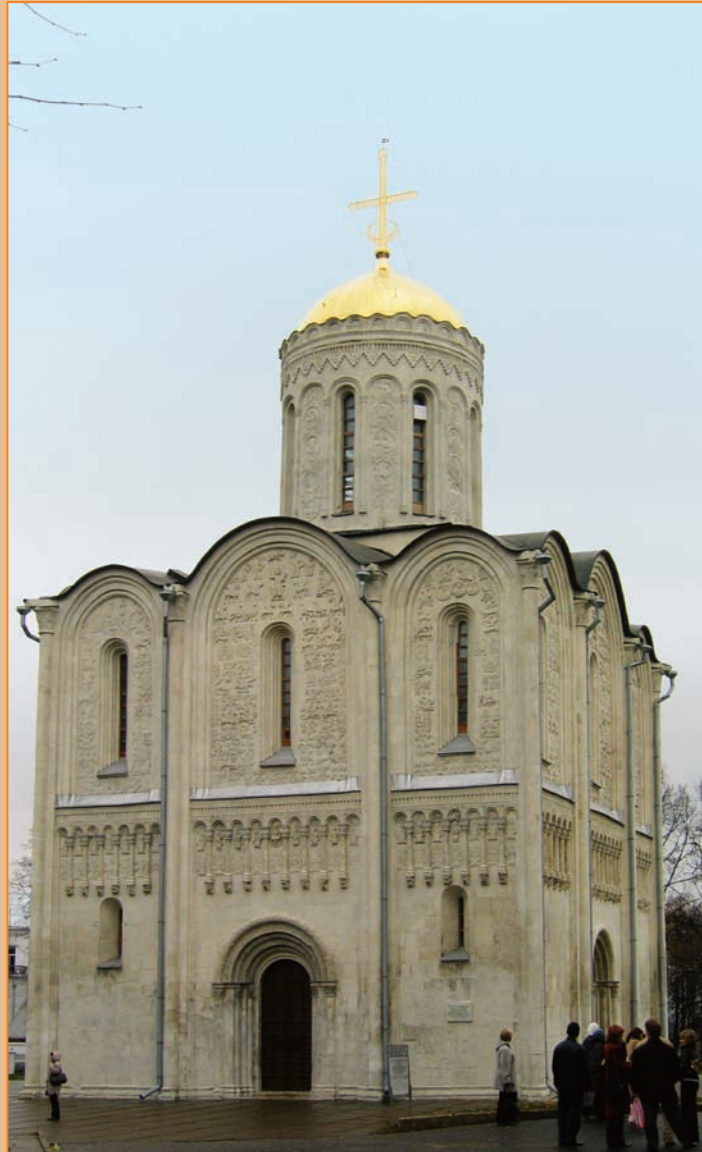

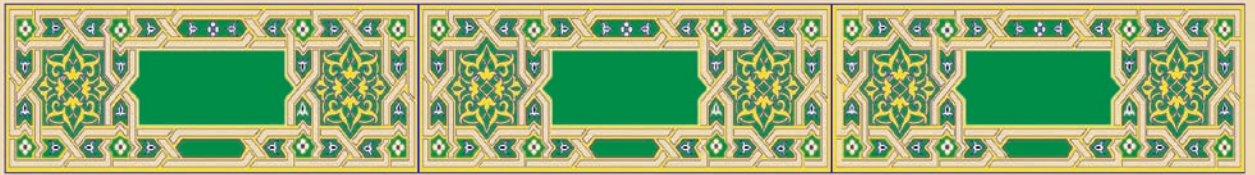
Вполне логично предположение исследовательницы, что при жизни Святополка Изяславича* в «официальном окружении употреблять имя Святополк в негативном контексте было нежелательно. По этой причине Иоанн лишь однажды упоминает имя Святополка в составе службы, Нестор в «Чтении» употребляет его трижды, в силу явной необходимости».

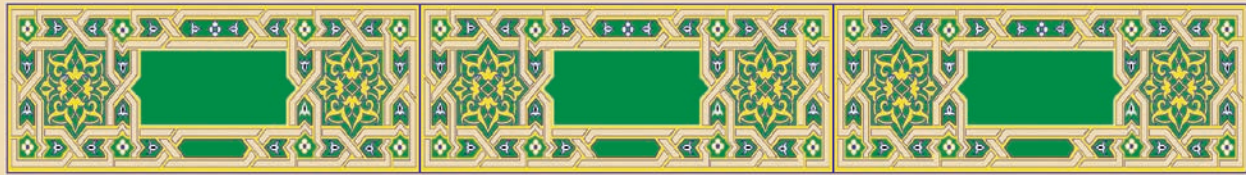
Поскольку «Сказание» и служба на перенесение мощей свв. Бори-

*Не следует упускать из виду, что во времена святительской деятельности митрополита Иоанна II (Е. В. Антонова ошибочно ограничивает ее 1088 годом, на самом деле 14 августа 1089 г. он освящал церковь Успения Киево-Печерского монастыря) и княжения в Киеве Всеволода Ярославича (1078–1093) Святополк Изяславич как старший из внуков Ярослава был первым претендентом на киевский престол, который он и занял сразу после Всеволода Ярославича. – Прим. А. У.

*Православные святыни
древнего Владимира*

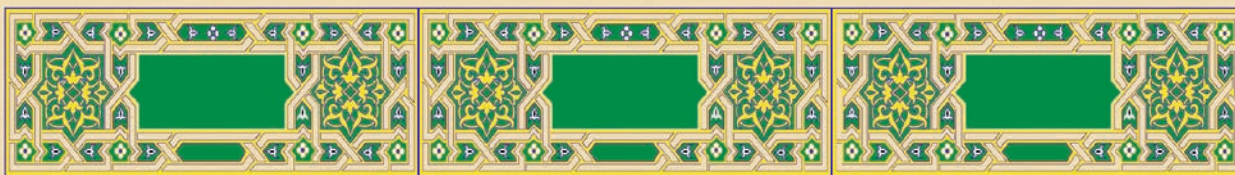
са и Глеба 2 мая 1115 года были написаны после смерти Святополка Изяславича (1113), то они свободно употребляют имя «Святополк». Более того, перенесение чуда с заключенными в темницу со времени Ярослава Мудрого («Чтение») ко времени Святослава Изяславича («Сказание») «позволило автору «Сказания» подчеркнуть свое неодобрение государственной деятельности этого князя» (ст. 101–102), и даже осудить его не от своего лица, но устами первых русских святых Бориса и Глеба, что гораздо весомее: «По что сице твориши, а не исправляя, томиши и мучиши? Но още ся сего не покаеши, ни останеши, сице творя, то весто ти буди, яко соблюдаяся пребывай, еда не избудеши».

* * *

В тексте «Сказания» исследовательницей выявляется и еще ряд

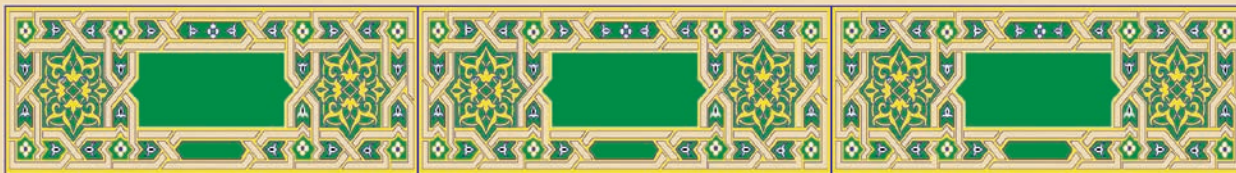
*Во время посещения
Борисоглебского кафедрального
собора в Рязани*

Свято-Троицкий Матронинский монастырь – один из древнейших на Киевской Руси. Ныне он активно возрождается. Его главный храм, уцелевший от полного уничтожения, украшают образы святых страстотерпцев Бориса и Глеба

других «косвенных характеристик» этого князя, которые в совокупности создают «неприглядный образ Святополка – вспыльчивого раздражительного человека, готового верить клевете и жестоко наказывать за несуществующую вину», к тому же еще и завистливого: он не позволил Олегу Святославичу, несмотря на его многочисленные просьбы и «зазря труду его», перенести мощи святых в новую церковь, «зане не сам бяше ее создал».

Мне кажется, что в этом неуважительном отношении Святополка Изяславича к культу свв. Бориса и Глеба кроется и неуважение автора «Сказания» к самому киевскому князю. А это еще один признак, датирующий «Сказание» временем после 1115 года. Святополк Изяславич оказывается, по мнению Е. В. Антоновой, «той ключевой фи-

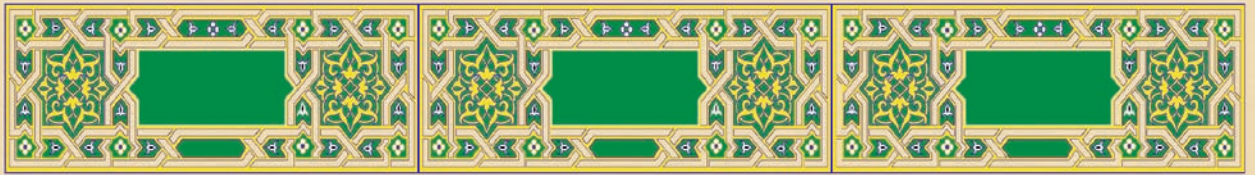

гурой, отношение к которой определяет основные расхождения текстов «Чтения» и дошедшего до нас «Сказания».

В результате своего исследования Е. В. Антонова приходит к важному текстологическому выводу: «Поскольку мы полагаем, что житие свв. Бориса и Глеба по дошедшему до нас тексту «Сказания» не могло появиться раньше 1113 года, и, следовательно, было написано, равно как и служба 2 мая, именно в связи с событиями 1115 года, «Сказание о чудесах», оканчивающееся изложением событий 1115 года, должно восприниматься как принадлежавшее первоначальному составу дошедшего до нас памятника». Время его возникновения относится уже к правлению в Киеве Владимира Мономаха – «князя, – как заметила исследовательница, – любимого автором «Сказания» немногим менее святых братьев».

Я бы добавил, что и любовь князя к святым сродникам постоянно подчеркивается «Сказанием»: «Володимир же, иже и Мономах нареченный, сынъ Всеволожь... убо любовь многу имеяше ко святыима, и много приношение творяше има». «Сице и многыми словесы похвалиша благородство

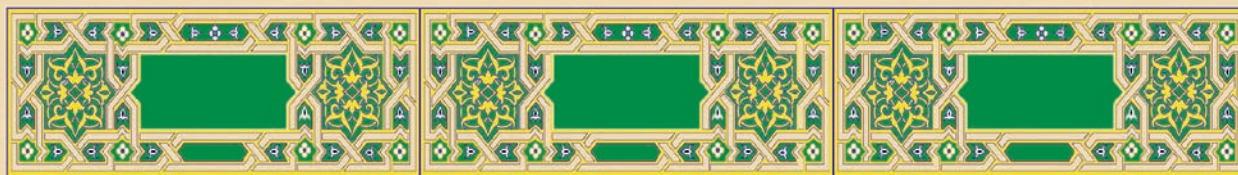
же, вкупе и великоумие, и любовь, еже к святыима, кротость же и смирение, и тцание к Богу и к святым церьквам, яже творяше благоверный князь Володимир, паче же и къ сима убо святыима» и др. Благоверие кн. Владимира, его почитание свв. Бориса и Глеба выступают явной антитезой поступков его предшественника по Киевскому княжению – Святополка Изяславича и вызывает заслуженную симпатию автора «Сказания».

«Под покровительством князя, – по мнению Е. В. Антоновой, – и ...возникло новое житие (то есть «Сказание о Борисе и Глебе»), совмещающее похвалу Владимиру Мономаху и его святым предкам с обличением наиболее преступных нарушителей мира в Русской земле».

Из сыновей и внуков Ярослава Мудрого только он один, будучи великим князем киевским, ничего не сделал для про-

Один из многочисленных образов святых князей-мучеников Бориса и Глеба, написанных в дар православным храмам

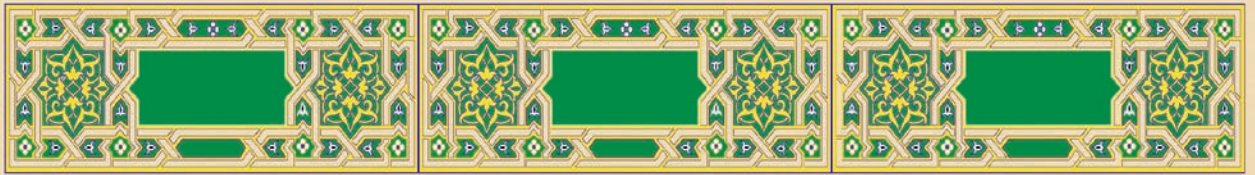
славления свв. Бориса и Глеба. Его отец Изяслав был инициатором строительства новой церкви в Вышгороде и перенесении мощей в 1072 году, его дядя Святослав уже в 1073 г. приступил к строительству нового, уже каменного храма-мавзолея. После его смерти строительство продолжил другой дядя – Всеволод. По кончине последнего рухнувшую церковь отстраивает сын Святослава – Олег. Другой двоюродный брат – Владимир Мономах украшает саркофаги святых (1102), а в 1115 г. выступает вместе с Олегом инициатором нового перенесения святых мощей.

Итак, подведем итоги. Со всей достоверностью можно заключить, что до появления в начале XII в. жития свв. Бориса и Глеба, названного «Сказанием о Борисе и Глебе», суще-

Возрождаются православные святыни Северо-Запада Руси

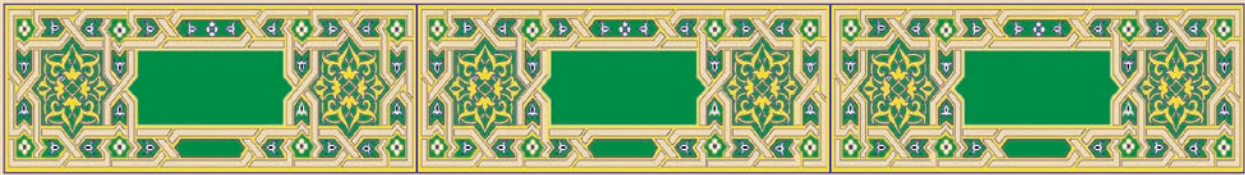

ствовала самостоятельная историческая повесть, ныне условно называемая «Сказание о гибели Бориса и Глеба», содержащая рассказ о братоубийстве и заканчивающаяся описанием перенесения мощей благоверных братьев 20 мая в новую церковь в Вышгороде. Созданное в княжение Святослава Ярославича в Киеве между мартом 1073-го и декабрем 1076 года, это произведение выражало его интересы в насаждении Глебоборисовского (черниговского) культа святых. Повесть не могла быть написана позднее, поскольку не соответствовала взглядам (прежде всего – проглебовским) ни одного из последующих киевских князей, и просвятославовы интересы так четко не отражены ни в одном другом литературном произведении последующего времени.

Для церковного почитания первых русских святых Бориса и Глеба, официально признанных и Константинополем, митрополитом Иоанном II между 1086 и 1088 гг. была составлена расширенная служба им на 24 июля – день гибели Бориса. Эта дата стала главным в церковной службе днем памяти святых. А первая, простая, была написана еще митрополитом Иоанном I до 1035–1036 гг.

Устанавливается Борисоглебский (киевский) культ святых. В это время, то есть между 1086 и 1088 годами, монахом Печерского Киевского монастыря и было создано первое полное житие святых – «Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глеба», в котором также проповедовался Борисоглебский культ. В его утверждении был заинтересован и княживший в то время в Киеве Всеволод Ярославич, покровителем которого выступал святой Борис. С этого времени день святых мучеников Бориса и Глеба стал отмечаться 24 июля как новый и первый по значимости праздник в Русской земле и был отнесен к великим годовым (о чем свидетельствуют службы).

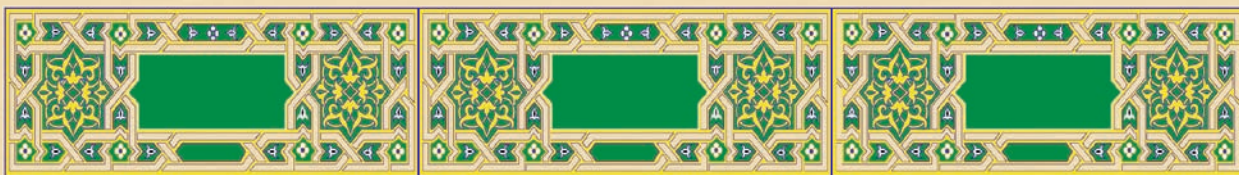
Отмечу также, что в «Чтении о Борисе и Глебе», написанном во второй половине 80-х годов XI века, нет еще мотива общерусского значения культа братьев-страстотерпцев,

поскольку и сам культ новоканонизированных святых еще не был широко распространен на Руси. Но он уже отчетливо выражен в похвале святым Борису и Глебу в «Сказании о чудесах» – произведении более позднем (вторая половина 20-х годов XII в.), автору которого было уже хорошо известно о повсеместном, даже за пределами Руси, почитании святых.

Важно отметить, что в начале XII в. у Нестора не было объективных причин для создания канонического жития святых. С одной стороны, князья давно (по меньшей мере 30 лет) официально канонизированы, что уже предполагало наличие их жития. С другой стороны, княживший в Киеве в 1098–1113 гг. Святополк Изяславич и сам не проявлял интереса к распространению культа святых, и других не поощрял. Известно, что он не разрешил Олегу Святославичу в 1111 г. перенести их мощи в новую специально выстроенную церковь, то есть устроить еще одно официальное чествование страстотерпцев. А мы можем говорить о литературной деятельности Нестора только до 1112–1113 годов, когда была закончена «Повесть временных лет».

Иными словами, Нестор, в силу сложившихся объективных обстоятельств, мог работать над первым своим агиографическим сочинением только между 1086 и 1088 годами. С вокняжением в Киеве в 1113 г. Владимир Мономах повел собственную политику, в том числе и в церковных вопросах. Это потребовало переделки имевшихся исторических и создание новых церковных сочинений. Помогал ему в этом отчий Выдубицкий монастырь, пасомый игуменом Сильвестром. Им и была создана новая редакция «Повести временных лет», в которой выражены и симпатии к князю Владимиру Мономаху, и антипатии к Святополку Изяславичу. В частности, в летопись помещена «Повесть об ослеплении Василька Теробовльского», свидетельствующая о причастности к этому преступлению князя Святополка. С другой стороны, в летопись включено «Поучение Влади-

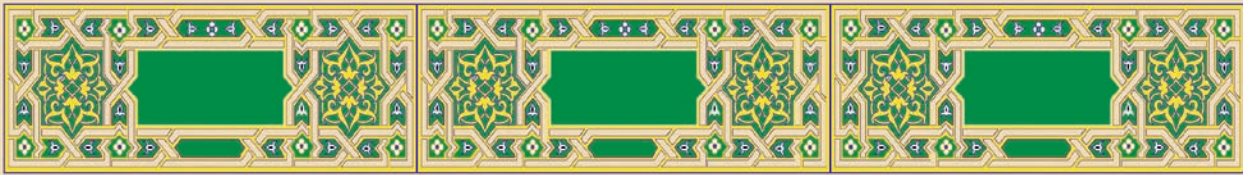
Ужанков Александр Николаевич – кандидат культурологии, профессор ГАСК, директор Научного центра фундаментальных исследований русской средневековой культуры, ученый секретарь Кусковских чтений. Кроме предлагаемой статьи, является автором следующих работ: «Меж двух зол (исторический выбор Александра Невского)», «Русское летописание и Страшный Суд («Совестные книги» Древней Руси)», «О времени написания «Жития Феодосия Печерского», «О времени сложения служб и датировке житий святых Бориса и Глеба», «Принцип ретроспективной исторической аналогии в «Слове о полку Игореве», «В свете затмения: Христианская основа «Слова о полку Игореве», «Жизнеописание Даниила Галицкого» и др.

мира Мономаха», проникнутое смирением и братолюбием (не мстит, а прощает Олега Святославича – убийцу своего сына).

Сильвестр работал над «Повестью временных лет» до своего поставления в 1118 г. епископом в Переяславль (вотчину Владимира Мономаха!), где он сменил умершего епископа Лазаря.

«Сказание», по сути тождественное «Повести временных лет» в оценке деятельности кн. Владимира Мономаха и его предшественника Святополка Изяславича, создавалось в то же время и, надо заметить, не в Киево-Печерском монастыре, а в Выдубицком. Достаточно сопоставить рассказ Нестора «о сужоруюкой жене» из «Чтения» и аналогичный рассказ из «Сказания», записанный со слов того самого Лазаря (но не самим Лазарем!), которого сменил на игуменстве, а потом и на епископской кафедре в 1118 г. Сильвестр. Совершенно очевидно близость Лазаря именно к Выдубицкому монастырю (а не Киево-Печерскому) и к его игумену Сильвестру.

Инициаторами перенесения мощей 2 мая 1115 г. выступают князья Владимир, Давид и Олег, а также митрополит Никифор. Среди же участников торжеств «Сказание» упомина-

ет и Переяславльського єпископа Лазаря, и Выдубицького ігумена Сильвестра.

Робота Сильвестра над «Повестю временных лет» носила как редакторский характер (редактура принадлежащего Нестору рассказа о Печерской обители), так и компилятивный (включение упомянутых выше авторских повествований попа Василия и Владимира Мономаха).

Суть правок анонимного автора «Сказания» аналогична: редактирование Несторова текста о чудесах свв. Бориса и Глеба (эпизод с заключением в темнице, другой вариант рассказа «о сухорукой жене»), и компиляция (использование ранее бытовавшего «Сказания о гибели князей Бориса и Глеба»).

* * *

Все перечисленное дает право полагать, что «Сказание и страсть и похвала святому мученику Бориса и Глеба», а стало быть и служба на 2 мая 1115 года, были написаны в Выдубицком монастыре между 1115–1117 гг. по поручению княжившего в Киеве Владимира Всеволодовича Мономаха* если не самим игуменом монастыря Сильвестром, то под его непосредственным руководством.

*Кстати сказать, сына основателя монастыря и покровителя этой обители!
– Прим. А. У.

**БЛАГОСЛОВЕННОЕ
ВОИНСТВО:
воинская тематика
в церковном искусстве**

**Протоиерей Николай
Погребняк**

В *тысячелетней истории* Русской Православной Церкви воинская тематика всегда занимала важное место, что проявлялось в особом молитвенном почитании тех святых мучеников, которые по роду занятий своих были воинами. Прежде всего, это великомученики Георгий Победоносец, Никита, Димитрий Солунский, Феодор Тирон, Феодор Стратилат, Андрей Стратилат, Иоанн Воин, мученики Севастийские и многие другие. Воинами были и первые святые Русской земли, благоверные князья-страстотерпцы Борис и Глеб.

Их лики запечатлены в многочисленных произведениях искусства – фресках, иконах, резьбе по дереву и камню. В образах мучеников-воинов отразилось идеальное представление о мужестве, беззаветной храбрости, вере и верности Господу Иисусу Христу и Его Церкви и вместе с тем о жертвенной любви к своему земному Отечеству, поскольку ратный подвиг в православных странах (не только на Руси, но и в Грузии, Сербии) рассматривался как высочайшая форма служения христианина.

Древнейшие из дошедших до нас изображений святых – Новгородская икона великомученика Георгия (XI в.), лики киевского великомученика Димитрия Солунского (начало XII в.) и Георгия Победоносца из Успенского собора Московского Кремля (XII в.). Все это хорошо известно, однако воинская тема в церковном искусстве содержит немало вопросов. Кому и перед какими иконами молились защитники Отечества, идя на брань? Какие иконы сопровождали их в военных походах? Как отражались победы русского оружия в иконописи?

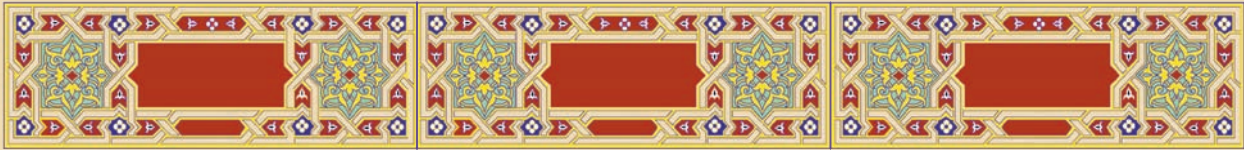
В настоящей заметке мы постараемся кратко ответить на эти вопросы.

* * *

Первой иконой, которая стала сопровождать русских князей в походах, можно смело назвать изображение Нерукотворного Образа Спасителя*. Древнее церковное предание говорит о том,

* Авгарь, царь города Эдессы, болевший проказой, послал своего слугу ко Христу с просьбой либо прийти в Эдессу и исцелить его, либо позволить написать с Него портрет. В ответ на эту просьбу Христос омыл Свое лицо, приложил к нему полотенце, и лик чудесным образом отпечатлелся на полотне. Получив нерукотворный портрет Христа, Авгарь выздоровел, после чего прикрепил его к доске и поместил над городскими воротами. – *Прим. ред.*

что в середине VI в. жителям Эдессы, где находился Нерукотворный Образ, впервые было явлено чудесное заступление Господа Иисуса Христа во время персидского нашествия. В службе на перенесение Нерукотворного Образа (16 августа) нашло свое отражение почитание его как святыни, защищающей от вражьего нападения: «Образ Неписанный и Богописанный победителен введуще» (кондак); «Помощь на враги благочестивым и верным» (канон, песнь 9). Написанный на полотне Нерукотворный Образ из суздальского Рождественского собора, по преданию, был принесен в XI в. из Константинополя первым Суздальским епископом св. Феодором. Начиная с XII в., изображение Спаса Нерукотворного получает распространение в храмовых росписях (псковский Спасо-Мирожский монастырь, новгородская церковь Спаса на Нередице).

Из дошедших до нашего времени изображений Спаса Нерукотворного самой древней является широко известная икона XII в. Новгородской школы из Успенского собора Московского Кремля (ныне находящаяся в Государственной Третьяковской галерее, далее – ГТГ, инв. № 14245). На обороте выносной, двухсторонней иконы изображено прославление Креста («Никитирион»). Эта иконография известна уже с шестого века: восьмиконечный Крест Господень возвышается на Голгофе, под которой находится пещера с главой Адама. У подножия Голгофы – держащие орудия страстей архангелы Михаил (с копьем) и Гавриил (с тростью); они в полупоклоне устремляются к Кресту. Крест увенчан символом победы (победы над смертью!) – пальмовым венком. Над архангелами изображены солнце и луна, а еще выше – шестокрылатые херувимы и многоочитые серафимы.

Воинское предназначение этой двусторонней иконы не вызывает сомнения. Крест издавна почитался символом мученической, героической смерти, символом верности долгу и символом обновленной жизни (Рим. 6, 4). Как говорил святитель Афанасий Александрийский, оружие Христово есть крест, которым будучи окружаемы, мы бываем отважны на всякую брань, побеждаем всякого врага.

Другим известным изображением Спасителя, особо почитавшимся воинами, была также находившаяся в Успенском собо-

ре выносная икона середины XIV века, известная как Спас Ярое Око. Она словно является иллюстрацией слов пророка Амоса: «Обращу на них /врагов/ очи Мои на беду им, а не во благо» (Ам. 9, 4). Грозно взирает с иконы Спаситель, и кажется, что берущие образ с собой на битву воины русские могли бы вместе с Псалмопевцем воскликнуть: «Вознесется яко единорога рог мой... и воззре око мое на враги моя, и востающия на мя лукавнующия услышит ухо мое» (Пс. 91, 11–2).

К числу икон, имевших на Руси воинское осмысление, относятся и изображения Спаса Эммануила. Иконография также весьма древняя, восходящая к раннехристианским временам. В Ватиканском музее хранится резной оклад из слоновой кости с этой композицией, датируемый VI–VII вв. Важным элементом композиции были попираемые Эммануилом лев и аспид, а также находящиеся рядом змея и василиск. Фактически это иллюстрация 90-го псалма. Святоотеческое толкование псалма (святитель Афанасий: «он делает душу небоязненной»; Евфимий Зигабен: «в сем псалме излагается учение о том, что надежда имеет непреодолимую силу») и устойчивая традиция издавна делают 90-й псалом молитвой о победе, о помощи при нападении вражьих сил, имевшей хождение в воинской среде. Блаженный Феодорит страхом ночным называет скрытую опасность, а стрелой, летящей во дни – явный умысел. Святитель Кирилл Александрийский вещью, во тьме преходящей, называет не приметный грех. Он же говорит: «Господь повелевает благим силам защищать подвергающихся обиде, как некий царь поручает своим приближенным противостоять нападениям врагов и защищать от них тех, кто находится под его скипетром...»

Готовность к служению жертвенному есть неотъемлемая особенность воинского дела. Связанные с 12-13 стихами заключительные строки псалма толковались так: путь служения, полный скорби, делается источником радости. Посему скорбь уже не будет скорбь, но радость и слава (святитель Афанасий).

Одна из ранних русских икон, особо почитаемых в воинской среде – оплечный «Эммануильский чин» (XII в.), происходящий из Успенского собора Московского Кремля и отно-

*Андрей Рублев.
Спас.
Фрагмент иконы
начала XV века.
Третьяковская галерея, Москва*

сящийся к Владими-ро-Суздальской школе (ГТГ, № ДР 1192). Христос Эммануил на этой иконе – образец красоты и физического совершенства. Взгляд Его отведенных в сторону глаз спокоен и благожелателен. Он изображен как прекрасный юный герой, с совершенным телом, позлащенным чистым золотом. Мышцы Его подобны меди блестящей, «лице же Его аки зрение молнии, очи Его аки свечи огненной» – пишет пророк Даниил (ср. Дан. 10, 6). Сопутствующие Эммануилу архангелы пребывают в печали: они призваны сопровождать Его в уготованном Ему служении и исполнены осознания приближающегося исхода этого служения. Но сам Он идет на добровольный смертный подвиг с «легким серд-

цем». Его пример служил постоянным образцом для подражания, вдохновлял русских воинов прияти страсть. Спас Эммануил («с нами Бог»!) не только призывает человека к испытаниям, но и помогает в их преодолении. Образ Эммануила как Подателя победы являл собой идеал княжеской дружины домонгольской Руси.

Ратный подвиг на Руси понимался всегда как подвиг по преимуществу «смертного» характера. В Древней Руси, как и в Византии, были распространены нательные иконки – медальоны с изображением Спаса Эммануила. Константин Порфирородный в «Книге о церемониях» называл такие медальоны «непреодолимым щитом». Не о защите телесном думали те, кто надевал на себя эти иконки. «Положить душу свою за други своя» (Ин. 15, 13) означало готовность расстаться со своей жизнью, но исполнение этой высочайшей заповеди любви открывало совсем иную жизнь, жизнь вечную.

* * *

Перенесемся на мгновение из века двенадцатого в двадцатый. Прихожанин одного из московских храмов наткнулся несколько лет назад в дремучем лесу в Белоруссии на место, где во время Великой Отечественной войны нашли свою смерть немало наших солдат. Давно истлели их останки, и лишь несколько прострелянных нательных иконок с изображением Спасителя, Богородицы, угодников Божиих, найденных на этом месте, свидетельствовали о происшедшей здесь трагедии. С благоговением собранные и привезенные в храм, эти образки стали той святыней, пред которой совершается поминовение воинов, на поле брани за веру и Отечество живот свой положивших, их же имена Сам Господь ведает...

Воинский обычай носить нательные иконки-медальоны с изображением Христа Эммануила пришел на Русь из Византии. На таких медальонах изображали также и Богоматерь «Никопею». В изображениях святых воинов медальоны часто помещались на их воинских панцирях. На Руси медальоны были первоначально деталями военного княжеского одеяния. Уже в домонгольский период важной деталью княжеского облачения были медальоны с изображениями Спаса Эммануи-

ла, Богоматери (чаще всего «Знамения»), архангела Михаила, святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба...

В качестве «Ангела Великого Совета» и предводителя небесного воинства изображение Эммануила заняло центральное место в композиции Собора архангелов – еще одной иконы, имевшей на Руси ярко выраженное воинское почитание. Иконография эта сложилась после IX века в связи с восстановлением иконопочитания (святость Седьмого Вселенского Собора была установлена на частном Константинопольском соборе 842 года). Символом победы над иконоборцами служило изображение Спаса Эммануила. Вот как говорил о смысле иконы Собора архангелов Евсевий Памфил в слове по случаю тридцатилетия царствования Константина: «Его (Эммануила) окружают небесные воинства, Ему служат тьмы ангелов, бесчисленные сонмы над-

*Богоматерь
с архангелом
Михаилом.
Фрагмент русской
иконы конца XIII –
начала XIV века.
Третьяковская
галерея, Москва*

мирных полков и невидимых в небе духов, которые подчинены порядку целого мира. Всеми ими, как некий вождь Великого Царя, предводительствует Слово (на иконе – Спас Эммануил), нарицаемый Архистратигом и Великим Архиереем, Пророком Отца, Ангелом Великого Совета, отражением Отческого сияния, Единородным Сыном».

* * *

Древнейшей русской иконой является «Собор архангела Михаила» XIII в. из основанного в 1216 г. Михаило-Архангельского монастыря в Великом Устюге. В этом полном величественной торжественности образе нашла отражение не только первоначальная идея победы над ересью, но и характерная для Древней Руси мысль о заступничестве архангела Михаила – покровителя воинов и князей. Архангелы выступают здесь в своей извечной роли стражей народов и царств, являя миру надежду и спасение – «непреоборимый щит». На иконе изображены в рост архангелы Михаил и Гавриил, держащие небольшую сферу с изображением Спаса Эммануила.

«Воинский» тип изображения архангела Михаила основывается на словах Священного Писания: «И сказал Господь Моисею: пойдя, иди отсюда ты и народ, который ты вывел из земли Египетской... и пошлю пред тобою Ангела [Моего], и прогоню Хана-

*Архангел Михаил с деяниями.
Фрагмент иконы
начала XV века.
Архангельский собор, Москва*

неев, Аморреев, Хеттеев, Ферезеев, [Гергесеев,] Евеев и Иевусеев...» (Исх. 33, 1–2). То же можно сказать про явления архангела Иисусу Навину (Зах. 3, 1–7). В Успенском соборе Московского Кремля имеется икона XIII века, изображающая это явление (инв. № 3474). На иконах «воинского» типа архангел Михаил обычно изображен в рост, в доспехах, с обнаженным мечом. Но даже если предводителя Небесного воинства изображали в ангельских одеяниях (в хитоне и гиматии), или как ближайшего служителя Царя Небесного – в парадных одеждах придворных Византийского императора, он всегда воспринимался как Архистратиг, предводитель воинства небесного.

Последний тип изображения именуется «лоратным», от грече-

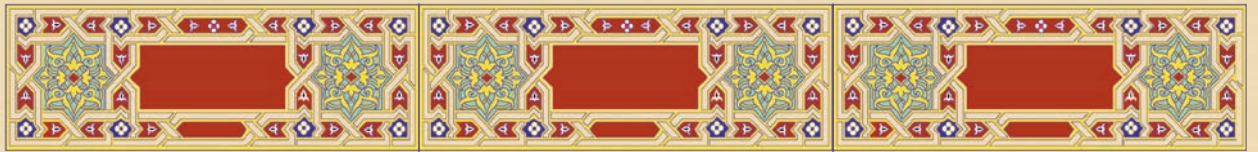

ского слова «лорос» – лента, надеваемая поверх далматика (он в таком виде напоминает препоясанного орарем иподиакона). «Лоратный» архангел обычно держит сферическое зеркало (сферу с инициалами Иисуса Христа) и мерило (высокий посох с круглым навершием) или копье. Такова, например, икона рубежа XIII-XIV вв. из Ярославля (ГТГ, инв. № 17304). Несмотря на то, что архангел изображен здесь не в воинском, а в парадном одеянии, он воспринимался в первую очередь как представитель за ратников, «воевода совершенного полка» – даже мерило его воспринимается как копье. Он предстает перед молящимися как воин, возглавляющий торжественное моление о даровании победы и облаченный по этому случаю в парадное одеяние. Отметим, что и написана эта икона была для церкви, построенной великим князем Константином Всеволодовичем (сыном Всеволода Большое Гнездо) в начале тринадцатого века в честь одной из его побед.

* * *

Позже во время очередного набега татары храм сожгли, но на рубеже XIII-XIV вв. его восстановила княгиня Анна, дочь татарского хана Ногая, в память о своем муже князе Феодоре Ростиславиче Черном. Особенностью иконы является то, что вместо обычной надписи на зеркале изображен Спас Эммануил; а поскольку посредством зеркала архангел «обретает повеление ему от Господа, в зеркале написанное, словно кто пишет на воде перстом» («Хронограф Чудова монастыря»), то изображение «непреоборимого щита» в руке архангела можно трактовать как знак особого благопоспешения Божия воинам, знак дарования будущих побед. Погибшему геройской смертью воину Господь дарует Царство Небесное.

Все это было не просто прекрасным идеалом воинского служения, а практически воплощалось в жизни русского человека. Вот свидетельство летописца о том, как повели себя жители Козельска во время осады татар: «Козляне же совет сотвориша не вдатися Батыеви, рекше себе: Аще князь наш млад есть, но положим живот свой нань; и zde мы славу сего света приемше, и тамо небесныя венца от Христа Бога приемем». Далее следует рас-

сказ о падении города, гибели всех его защитников и жителей, вплоть «до отрочате ссущих млеко».

* * *

Но особенно ярко был выражен воинский аспект в почитании широко распространенной в домонгольской Руси иконы Знамения Пресвятой Богородицы («Богородица Воплощение»). Эта иконография пришла на Русь из Византии, где послужившие прототипом для нашего Знамения иконы Богоматери Никопеи и Влахернитиссы почитались как дарующие победу покровительницы православного воинства. Появившиеся на русской почве иконы Знамения пользовались почитанием святынь, защищающих от «нашедшего на град».

Засвидетельствовано и широко известно чудо от иконы Знамения в Великом Новгороде – победа оборонявших свой город новгородцев над владими́ро-суздальским войском в 1169 году. Подробности случившегося изложены в «Повести о победе новгородцев над суздальцами»: Новгородский архиепископ Иоанн, молясь «об избавлении от нашедшего на град», услышал голос, приказавший взять икону Знамения Богородицы и вынести ее на крепостные стены. Икона «отворотилась» от суздальцев (которым помогали рязанцы, муромцы, смоляне и др.), и те в результате потерпели поражение.

В конце XV в. в Новгороде была написана икона «Чудо от иконы Знамение», известная также как «Битва новгородцев с суздальцами» (ГТГ, инв. № 14454), с тремя эпизодами битвы 1169 года. Вверху изображено, как икону переносят из церкви Спаса на Ильине в детинец (кремль). В средней части – переговоры послов враждующих сторон («послуют») и начало военных действий: стрелы суздальцев летят, «яко дождь мног», в новгородцев и находящуюся на крепостной стене икону Знамения. В нижней части иконы – битва, в которой на помощь новгородцам Пречистая посылает четырех святых (братьев Бориса и Глеба, а также Георгия Победоносца и Димитрия Солунского), суздальское войско смешалось и в панике начинает отступать.

* * *

Другая знаменитая икона Знамения – так называемая Мирожская Оранта или Богоматерь «Великая Панагия» (нахо-

*Георгий Победоносец,
Московская школа иконописи*

дящаяся в Псковском музее копия XVI в. с более древней, относящейся к XIII в. иконе из Спасо-Преображенского Мирожского монастыря; инв. № 1727). Оранта является древнейшей иконографией Богоматери и встречается в катакомбах. У стоящей в полный рост с воздетыми руками Матери Божией на груди, в складках мафория – Спас Эммануил, двумя руками благословляющий молящихся. «Великая Панагия» – образное переложение пророчества о Боговоплощении: «Даст Господь Сам вам знамение: се, Дева во чреве зачнет и родит Сына, и наречеша имя Ему Еммануил» (Ис. 7, 14).

Прославленная чудотворениями икона была в XVI в. перенесена из Мирожского монастыря в главный храм княжества – собор Живоначальной Троицы Псковского кремля. На иконе возле Богоматери предстоят в молении князь Довмонт (в крещении Тимофей)

и его супруга княгиня Мария, внучка святого благоверного великого князя Александра Невского. Князь изображен с мечом – символом власти и воинской доблести.

Одной из самых интересных и сложных символических композиций со Спасом Эммануилом домонгольского периода является группа рельефов, помещавшихся некогда на фасаде западного притвора Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Центром является Оранта, которой молитвенно предстоят четыре воина – великомученики Георгий, Димитрий, Феодор Тирон и Феодор Стратилат. Позади каждого из них стоит копье с прислоненным к нему щитом. Композиция представляет моление об освящении оружия.

* * *

Изображения святых воинов были усвоены Русью с момента ее Крещения. Помимо упомянутых выше древнейших икон об этом свидетельствуют и имена, которым посвящались первые монастыри на Руси. Так, находившийся близ Киевского Софийского собора монастырь назван в честь великомученика Георгия Победоносца (середина XI в.), Суздальский монастырь – в честь великомученика Димитрия Солунского (конец XI в.), а монастырь на реке Альте (конец XI в.) – в честь святых страстотерпцев Бориса и Глеба.

Древнейшие изображения великомученика Георгия относятся к V-VI вв. (например, икона Богоматери на престоле с предстоящими великомучениками Феодором и Георгием в монастыре святой великомученицы Екатерины на Синае), великомученика Димитрия Солунского – к V в. (мозаики базилики св. Димитрия в Фессалониках). Наши известные иконы этих мучеников – Новгородский образ Георгия Победоносца (ГТГ, инв. № 28711), написанный в тридцатые годы XII века, Киевский Димитрий Солунский (начало XII в., ГТГ, инв. № 25532), шиферная икона середины XI века, изображающая двух мучеников воинов-всадников (ГТГ, инв. № 25536).

* * *

В иконографии воинов (благоверных князей, воинов-мучеников и простых воинов) особое внимание уделялось их одеж-

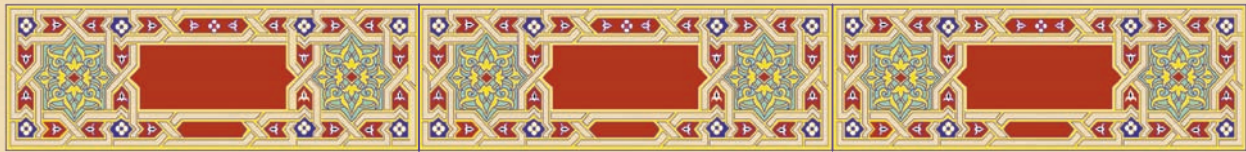

*Георгий Победоносец.
Московская школа иконописи*

де и снаряжению. Остановимся на этих деталях подробнее, ибо каждая из них имела не только практическое применение в воинском ремесле, но и свой духовный смысл. Сапоги – обувь с высокими голенищами, обычно перетянутая ремнями; голенища выше колен появляются на иконах с XVIII в. (когда ботфорты вошли в употребление); византийские воины носили кампаги – сапоги с широкими мягкими голенищами. Сапоги являлись символом власти высокого достоинства: «На Идумею наложу сапог Мой, Мне иноплеменницы покоришася» (Пс. 107, 10). Получившему прощение блудному сыну в доме Отца прежде всего возвращают сапоги (см. Лк. 15, 22). Интересно, что о штанах, заправленных в сапоги, как обязательном атрибуте военной одежды, в Библии не говорится, и лишь в книге пророка Даниила упомянуты «гащи» (Дан. 3, 21) – нижние штаны.

Рубаха, тельник, срачица – короткий хитон воина, который шился из одного куска ткани прямоугольной формы с вырезом для головы; рукава появляются значительно позднее. Срачица на войне, готовом принять смерть и предстать Го-

споду, напоминает о ризе светле, надеваемой на новокрещаемого.

Хламида – короткий прямоугольный отрез плотной ткани, скрепленный на правом или левом плече. У римских воинов она называлась лацерной. На более поздних иконах появляется плащ – верхняя одежда воина из прямоугольного отреза ткани, скрепленная запонкой на плече или на груди. Древнерусский плащ на меховой подкладке назывался корзно. Великомученики Георгий и Димитрий изображаются в длинных плащах (т. н. полументумах) с клавом (золототканым прямоугольником) – характерной принадлежностью императорской одежды, свидетельствующей о высоте служения великомучеников.

У пророка Исаии читаем (Ис. 59, 17): «Облечется в ризу отмщения» (в русском переводе: покрыл Себя ревностью как плащом). Плащ или полументум застегивался застежкой – фибулой, которая была украшена драгоценными камнями. Через плечо или поперек груди шла перевязь – пояс или ремень, который завязывался узлом или имел застежку. Препоясать чресла – быть готовым

*Святой великомученик
Димитрий Солунский (вверху)
и святой благоверный князь
Димитрий Донской*

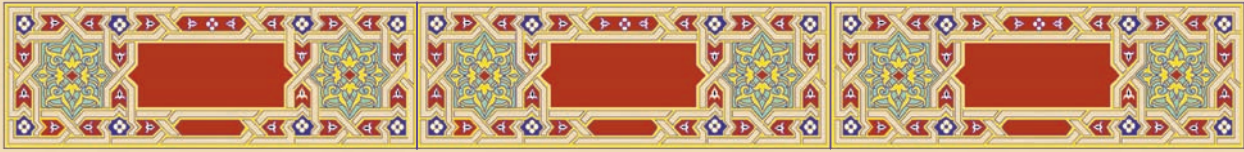

*Святые князья-страстотерцы
Борис и Глеб*

к несению службы, быть бдительным: «Пусть будут чресла ваши препоясаны, обувь ваша на ногах ваших и посохи ваши в руках ваших» (Исх. 12, 11), – говорит Господь народу Своему, готовящемуся к Ветхозаветной Пасхе.

«Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи» (Лк. 12, 35), – предупреждал Своих учеников Спаситель. Для воина быть препоясанным просто необходимо: «Ты препоясал меня силою для войны и низложил под ноги мои восставших на меня» (Пс. 17, 40), – восклицал Псалмопевец, который был, как известно, отважным воином.

На перевязи подвешивались ножны меча: «Пре-

пояши меч Твой по бедре Твоей, Сильне» (Пс. 44, 4). Воина защищали латы – металлическая одежда, броня: «Он возложил на Себя правду, как броню, и шлем спасения на главу Свою» (Ис. 59, 17). Разновидности лат: полные латы закрывают весь стан, руки, ноги или прикрывают тело только спереди; кираса прикрывает грудь и спину до поясницы; кольчуга – кольчатая рубаха с короткими рукавами; панцирь сделан из кожаных или металлических пластин, скрепленных колечками. В нагрудной части лат – мишень, щиток с чеканным рельефом или резным орнаментом в виде ромба, круга.

В XVI–XVII вв. получила распространение иконография воинов и архангела Михаила с медальоном на панцире, изображающем Спаса Эммануила. В рукописном Егоровском сборнике шестнадцатого века (ГБЛ, ф. 98, № 1844, л. 234) помещено изображение архангела Михаила, готового отразить любое нападение, здесь же помещено молитвенное к нему обращение как ко всечестному и преславному, и благому Божию дерзновенному Архистратигу, перекликающееся с 90-м псалмом. На Новгородской иконе XVI в. Георгия Победоносца вместо фибулы или перевязи плаща мы видим медальон с погрудным изображением Спаса Эммануила.

Шлем – наголовье из меди, железа, булата (стали). В Первой книге Царств описано устрашающее вооружение Голиафа: медные шлем, наколенники и щит, чешуйчатая броня, тяжелое железное копьё (см. 1 Цар. 17, 5–7). Но совсем другое – вооружиться правдой Божией; вспомним, помогло ли Голиафу его вооружение? У воина-христианина совсем иные цели: «Мы же, будучи сынами дня, да трезвимся, облекшись в броню веры и любви и в шлем надежды спасения» (1 Фес. 5, 8). Когда воина благословляет Сам Господь – это оружие непобедимое: «Он возьмет всеоружие – ревность Свою, и тварь вооружит к отмщению врагам; облечется в броню – в правду, и возложит на Себя шлем – нелцеприятный суд; возьмет непобедимый щит – святость; строгий гнев Он изострит, как меч, и мир ополчится с Ним против безумцев. Понесутся меткие стрелы молний и из облаков, как из туго натянутого лука, полетят в цель» (Прем. 5, 17–21).

Погребняк Николай Владимирович (1950 г.) – протоиерей Русской Православной Церкви, благочинный Балашихинского округа Московской епархии, Председатель Комиссии Московской епархии по издательской деятельности и связям со средствами массовой информации, настоятель храма в честь Преображения Господня в Балашихе.

Воины имели еще колчан со стрелами: «Господь вывел на свет правду нашу; пойдем и возвестим на Сионе дело Господа Бога нашего. Остригите стрелы, наполняйте колчаны» (Иер. 51, 10–11).

Копье воина делалось трех- или четырехгранным из булатной стали. Оно состояло из пера (острая, режущая грань), тулеи (трубка для насадки на древко), яблока (шарик между пером и тулеей) и ратовища с подтоком (древко, рукоять с металлическим наконечником на тупом конце). Впрочем, не мечом и копьем спасает Господь (1 Цар.17, 47), и Саул когда-то пытался пронзить копьем Давида, да того хранил Сам Господь.

Щит у воинов на иконах изображали круглым, овальным, прямоугольным или многоугольным, он мог иметь орнамент, а в поздних иконах – геральдические фигуры. «Блажен ты, Израиль! Народ, хранимый Господом, Который есть щит, охраняющий тебя, и меч славы твоей» (Втор. 33, 29).

Важнейшим элементом вооружения всегда был меч как символ правосудия и возмездия. Неудивительно, что в Священном Писании он упоминается почти пятьсот раз. Это обоюдоострое оружие с широкой металлической полосой – клинком. Меч висел на поясе на двух кольцах или находился в ножнах. «Но не на лук мой уповаю, и не меч мой спасет меня; но

Ты спасешь нас от врагов наших, и посрамишь ненавидящих нас» (Пс. 43, 7–8).

Лук тоже изображали часто, а в летописях он известен с XI века. Его называли также рожанец (изогнут по форме рога).

На поздних иконах появляется прапор, или знамя. Оно представляло собой копьё с прикрепленным к нему флажком (стягом), на котором обычно изображался крест. Нередко воинов изображали на конях: наиболее распространены конные изображения Георгия Победоносца, попирающего копьём змия. С IX века в житиях великомученика встречается рассказ об этом чуде, а самые ранние изображения возникают в XII в. (фреска в Старой Ладогe). Князь-страстотерпцы Борис и Глеб на самой старой из дошедших до нас икон изображены также на конях – это Псковская икона второй половины XIV в. (ГТГ, инв. № ДР-1129).

* * *

В заключение упомянем еще об одном весьма редком и интересном изображении Иисуса Христа в так называемой «Четырехчастной» иконе середины XVI в. из Благовещенского собора Московского Кремля. Живописец изобразил в Распятии торжество победы над смертью в образе воинской славы. Христос облачен в рыцарские доспехи, держит в руках меч, наполовину вытасченный из ножен, а вместо трона Он восседает на перекладине Креста. В Его облике – мужество, молодость, воинская доблесть. Но сложные композиции XVI в. вызывали много споров: в них появились нововведения, с большим трудом находившие себе признание. Один из примеров – икона «Церковь Воинствующая» (ГТГ, инв. № 6141), написанная для Успенского собора Московского Кремля...

К сожалению, в рамках данной заметки уделить таким иконам достаточное внимание не представляется возможным – это тема для обстоятельного разговора, который, надеюсь, состоится.

НА ЦІЙ ГОРІ
В Х СТОЛІТТІ
СТОЯЛА ФОРТЕЦЯ
ВНШГОРОД-
ФОРПОСТ
ДАВНЬОРУСЬКОГО
КНЕВА

**ВЫШГОРОД
И ЕГО РОЛЬ
В ИСТОРИИ РУСИ**

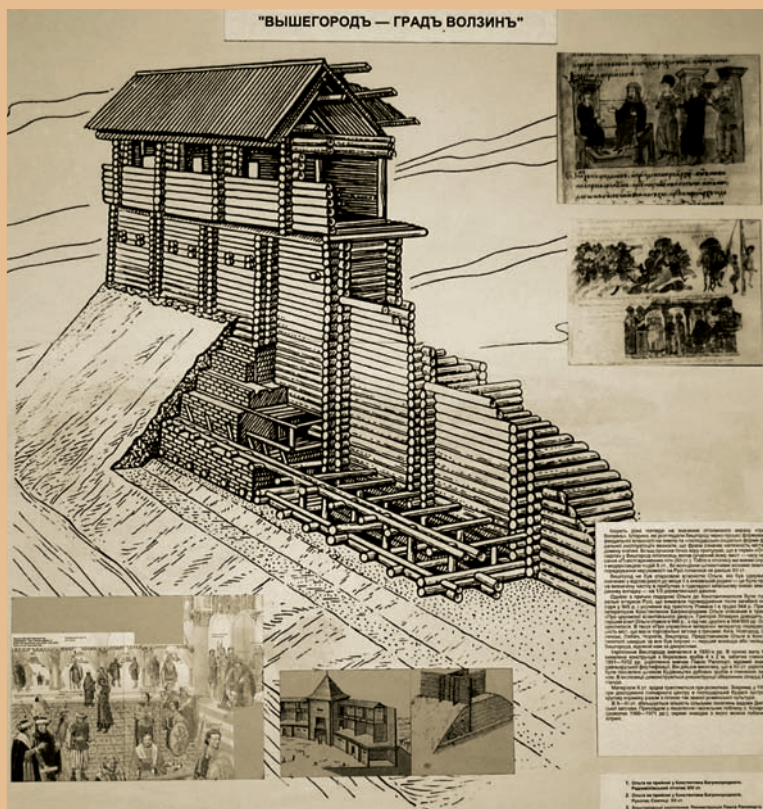
Протоиерей Димитрий Денисенко Борис Кузык

Среди имен и событий, так или иначе связанных с памятью святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, особое место занимает Вышгород. Да и в русской истории этот древний город сыграл одну из ключевых ролей. В Киевском Синописисе есть указание на то, что Вышгород был основан в легендарные времена Кия, Щека и Хорива: «...третий брат, Корев, или Хорев, созда град, такожде от своего имени Хоревицу, а по том Вышгород прозвася». Об этом же пишет и М. Ф. Берлинский (1764–1848), который считается первым признанным киевским археологом: «Третий брат Хорев поселился на горе Хоревице, так же от него прозванной, которая находится в семнадцати верстах выше Киева над Днепром, на месте между бывшим Межигорским монастырем и селом Вышгородом, которое сие имя и поныне от бывшего там в последующее время города носит».

В отличие от ближайших к Киеву Белгорода и Васильева, Вышгород имел бóльшую самостоятельность и, согласно летописи (1146 г.), вторым после Киева присягал киевскому князю. С 946 по 1214 гг. в древнерусских источниках встречается 38 упоминаний о Вышгороде в связи с теми или иными политическими событиями, что свидетельствует об огромном значении этого города в истории Киевской Руси.

Так как древний Вышгород был известным центром церковной жизни, свидетельства о нем не ограничиваются только летописными источниками. Местонахождение здесь мощей первых русских святых обращало на себя внимание и писателей житийной литературы.

Связанные с Вышгородом церковно-исторические и политические события в Киевской Руси, особенно канонизация

первых русских святых Бориса и Глеба и строительство в их честь храмов-усыпальниц в XI–XII вв. нашли подробное отражение в летописях и «Сказаниях». В них Борисоглебская церковь упоминается как «церковь» и «каменная церковь». В исторических материалах конца XVII в. указывается более точное название – «церковь Святых страстотерпцев Бориса и Глеба». Современное название – Борисоглебская церковь – прослеживается в документальных источниках с конца XVIII – начала XIX вв.

Возник древний Вышгород в 15-16 км выше Киева на правом высоком выступе днепровского берега у переправы. С самого начала он строится как город-крепость. Его центральную часть опоясывают мощ-

ные земляные валы и глубокие рвы, защищая посад. Площадь города Вышгорода в период его расцвета (середина XII в.) превышала 80 га, площадь детинца* занимала около 9 га. П. А. Раппопорт, исходя из значительных размеров вышгородского детинца, относит его к типу городищ со сложным планом.

Вышгородское городище очень схоже с киевским планировкой оборонительной системы и занимает острог правобережной террасы Днепра, поднимаясь на высоту до 80 метров над уровнем реки. Остатки укреплений центральной части города сохранились с запада и юго-запада. Высота земляного вала здесь достигает 7–9 м. В его конструкции применялись деревянные клетки, располагавшиеся по линии юго-восток-северо-запад. Основной массив городских кварталов располагался к востоку и югу от детинца. Обособленный квартал древнерусского Вышгорода находился на мысообразном высту-

* Детинец – название внутреннего укрепления в русском средневековом городе вокруг резиденции князя или епископа. С XIV в. заменяется термином «кремль». – *Прим. ред.*

Макет древнего городища-крепости Вышгород

Археологические находки на месте древнего поселения Вышгорода.

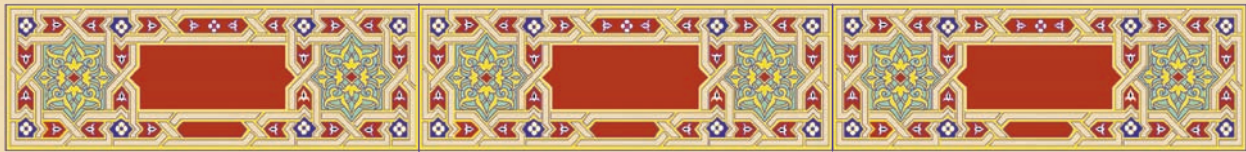
Из фондов Государственного исторического музея-заповедника «Вышгород»

пе в юго-восточной части террасы площадью около 2,5 га. Эта местность известна в народе как Ольжина гора. С трех сторон она окружена оврагами и только с запада соединяется узким перешейком с основным плато.

Вокруг Вышгорода существовала система наблюдательных пунктов, дававших возможность контролировать северные подступы к Киеву. Военно-стратегическое

значение Вышгорода, входившего в систему обороны центральной территории Руси, по достоинству оценивалось киевскими князьями. Во время военной угрозы они нередко уходили из столицы и закрывались в вышгородской крепости, счи-

тая ее более мощной, чем киевская. Удельные князья – претенденты на обладание великокняжеским киевским столом также придавали большое значение Вышгороду, справедливо считая его одной из основных преград на пути к стольному граду.

* * *

Являясь важным военно-стратегическим, экономическим и церковно-религиозным центром Руси, Вышгород не представлял собой самостоятельной политической единицы. На всем протяжении древнерусской истории Вышгород выступает как пригород Киева даже и тогда, когда в нем появляются свои князья. Они, как правило, подбирались великими киевскими князьями из числа младших родственников, не претендовавших на столичный стол. В Вышгороде сидели подручные князей Изяслава Ярославича, Ярополка Владимировича, Юрия Долгорукого, Ростислава Мстиславича и другие, находившиеся, по существу, на положении киевских воевод. Видимо, и во второй половине XII в. Вышгород продолжал играть роль загородной великокняжеской резиденции. В Вышгороде находились княжеские дворы Ольги, Владимира, Святополка Владимировича, Ярослава Мудрого, Всеволода Олеговича.

Впоследствии подобные княжеские резиденции были основаны владимировскими и смоленскими князьями. Характерно, что даже расстояние между Боголюбовом и Владимиром было таким, как между Вышгородом и Киевом. «Создал же башет себе (Андрей Боголюбский) город камень именем Боголюбый, толь далече якоже Вышгородъ от Киева, тако же и Боголюбый от Владимиря».

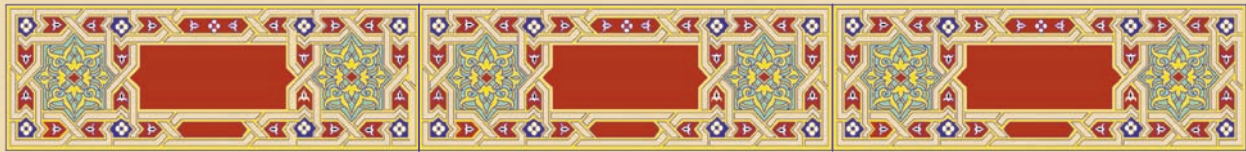

Свидетельством того, что Вышгород играл роль резиденции, имел княжеское хозяйство и находился в сфере политики Киева, могут служить и найденные здесь печати князей, занимавших столичный стол, и их союзников. Это три печати Изяслава Ярославича (1054–1078), одна – Владимира Всеволодовича Мономаха (1113–1125) и еще одна – Давида Ростиславича периода его вышгородского княжения (1169–1180). Из Вышгорода происходят еще две вислые печати середины – второй половины XII века, принадлежащие лицам верховной власти.

Становление Вышгорода как крупного церковно-политического и экономического центра Киевской земли связано с периодом княжения Ярослава Мудрого и его преемников. Город всецело подчинялся великому князю. В пределах Вышгорода находился загородный двор властителя Руси. Здесь в 1054 году скончался Ярослав Мудрый, прибывший сюда после огласки своего завещания относительно великокняжеского стола.

Письменные источники говорят о существовании в Вышгороде довольно численной боярской прослойки. Известны имена десяти вышгородских бояр: Путша, Талец, Елович, Ляшко, Миронег, Ждан, Микула, Чудин, Тудор, Давид и Радло. В действительности бояр в Вышгороде было значительно больше на протяжении X–XII веков, так как источники упоминают лишь тех, кто играл наиболее активную роль в политических событиях Киевской Руси. И каждый из этих бояр имел свое владение, которое не могло принадлежать князю.

Жилые кварталы древнерусского Вышгорода имели усадебную струк-

Экспонаты из фондов Государственного исторического музея-заповедника «Вышгород»

туру. Основными конструктивными приемами возведения стен жилых зданий была укладка их в «заброс» из деревянных плах на столбовом каркасе и рубка из цельных венцов.

Раскопки кузнечных мастерских в восточной части городища свидетельствуют о том, что, начиная с X в., здесь процветает железообрабатывающее ремесло. А найденные керамические изделия говорят о существовании в Вышгороде местной гончарной школы. Также тут обнаружены и следы стеклодельного производства.

Таким образом, древнерусский Вышгород в свете письменных и археологических источников предстает как один из крупнейших экономических и культурных центров Киевской Руси. Со времен княжения Ярослава Мудрого Вышгород приобретает значение крупного церковного центра Руси. Во время его княжения произошло важное событие в истории Русской церкви – славное открытие святых многоцелебных мощей святых страстотерпцев, князей Бориса и Глеба, убитых Святополком Окаянным в 1015 году.

В честь первых русских святых и покровителей Руси, на вышгородском детинце возводится целый ряд сменявших друг друга храмов.

Первоначально Вышгород принадлежал киевским князьям, а впоследствии имел собственных правителей, которые принимали этот удел почти всегда в ожидании великокняжеско-

го престола. Это объясняет, почему ради вышгородского престола иногда оставляли новгородский. К тому же положение в Вышгороде мощей святых князей Бориса и Глеба сделало его важнейшим объединяющим центром не только для Православной Церкви, но и для Руси в целом. Поэтому до нашествия татар и разорения Киева Вышгород довольно часто упоминается в летописях. В «Житии Бориса и Глеба», где святые князья прославляются как защитники Руси, содержится характеристика Вышгорода как важной крепости Русской земли: «Стенам твоим, Вышгород, я устроил стражу на все дни и ночи. Не уснет она и не задремлет, охраняя и утверждая отчину свою Русскую землю от супостатов и от усобной войны».

С 1072 года Вышгород, как ближайший к Киеву город, принимал участие почти во всех переменах и переворотах, бывших следствием междоусобиц и, подобно другим городам, испытал многие превратности. Находясь, можно сказать, под рукой у великого князя киевского, Вышгород, по его воле, переходил от князей из одного рода в другой – то как награда, то как место убежища изгнанным и обнищавшим, а также служил местом, где у святых мощей решались споры и заключались договоры.

В годы начавшихся княжеских междоусобиц стратегическая роль Вышгорода состояла в том, что он, как оборонительный пункт, прикрывал Киев с севера и контролировал дорогу к Чернигову, а также водные пути из древлянских земель по

рекам Ирпень, Тетерев, Припять. Таков был Вышгород до монголо-татарского нашествия.

* * *

В 1240 году, во время нашествия Батые, Вышгород, как и многие другие города южной России, подвергся разорению со своими церквями, монастырями и дворцами. Не избежала печальной участи и Борисоглебская церковь. В это несчастное для всей Руси время скрыты и мощи Бориса и Глеба, нетленно почивавшие в Вышгороде с 1030 по 1240 гг. и подававшие исцеление всем притекающим с верой.

Вышгород с его богатейшим храмом разделил судьбу Киева. Раскопки Вышгорода и Белгорода воспроизводят картины героической обороны и гибели этих центров. Глазам археологов открылись мощные слои пожарищ. Под крепостными стенами, сожженными домами, а то и просто на улицах и площадях были обнаружены сотни человеческих костяков, инструменты ремесленников, предметы вооружения и различные украшения.

В послемонгольский период Вышгород, утратив статус княжеской резиденции, пришел в упадок и превратился в обычное село. После монголо-татарского нашествия 1240 г. письменные источники хранят молчание о судьбе города вплоть до середины XIV века. С 1320 года, наравне с Киевом, Вышгород находился под властью литовских князей и польских королей.

До начала XVII в. храм Святых Бориса и Глеба стоял в развалинах. Примерно в 1640 г. он был разобран поляками, использовавшими строительный материал для сооружения доминиканского костела Св. Николая в Киеве. Об этом известно из грамоты 1691 г. Киевского митрополита Варлаама Ясинского царям Иоанну и Петру Алексеевичам. Л. Похилевич повторяет замечание митрополита Евгения Болховитинова: «...митрополит Варлаам Ясинский в просьбе своей к царям Иоанну и Петру Алексеевичам писал от 28 марта 1691 года, что Киевский Николаевский (Латинский) костел весь

построен из камня древней Вышгородской церкви, разоренной поляками».

Достоверность этого факта подтвердили современные раскопки в Киеве (1973). На старом Житием рынке во время рытья котлована были обнаружены фундаменты доминиканского костела Св. Николая, почти целиком сложенные из древнерусских строительных материалов. Н. Закревский в «Описании Киева» пишет, что «на сооружение церкви Св. Андрея Первозванного много также перевезено материала из Вышгорода».

* * *

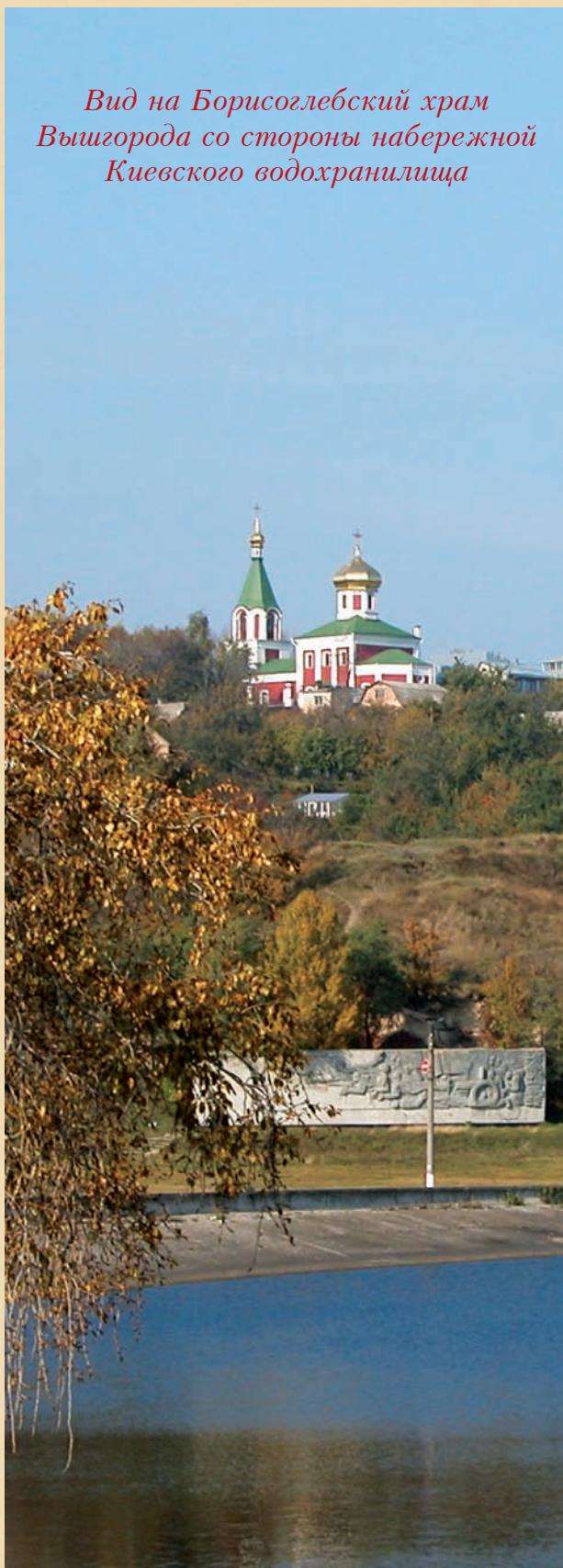
В XVII в. Вышгород был несколько раз разорен и опустошаем то литовцами, то татарами, то поляками. В 1651 г. князь Януш Радзивилл, гетман литовский, осадил Киев, и его войска сожгли Подол. Потом они переправились через Днепр возле Вышгорода. Но так как там не нашлось готового леса, то литовцы разобрали существующую в то время деревянную вышгородскую церковь, употребив даже иконы для строительства моста.

Война России с Польшей, завершившаяся Андрусовским перемирием, по которому Вышгород вместе с Киевом окончательно перешел к России, привела к разрушению и запустению города. В воеводских описях 1680-х годов говорится, что место, где был город, пусто, и старый вал весь развалился, а вместо каменной церкви Свв. страстотерпцев Бориса и Глеба стоит деревянная.

В конце XVII в. Вышгород утрачивает статус города и превращается в село, жизнь в котором возрождалась медленно. Если в 1688 г. тут не было ни одного жителя, то, судя по историко-статистическим описаниям Киевского наместничества, в 1781 г. насчитывалось 47 хат, а в 1787 г. проживало всего 228 человек. С 1787 года, после упразднения Межигорского монастыря, село было изъято из состава монастырских земель и перешло в разряд государственных имуществ, подчиняясь Киевской казенной палате.

*Вид на Борисоглебский храм
Вышгорода со стороны набережной
Киевского водохранилища*

В начале XIX в. в селе было 40 дворов и 180 казенных крестьян мужского пола. Судя по литературным источникам, в этот период в селе стояла деревянная трехверхая церковь, построенная в 1791 г. (или 1744 г.) местным священником Василием Лукьяновым.

К концу века число жителей возрастает до 1595 человек. Список населенных мест Киевской губернии 1900 г. упоминает в селе одну православную церковь и одну церковно-приходскую школу, которая располагалась восточнее церкви Святых Бориса и Глеба. Первым кирпичным сооружением села прошлого столетия стала новая церковь братьев-страстотерпцев, построенная в 1862 г. на месте разобранной деревянной. И по сей день храм сохраняет роль главной исторической и архитектурной доминанты Вышгорода.

Судьба Вышгорода связана с великими историческими событиями, но в наше время этот древний город более известен своими великими святынями: Борисоглебским хра-

мом и Вышгородской (Владимирской) иконой Богоматери – самой почитаемой иконой на Руси.

Судьба этих святынь непроста, как и судьба нашей Родины, поскольку они тесно переплетены. Борисоглебский храм неоднократно разрушался и воссоздавался. В последний раз он пострадал во время Великой Отечественной войны, а восстановление его началось только в конце 80-х годов. История храма уникальна и являет во всей силе ту истину, что Господь наш есть Бог, который творит чудеса.

Само строительство Борисоглебской церкви свидетельствует о духовной и творческой восприимчивости русского народа, о его ревности в почитании первых русских святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба и св. равноапостольного князя Владимира и равноапостольной княгини Ольги, житие и деяния которых неразрывно связаны с Вышгородом.

История вышгородских церквей тесно переплетается с житием, страданиями и прославлением первых русских святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. Именно они своими нетленными мощами составляли святыню Вышгорода. Они выступали как образец братского единения, являя тем противоположность князьям XI–XII веков, которые опустошали междоусобицами города и веси. Более того, они не были только местнопочитаемыми святыми, а покровительствовали всей Русской земле. Сравнивая святых Бориса и Глеба со св. Димитрием Солунским, автор «Сказания» с гордостью подчеркивает, что св. Димитрий был покровителем «единого града» – Солуни, а Борис и Глеб – «всей земли русьской».

Исключительный интерес, который представляет история создания Вышгородского храма-мавзолея, вызывается не только тем, что она отражает как в зеркале историю Киевского государства со второго десятилетия XI по второе десятилетие XII веков, но и глубоко переплетена с ней.

Выполняя большую по идейно-политической значимости задачу создания храма-монумента над телами князей, «древодели» и «здатели» возвели ряд сменявших друг друга деревян-

ных, а потом и каменных построек, которые благодаря своеобразию их идейно-художественного замысла послужили развитию древнерусского зодчества.

Первое письменное известие о храме в Вышгороде появляется в летописной статье «О убиении Борисове», изложенной в «Повести временных лет» (1015). Иаков Мних в житии Бориса и Глеба также говорит о том, что братья были погребены у вышгородской церкви Св. Василия. Значит, церковь Св. Василия в Вышгороде уже существовала во время убиения свв. Бориса и Глеба. Но так как убиение их произошло через несколько дней после смерти великого князя Владимира, то напрашивается вывод, что построение церкви, при которой были погребены князья-страстотерпы, нужно отнести еще ко времени княжения

Владимира. Во всяком случае, в начале княжения Ярослава Мудрого (1019–1020), церковь уже называется ветхою: «...загорелась церковь ...была деревянная и обветшала». Вероятно, церковь Св. Василия была построена именно Владимиром.

Как известно, Вышгород в свое время был городом княгини Ольги. Надо полагать, что, став христианкой, она особенно долго здесь пребывала, отдав управление сыну Святославу.

Память о праматери была дорога Владимиру, так как с нею было связано его обращение в христианство. Св. Ольга, по выражению прп. Нестора, денница и луна спасения, служила убедительным примером для Владимира и предуготовила торжество истинной веры в нашем Отечестве. Естественно, что князь Владимир хотел украсить построением храма город своей праматери, являющийся бесценным сокровищем княжеского владения.

Ко времени Ярослава Мудрого относится первое упоминаемое чудо, которое заставило людей признать святость почивающих под спудом князей. «Приидоша единою Варязи близ места, идеже лежаста Святая под землею погребена, и яко един воступи, том часе огонь ишед от гроба и зажже нозе его, и искочив, начат поведати и нозе показывая своей дружине опа-

лене и ожжене. И оттом начата не смети близ приступати, но с страхом покланяхуся». Из житийного повествования понятно, что на месте погребения князей, у стен церкви Св. Василия, еще не было, по-видимому, никакого надгробного монументального сооружения.

Вскоре деревянный Васильевский храм сгорел. Об этом событии подробно повествует прп. Нестор в «Чтении о жизни и погублении Бориса и Глеба». Со-

общается и причина пожара: «Пономарь той церкви, по окончании заутрени, был омрачен от вселукаваго сатаны сном и, не осмотрев церковь как следует, ушел к себе домой, а в церкви забыл потушить свечу... Спустя некоторое время загорелась церковь».

Пожар старого храма послужил указанием свыше для дальнейшего почитания угодников Божиих: «Все это произошло по Божиему попущению. Церковь была деревянная и обветшала. Господь явил сим Свою волю, чтобы иная церковь была построена на том месте, во имя святых блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба, и чтобы тела их были с любою вынуты из недр земных, что и случилось».

Ярославу немедленно поведали о пожаре и о предшествую-

щих ему чудесах у могил святых. Призвав митрополита Иоанна, князь передал ему рассказ о своих братьях-мучениках, «...и тот был как бы в ужасе, сомнени, радости и дерзновенш к Богу». После этой беседы «митрополит собрал клирошан и всех священников и велел идти крестным ходом к Вышегороду».

На месте сгоревшей церкви поставили небольшую храмину – «клетку малу». После того, как эта малых размеров клетская храмина была готова, митрополит Иоанн повелел выкопать тела святых князей-братьев после «всенощного пения». Тела князей уже не предавали земле: «и отнесли они телеса в ту храмину, которая была поставлена на месте сгоревшей церкви, и положили их над землею на правой стороне».

После этих событий за помощью ко святым мученикам стало обращаться больше людей. Не случайно житие повествует о двух чудесах, происшедших с вышегородским «огородником» (градостроителем) Миронегом. Он же, как глава артели плотников, имея доступ к князю, рассказал Ярославу об этих чудесах. Призвав митрополита, князь «с веселием поведалъ ему слышанное» о чудодейственной силе

святых мощей. Митрополит также возрадовался и «дал князю богоугодный совет построить прекрасную церковь». Этот совет пришелся по душе князю.

Подробно о строительстве рассказывается в житии: «...и велел он (князь) плотникам приготовить деревья на строете церкви. Была уже зима. Плотники приготовили деревья и при наступлении лета, построили церковь великую, имеющую пять глав. Князь же украсил ее всякою живописью и иконы святых велел написать...»

С крестным ходом святые мощи были перенесены

в храм и поставлены открыто на правой стороне. Тогда же был освящен храм, и установлено празднование 24 июля (6 августа) памяти святых мучеников Бориса и Глеба во святом крещении Романа и Давида. Празднества в честь перенесения мощей продолжались 8 дней. Тогда же митрополитом были рукоположены для вновь созданного храма пресвитеры и дьяконы. Князь, раздав множество милостыни бедным, определил для содержания Борисоглебской церкви и ее причта десятую часть из вышгородской дани. Праздник также ознаменовался чудесным исцелением хромого, происшедшим на глазах присутствовавших на литургии митрополита, князя и всех собравшихся. Канонизация первых святых Русской церкви стала фактом, признание которого вышло за пределы земли Русской.

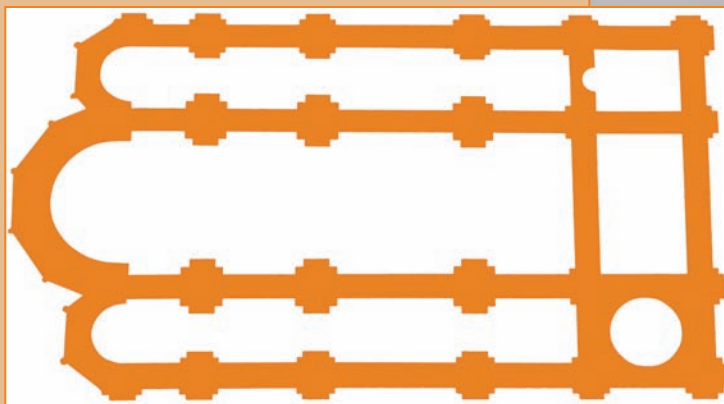

В 1020–1026 гг. храм, помимо богатого внутреннего убранства иконами и утварью, отличался «всяческой красотой», то есть, по-видимому, богатством наружной декорации. Несомненно, тут проявлялись дохристианские понятия славян о красоте – любовь к полихромии и резному убранству. Да и само христианство времен Владимира и Ярослава было жизнерадостным и проникнутым оптимизмом мировоззрением.

Пятиглавый храм Ярослава простоял около полувека. По словам «Сказания», «церкви уже обетывавши». Сидевший на киевском столе князь Изяслав Ярославич «увидел ея ветхость, призвал старшину плотников и велел ему построить новую, одноглавую церковь во имя святых страстотерпцев, указал он и место для нея близ первой ветхой церкви». На «возграждение» новой церкви Изяслав дал старейшине «имения довольное». «Старейшина плотников собрал всех своих рабочих и скоро построил церковь на указанном месте. Услышав о сем, князь послал к старейшине города со словами: «Даю от княжеской дани на украшение церкви».

Торжества по освящению нового храма и перенесению мощей святых состоялись по благословению митрополита Георгия 2 (15) мая 1072 г. Об этих событиях повествует и ле-

Макет и общий план древнего храма-усыпальницы святых Бориса и Глеба. Из фондов Государственного исторического музея-заповедника «Вышгород»

тописная запись под 1072 года, и «Сказание», и Нестерово «Чтение». В освящении храма и торжественном перенесении мощей приняли участие Киевский митрополит Георгий, Черниговский епископ Неофит, епископ Переяславский Петр, Белозерский Никита, Юрьевский Михаил, игумен Печерского монастыря прп. Феодосий, игумены других киевских монастырей, а также сыновья Ярослава – Изяслав, Святослав и Всеволод.

Когда, по пренесении в новый храм, открыли раку, то храм наполнился благоуханием, как бы тонкий дым исходил из раки. Видевшие такое чудо, прославили Бога. Митрополита же объял ужас, «бьяше бо нетвердо веруя к ним и пад ниц, прося прощения». Историческое содержание описываемого события заключалось в окончательном и публичном признании со стороны византийского иерарха факта канонизации русских князей-страстотерпцев.

Затем была отслужена литургия. Отмечается также, что и «много милостыни сотворили убогим». С 1072 г. день 2 (15) мая установлено праздновать ежегодно в честь и славу святых мучеников.

Есть основания думать, что вышгородские торжества 1072 года, закончившиеся торжественным обедом «с любовью великою», в которых участвовали все три Ярославича со своими боярами, были приурочены не только к перенесению честных мощей в новый храм. Освящение нового храма-усыпальницы святых князей Бориса и Глеба, происходившее при участии «триумвирата» Ярославичей и представителей высшей церковной иерархии, способствовало также решению политических вопросов. Некоторые исследователи Русской Правды* уже давно отмечали, что время съезда, на котором была установлена Правда Ярославичей, обычно определяемое 1054–

* Русская Правда – свод древнерусского права. Включает: отдельные нормы «Закона Русского», Правду Ярослава Мудрого, Правду Ярославичей, Устав Владимира Мономаха и др. – *Прим. ред.*

1073 годами, то есть временем правления Ярославичей, может быть значительно уточнено.

Среди имен знатных киевлян, упомянутых в заголовке Правды Ярославичей, есть имя Микулы Чудина. В Сказании о Борисе и Глебе встречается имя Николы, который был «старейшина огородником, зовом же бяше Жьдан по мирьскому, а в хрыщеннии Никола».

Очевидно, не только «обветшание» храма Ярослава, но и промыслительное появление людей, могущих прославить имя Божие и святых угодников делами рук своих, вызвало постройку Изяславом рядом с первым нового храма. Под руководством Ждана-Николы в 1072 г. была построена рубленая церковь «в верх один». В ней, судя по этому определению, исчезает сложная живописная пятибашенность. Храм становится строже, но его «столп» продолжает стремиться вверх. Не исключена возможность, что у этого и предшествующего ему

деревянных храмов были открытые паперти и галереи, опоясывавшие здание в его нижней части, как в позднейших украинских церквах.

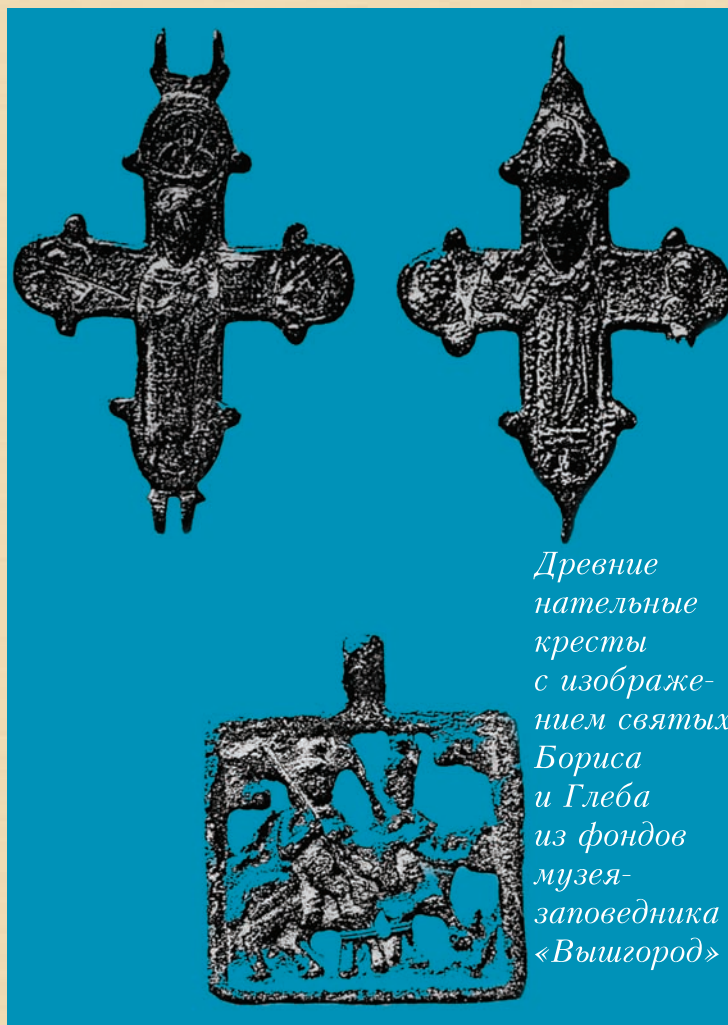

Существенно, что постройка и этого второго храма была поручена русскому мастеру, «торо- додельцу», что утверждало русскую национальную традицию в архитектуре первых борисоглебских храмов.

Три вышгородских храма-усыпальницы, сменивших друг друга на протяжении XI столетия, представляли бы, безусловно, исключительный интерес для истории церковной архитектуры Киевской Руси, если бы была какая-либо возможность хотя бы отчасти реконструировать их своеобразный облик. Выстроенные русскими «древододелами», все они, несомненно, были выражением древнейших народных традиций русского деревянного зодчества, причем, по-видимому, отнюдь не повторяли друг друга.

Возле «клетки малой», выстроенной Ярославом вместо сгоревшей древней церкви Св. Василия, вырос его же храм о пяти верхах, рядом с которым Изяслав выстроил новый одноверхий храм. Этот последний, без сомнения, просуществовал вплоть до освящения каменного храма в 1115 году, так как до этого времени в нем стояли раки со святыми мощами.

Появление первых русских святых рождало ревностное желание зодчих найти новый архитектурный образ для вышгородского храма. В 1073 г. великокняжеский киевский престол

*Древние
нательные
кресты
с изображе-
нием святых
Бориса
и Глеба
из фондов
музея-
заповедника
«Вышгород»*

занял Святослав Ярославич, который решил выстроить в Вышгороде новый каменный храм рядом с деревянным храмом Изяслава.

Начав постройку в 1075 году, Святослав не успел довести ее до конца. Когда здание было возведено на 80 локтей (при длине локтя 38 см это составляло 30,4 м, а при локте в 46 см – 36,8 м), Святослав умер. Это случилось в 1076 году. Постройку закончил Всеволод Ярославич, но как только церковь была выстроена, «абие на ту мощь воюритися ей верх и сокрушися вся». Занятый собственными крупными постройками, Всеволод так и не закончил вышгородский храм.

Автор «Сказания» отмечает, что после смерти Всеволода развалины рухнувшего каменного храма довольно долго оставались в забвении.

* * *

В роли продолжателя постройки отца выступил князь Олег Святославич после смерти Всеволода в 1093 году. «Олег, сын Святославови, умысли вздвигнути церковь, сокружившуюся Вышегороде камяную. И привед здателе повеле здати, водав им все по обилу, яже на потребу». Когда храм был закончен и расписан (1112), строитель обратился к Святополку за разрешением перенести в новый храм раки с мощами святых Бориса и Глеба, однако тот не дал своего согласия по причине, недвусмысленно указанной автором «Сказания» – «зане не сам бяше ее создал».

Только после смерти Святополка, когда на киевском столе сел Владимир Мономах, решено было совершить освящение нового каменного храма и торжественное перенесение мощей святых князей. Великий князь известил об этом своих братьев.

Торжества, состоявшиеся 1 и 2 мая 1115 г. (почти через столет после мученической кончины свв. Бориса и Глеба), по своему размаху и великолепию не уступали торжествам, устроенным Ярославичами в 1072 году. В них участвовали князья Владимир Всеволодович Мономах с сыновьями, строитель

храма Олег Святославич и его брат Давид тоже с сыновьями, киевский митрополит Никифор, епископы Черниговский, Переяславский, Белгородский и Юрьевский и целый сонм игуменов крупнейших киевских монастырей во главе с Прохором Печерским, «и весь святительский и чернеческий чин, всех клириков и всех священников». И далее: «И сошлось сюда со всех стран Русской земли и от иных стран многое множество народа и князей... так что наполнился весь город, и народ не находить места и по стенам городским».

Первый день торжеств после освящения нового храма закончился «великим обедом», который был дан Олегом, чем был подчеркнут факт его ктиторства* в отношении вновь освященного храма, хотя и летопись и «Сказание» на первом месте упоминают Владимира Мономаха. На второй день, 2 мая, когда праздновалось перенесение мощей святых князей Бориса и Глеба, был отслужен молебен, и митрополит с епископами, пресвитерами и диаконами, возжегши свечи и окадив раки мощей святых, возложили их на специально для этого приго-

* Ктитор – (от греч. ktitor) основатель, учредитель. – *Прим. ред.*

товленные и украшенные сани. Несмотря на то, что для перевезения каменных рак нужны были огромные усилия, их везли князя со своими вельможами, предшествуемые по чину митрополитом со всем освященным собором. Передвижение затрудняло и большое стечение народа. Тогда князь Владимир Мономах повелел бросать народу деньги, меха и ткани, чтобы он расступился и дал свободный ход торжественной процессии. Таким способом раки привезли в новозданную церковь.

Праздник перенесения мощей продолжался три дня. Владимир Мономах, как и прежде оказывая большое усердие к святым мученикам, повесил над серебряными раками серебряные лампы и поставил хрустальные позолоченные подсвечники – «всю камару позлащетею украсили неизреченно». Неудивительно, что «художеству и богатству ея удивлялись Греки, приезжавшие для поклонения мученикам».

Кроме того, по повелению Владимира Мономаха возле Вышгорода был построен мост через Днепр «для облегчения же к

мощам сим святым приходящих на поклонение». Это еще раз свидетельствует о ревности наших предков, начиная от великих князей и кончая простолюдинами, в почитании своих небесных покровителей.

Одновременно с перенесением мощей была составлена особая служба мученикам на второй день мая. После этих событий много чудес источили мощи святых страстотерпцев.

Торжествами 1115 г. закончилось почти столетнее строительство вышгородского храма. Неоднократные его упоминания, встречающиеся в киевских летописях в связи с различными событиями в жизни Вышгорода и Киева, ничего нового для истории храма не дают. Однако в свете всего вышеизложенного становится очевидным, что каменный Борисоглебский храм строился именно русскими зодчими. Эта постройка приковывала к себе внимание современников, так как она была связана непосредственно с общерусской святыней, отсюда естественно предположить интерес зодчих к ее архитектуре и их стремление подражать вышгородскому образцу.

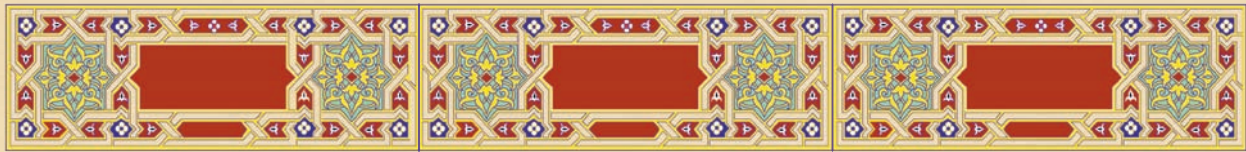

Почитание святых Бориса и Глеба быстро распространялось по всей Руси. Почти каждый город имел церковь, посвященную благоверным братьям. Киев и Чернигов, Смоленск и Новгород, Рязань и Ростов строили борисоглебские храмы. К числу таких построек относятся церковь Свв. Бориса и Глеба, заложенная в 1117 г. Владимиром Мономахом на Альте, где за 102 года до этого был убит князь Борис, а также Борисоглебский собор XII века в Чернигове, церковь Бориса и Глеба в Кидекше (1152) и ряд других.

В 1240 г. Вышгород с его богатейшим княжеским храмом разделил судьбу Киева. По преданию, каменная Борисоглебская церковь не была разрушена монголо-татарскими полчищами до основания. Л. Похилевич предполагает, что по истечении некоторого времени вышгородцы расчистили один придел и устроили в нем церковь, где иногда совершались богослужения. Окончательно церковь была разорена в последующие времена.

* * *

Письменные источники молчат о судьбе храма после монголо-татарского нашествия, однако история его постепенного разрушения отчетливо восстанавливается по данным археологических раскопок. Мощи святых мучеников Бориса и Глеба перед монголо-татарским нападением были сокрыты. Можно предположить, что мощи святых во время нашествия Батыея были спрятаны священниками церкви под храмом в недоступном месте, где они могут находиться и сейчас. Во время вражеского ига, когда народ не имел ни защиты, ни надежды спастись, православные пастыри не могли не принять надлежащих мер к сохранению святыни, которая составляла предмет почитания всей Руси, и оставить ее на поругание. Исходя из этого, нельзя допустить, что мощи были увезены и почитаются под други-

*Изображение святых князей
Бориса и Глеба с иконостаса
Борисоглебского храма
в Вышгороде*

ми именами, ибо «Единому Богу известно, когда и кем может быть открыто сие драгоценнейшее для всех православных сокровище».

И хотя мощи не были открыты для поклонения, святые угодники не оставили своим покровительством землю Русскую. Известно, что свв. братьями была оказана чудесная помощь «сроднику» своему благоверному князю Александру Невскому в 1240 г. в битве со шведами. И позже, спустя почти полтора столетия, в 1380 году, они не оставили воинов, возглавляемых великим князем московским Дмитрием Ивановичем в битве против татар на Куликовом поле. И для всех приходящих к ним с верою и любовию «подавали и подают полезная».

* * *

Нам неизвестно, как скоро была построена на месте разоренной татарами новая церковь и сколько их было в тече-

ние четырех веков, поскольку с 1240 г. летописи о Вышгороде молчат. После татаро-монгольского нашествия он длительное время находился в полном запустении. А в из-за указа 1455 г. Казимира IV о запрещении строить и ремонтировать древнерусские церкви, храм длительное время стоял в руинах.

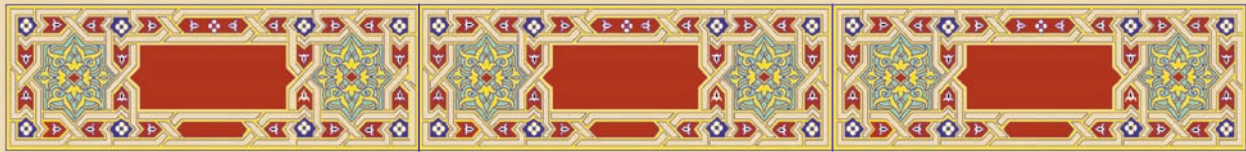
Разделяя тяжелую историческую судьбу Киева, сначала подвергнувшегося разгрому татарами, а впоследствии – польско-литовскому гнету, Вышгород терял свои святыни. К XVI в. он превратился в заброшенное городище. Однако руины храма свв. Бориса и Глеба просуществовали до начала XVII века. Ф. Манниковский в своем сочинении пишет, что в 1614 г. в Вышгороде существовала церковь, что видно из «подписи, сделанной на рукописной толкованной псалтири, хранившейся в Богуславском Николаевском монастыре». И далее: «...и при оной священником был Протопоп отец Прокофий, но когда сия церковь построена и кем, неизвестно».

В январе 1651 г. многочисленная польско-шляхетская армия под предводительством Раздивилла начала поход на Украину. В Вышгороде казаки дали бой литовскому войску и остановили его продвижение к Киеву. В это время была разорена и деревянная Борисоглебская церковь. Н. Закревский пишет: «...как не было для моста готового леса, то союзники... разобрали существовавшую в то время деревянную Вышгородскую церковь, употребили лес и самые иконы на мост».

Свидетельством тому может служить «Челобитная Царю Алексею Михайловичу Вышегородского священника Васиша (Прокофьева. – Д.Д.) о пособи ему и его семейству, пострадавшему от нападения Поляков на Вышегород 1652 г. в апреле», в которой он пишет, что «в прошлом... 159-мъ (1651. – Д.Д.) году, внезапно пришло Лядцкое войско и церковь Божию сожгли,

и меня... до конца разорили и отца... моево и брата моево священников Ивана Немца разстреляли».

Однако некоторые авторы относят разрушение вышгородской церкви к 1662 году, когда «татаре при разорении прочих окрестных Киеву мест, разорили село Вышгород и его церковь, откуда переправлялись за Днепр в Черниговский полк». У М. Берлинского читаем, что под 1686 год «...Вышгород весь состоял только из девяти дворов и одной опустелой церкви».

Руины каменного храма 1115 г. были окончательно разобраны поляками с целью построения доминиканского монастыря Св. Николая в Киеве на Подоле. Остатки строительных материалов были использованы при кладке фундаментов Андреевской церкви в Киеве (1744 г.). Для этого камень из вышгородской церкви был похищен, в связи с чем в 1749 г. проводилось дознание.

*Так выглядел Борисоглебский храм
в Вышгороде
в 30-е годы XX столетия*

* * *

Церковь в Вышгороде вновь была отстроена в конце 1660-х – начале 1680 гг. на средства киевского полковника Константина Мокиевского. В эти годы новая деревянная церковь находится в запустении: «...и ныне то место, где был город пусто, и старый вал весь развалился... В городе на старом церковном месте, где была каменная церковь, построена деревянная церковь Святых страстотерпцев Бориса и Глеба; построил ту церковь киевский мещанин тому с пять лет; пока и причетников и колоколов нет, а служба в той церкви бывает в год, только в праздник святых страстотерпцев, из Межигирского монастыря».

По-видимому, именно эта деревянная однокупольная церковь изображена на плане Киева (1695 г.), составленном И. Ушаковым. Упоминание о церкви находим также в летописи 1699 года. В 1702 г. произведен ремонт церкви. А в 1744 г. на фундаментах древнерусского храма местным священником

Василием Лукьяновичем сооружается новая деревянная трехглавая церковь, отличающаяся от предыдущих построек значительно большими размерами.

В 1824 г. «на месте обветшалой» сооружается новая деревянная колокольня. В 1837 г. проводится ремонт церкви. В 1840 – 50 гг. этот «...убогий, вековой храм» находится в крайней ветхости, а его стены поддерживаются от падения только особыми укреплениями. Планировавшиеся ремонты церкви в 1848 г. и в 1850 г. осуществлены не были.

* * *

Дальнейшая история Борисоглебской церкви связана с указами 1845 и 1852 гг. «О приведении в устройство православных церквей в казенных имениях западных губерний». Вся практическая работа возлагалась на Министерство государственных имуществ. Отличительной чертой вновь возводимой церкви в Вышгороде была принадлежность ее к новому русско-византийскому стилю, идеологом которого стал архитектор Константин Тон (1794–1881 гг.).

Современники имели основание говорить об особом «тоновском» стиле, ибо церкви и соборы К. А. Тона не просто продолжили девятивековую традицию русской архитектуры, а, повторяя лучшие родовые черты храмов предшествующих поколений, отличались некоей новизной.

Все творения К. Тона крупномасштабны. Он оперирует массивными объемами, гладкими плоскостями, простыми формами куполов. В контексте переосмысления прошлого в настоящее время наметился отказ от односторонне критической оценки творчества К. А. Тона – автора храма Христа Спасителя и Большого Кремлевского дворца. Современные исследователи справедливо отмечают, что сооружения этого зодчего по художественным достоинствам выше многих возведенных в это время зданий.

Константин Тон принадлежит к тому поколению зодчих XIX века, которые в своем творчестве по-новому обратились к искусству прошлого, создав своеобразный стиль, названный

эklekтизмом. Архитектор пытался не только вернуться к общим формам и деталям старинных построек, в особенности храмов, но и придать им большую гармоничность и соответствие новейшим потребностям и художественным принципам. Постройки зодчего отличались передовыми конструктивными решениями. При этом в сооружениях по проектам Тона в полную меру проявились характерные для стиля и времени попытки компоновки архитектурного пространства «изнутри», что позволило выразить в сооружении его внутреннее значение. В результате для весьма строгих и аскетических фасадов храмов достигается эффект, относимый современниками Тона к числу выдающихся особенностей его стиля. Интерьеры «тоновских» церквей прежде всего изумляют своим простором, и такой же эффект наблюдается в восстановленном Борисоглебском храме.

* * *

Учитывая предыдущий опыт церковного строительства, предлагалось, «строить небольшие, но приличные святыни, церковные здания... и что сообразно простому быту и понятиям прихожан, в постройках сих надлежало бы устранить всякие излишние украшения, а конструкцию оных до того упростить, чтобы как первоначальное возведение, так и последующие починки могли быть исполнены местными мастерами и самими крестьянами». В июне 1858 года, в дополнение к ранее разосланным проектам деревянных церквей, на места отправлены проекты № 8 и № 9 на постройку каменных церквей соответственно на 500 и 700 человек. В основу этих двух вариантов положен проект К. А. Тона, разработанный в 1831 году.

Всего по Киевской губернии предполагалось построить 26 и отремонтировать 79 церквей. Работы по вышгородской церкви, отмеченной в данной ведомости в числе первоочередных, планировалось начать в 1859 году. В связи с предлагаемым строительством в апреле 1860 г. разобрана деревянная церковь: «древний фундамент открыт, освидетельствован и найден к сооружению нового каменного храма прочным».

Постановка сооружения на фундаментах разрушенного в 1240 г. одного из крупнейших храмов Киевской Руси несла помимо практических целей и особую духовную функцию. В этом выражалась преемственность русского народа в духовной жизни, верность отеческим заветам, благоговение перед святынями. Не случайно и то, что архитектурный облик храма имел отдельные черты византийского стиля, что тоже делало эту связь через века непрерывной.

29 мая 1861 года после Божественной литургии и молебна святым страстотерпцам Борису и Глебу с освящением воды в древнем колод-

Так выглядел Борисоглебский храм после разрушения

це, находящимся с восточной стороны фундамента, священником Михаилом Сикачинским было положено начало строительству каменной церкви с каменной колокольней.

В июне 1861 г. под руководством инженера палаты Государственных имуществ Кропотова строительство было продолжено. В последующие 6 месяцев храм «в черне окончили и покрыли листовым железом, двери и оконные переплеты сделали». Окончательно строительные и отделочные работы были завершены в 1862 году. 17 июля 1862 г. храм был освящен Преподобным Арсением, митрополитом Киевским и Галицким, в сослужении большого собора духовенства и при большом стечении народа. Этот день, по словам Ф. Маниковского, напомнил всем о том цветущем времени Вышгорода, «когда в оный собирались князья, бояре, воеводы, духовенство и народ со всех сторон для поклонения мощам святых Бориса и Глеба». Через несколько месяцев завершается строительство при-

дела, в котором была устроена теплая церковь. Освящена она 17 декабря по чиноположению во имя св. архангела Михаила. А в 1862–1863 гг. была возведена колокольня.

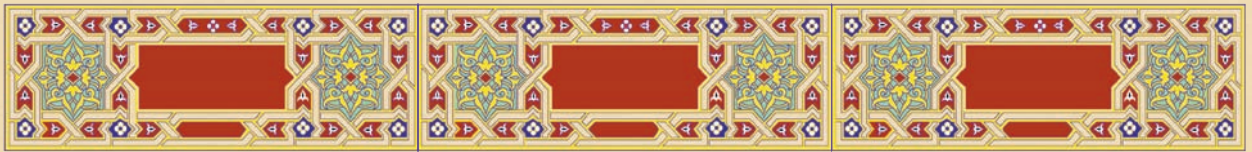
* * *

Новосозданная церковь с колокольней, как и все «тоновские» храмы, хорошо вписалась в местность. Кроме того, что она служила единственным памятником древнего величия и славы Вышгорода, церковь украшала возвышенность, на которой была построена и, благодаря тому, что вокруг еще не выросла частная застройка, была видна из Киева.

Борисоглебская церковь сооружена в русско-византийском стиле с небольшими отступлениями от так называемого проекта № 8. В целях упрощения строительства и экономии средства вместо пяти- возведена одноглавой, а вместо трех-устроена одноапсидной*. Примыкание к притвору построенной позднее колокольни осуществлено с помощью арочной перемычки. Сама церковь имеет вид равностороннего креста. Ее длина по центральному нефу составляет 34 м, ширина – 12 м, а высота от фундамента до крестов – 21 м.

Как видно, новосозданный храм занял только середину древнего фундамента и представляет собой вытянутое в направлении продольной оси кирпичное сооружение, состоящее из притвора, нефа и граненой апсиды. К притвору примыкает колокольня. Изначально в церкви было два престола. Главный – в честь святых страстотерпцев Бориса и Глеба, а боковой, в передней части храма с правой стороны, – во имя св. Архистратига Михаила. Являющийся композиционным центром неф представляет собой кубический объем с нерасчлененным внутренним пространством. Находящиеся в его восточной и западной границах мощные арки обеспечивали необходимое раскрытие интерьера в направлении продольной оси и разгружали несущий восьмерик барабана со сферическим куполом. Расположенные на гранях восьмерика окна давали много

* В христианских храмах апсида — алтарный выступ, обычно ориентированный на восток. — *Прим. ред.*

света наиболее важной центральной части храма, чему также способствовало повышение двухскатных по вертикали стен нефа в сравнении с притвором и апсидой. Это создавало световой контраст с пониженным одноярусным притвором, что также усиливало выразительное светотеневое акцентирование этой части храма.

Средняя часть церкви имеет по пять окон с южной и с северной стороны, притвор – по два окна с каждой стороны.

Алтарная часть состоит из одного яруса, с тремя продолговатыми окнами с железными решетками, одним выходящим на северо-восток и двумя – на юго-восток.

Покрытие притвора было двухскатным, нефа – четырехскатным, апсиды – пятискатным из листового железа по наклонным деревянным стропилам.

Весьма выразителен был силуэт трехъярусной колокольни, увенчанной высоким граненным с луковичной главкой шатром. Верхний ярус декорирован килевидной формы кокошником. Внутри квадратной в плане колокольни размещалась деревянная лестница. Вход осуществлялся через небольшой, пристроенный позднее, деревянный тамбур. Самый большой из пяти колоколов весил около 650 кг. Церковь с колокольней имела четыре двери: две северные, одна

из которых алтарная, южную с пятью ступенями к ней и западную. Наружные стены не были оштукатурены.

Суровая лапидарная компоновка фасадов подчеркивала предметственную связь с традиционным обликом древнерусских храмов. Отражая характерную для православного зодчества гармонию с пространством интерьеров, она призвана уравновесить пропорции и масштабы всех архитектурных элементов композиции. Упрощенный, геометрического рисунка декор выделен на колокольне и в объеме нефа. Пирамидальная композиция колокольни подчеркнута рисунком междуярусных филенчатых фриз. Весьма выразителен ритм аркадного верхнего яруса, вносящий в композицию заметный вертикальный акцент. Декор нефа разнообразится членением высокими, зауженными пропорциями лопатками. Окна первого яруса заметно больших размеров, что визуально облегчает восприятие пропорций сооружения и подчеркивает его устремленность вверх. Оконные проемы лучковой формы обрамлены прямоугольными наличниками. Частое использование дерева как менее дорогостоящего материала и отсутствие штукатурки говорит о нехватке средств на строительство храма.

* * *

После завершения строительства в Вышгород передан иконостас из Киево-Подольской Покровской церкви. Его установка осуществлена в 1862 году, а в 1884 г. он был вновь позолочен. Иконостас был прямой, трехъярусный, с позолоченными колоннами и золоченой резьбой старых форм и с общепринятым для православных храмов расположением икон старинной живописи.

Из икон, находящихся в иконостасе, выделялась расположенная с правой стороны храмовая икона свв. Бориса и Глеба в серебряной ризе чеканной работы, с серебряными позолоченными венцами. Риза и венцы весили 5 кг. На краю ризы была надпись: «1808 года сделана сия шата доброхотным делателем, за священника сего Вышгородского Борисоглебского храма отца Иоанна Вильковского, мещанином Иваном Атаназевич, а очищена сия риза и венцы вызолочены усердием киевского гражданина Семена Балабухи и жены его Анны 1838 г. июня 22 дня». На левой стороне иконостаса находился древний образ Божией Матери греческой живописи с венцом из позолоченной меди на главе.

Эта копия с чудотворного образа Киево-Братской иконы Божией Матери, которая тогда находилась в Киево-Братском монастыре (об этом свидетельствовала надпись на иконе), была выполнена на липовой доске высотой 1,3 м, шириной 85 см. До монголо-татарского нашествия икона пребывала в Борисоглебской церкви. Наверху, в третьем ряду иконостаса находилось распятие Спасителя на 2,5 м кресте с предстоящими Божией Матерью и св. Иоанном Богословом.

Кроме этих святынь, как пишет Федор Маниковский, достойны внимания следующие: на правой стороне солеи около стены находилась сделанная под мрамор гробница с изображением на ней свв. страстотерпцев Бориса и Глеба; икона трех святых: св. благоверного князя Александра Невского, св. Архистратига Михаила и св. апостола Андрея Первозван-

ного; а также икона свв. жен мироносиц один метр высотой и 70 см шириной, тоже «устроенная в 1870 году усердием священника Ф. Маниковского и прихожанок Вышгородской Борисоглебской церкви». Об этом говорила надпись на иконе.

Главную же святыню храма составляла икона Спасителя, находившаяся в киоте в иконостасе возле храмовой иконы святых Бориса и Глеба. На лице была заметна рана, нанесенная татарским копьем в 1666 году. Предание говорит, что из нее источилась кровь. Поэтому казалось, что она сделана на живом теле и покрыта запекшейся кровью. Эта древняя икона греческого письма была выполнена на липовой доске высотой 1,3 м и шириной 85 см. Она одета в серебряную ризу, пожертвованную в 1845 г. некоей благочестивой женщиной, скрывшей свое имя. Кроме ризы, на главе Спасителя была корона из позолоченного серебра, пожертвованная в 1818 г. священником Киево-Притиско-Николаевской церкви Иаковом Мащевским. Ко всем приходящим к этому образу с верой посылалась

*Борисоглебский храм
восстанавливался
трудами всей
православной общины
Вышгорода*

Всемиловитым Спасом помощь. Об этом свидетельствовало множество серебряных подвесок на иконе, оставленных исцелившимися.

Об истории обретения этой иконы рассказывает предание. После ухода татарских полчищ в Вышгород для поклонения святым страстотерпцам Борису и Глебу приехала богатая благочестивая женщина. На следующее после ее приезда утро один из слуг паломницы, увлекаемый неизъяснимой силой, откопал в конюшне под кучей мусора икону, на которой не видно было лика. Когда ее обмыли, открылось изображение Спасителя с упомянутой кровавой раной... Тогда же икона была поставлена в церкви.

«По благословению... Высокопреосвященнейшего Филарета, Митрополита Киевского и Галицкого в 1857 году с иконы Спасителя снято две копии» – одна для Киево-Печерской Лавры, вторая – для одной из кладбищенских церквей Тамбовской губернии.

В вышгородской церкви находился также древний список с Владимирской (Вышгородской) иконы Богоматери, увезенной в 1155 году.

* * *

При входе в притвор с правой стороны в простенке находилась икона Сретения Господня (под нею покоился прах протоиерея Михаила Сикачинского – 8.02.1866), в левом простенке – изображение св. Бориса в человеческий рост на холсте в деревянной раме. Вверху на потолке тоже на холсте в деревянной раме помещалось изображение Бога Отца.

Передняя часть храма отделена от средней дугообразной каменной аркой с двумя столпообразными простенками и составляет как бы самостоятельное помещение. В зимнее время эта часть храма служила теплой церковью. Для этого она отгораживалась от середины храма стеклянной

перегородкой, а с левой стороны при входе была устроена печка. В 1880 г. при настоятеле церкви священнике Петре Колтоновском эта часть храма была окрашена внутри масляной краской, а также был обновлен иконостас.

В правом простенке были устроены престол во имя св. Архистратига Михаила и небольшой квадратный алтарь. В левом простенке в большом киоте помещалась икона Божией Матери. На иконах, находящихся в этой части храма, не было никаких надписей.

В дугообразном куполе средней части храма находилось изображение на полотне новозаветной Святой Троицы. Еще выше внутри окон фонаря с восточной стороны находились большие изображения равноапостольных князей Владимира и Ольги, а с западной – святых Бориса и Глеба. В нижней части купола на четырех углах помещались писанные маслом изображения четырех Евангелистов. Стены этой части храма тоже

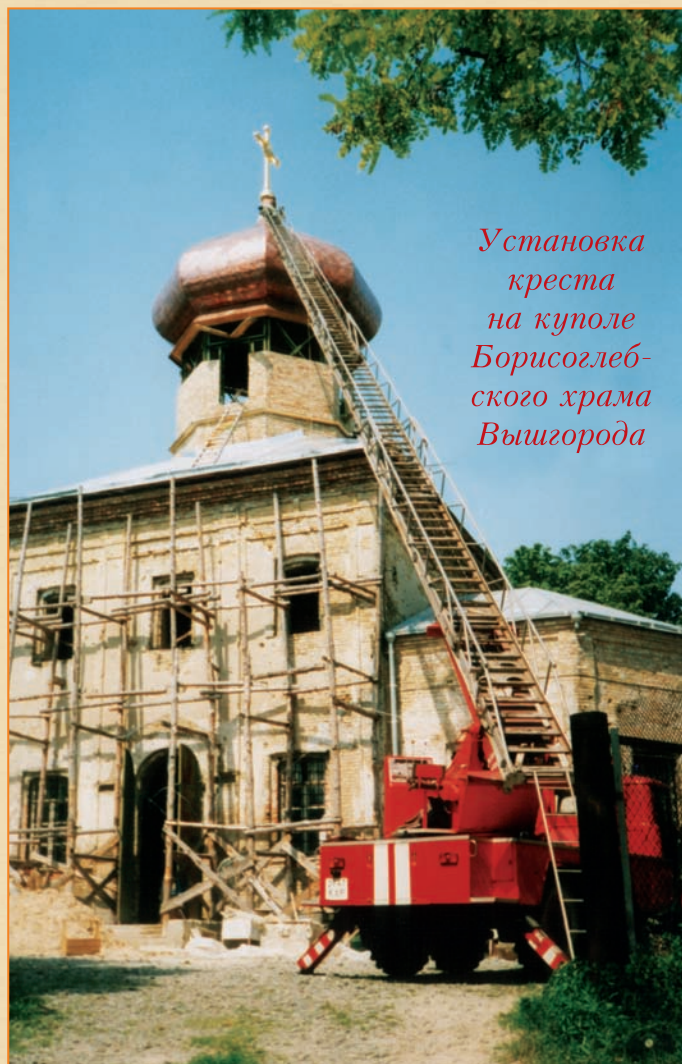
*Протоиерей
Димитрий
Денисенко
у главного
креста
храма*

По бокам на деревянных простенках были подвижно прикреплены иконы с изображением четырех пророков на северной стороне престола и четырех апостолов на южной. На горнем месте в алтаре в большом киоте находилась икона Господа Вседержителя с предстоящими Божией Матерью и Иоанном Предтечей в серебряных венцах. Под кио-

были покрыты масляной краской светло-голубого цвета без каких-либо росписей.

О существовании вышеперечисленных икон известно из описаний 1863 и 1889 годов, остальные же признаны «не замечательными по древности и живописи и богатым украшениям...»

В алтаре, отделенном от средней части храма дугообразной стеной, находился деревянный престол на особом основании.

*Установка
креста
на куполе
Борисоглеб-
ского храма
Вышгорода*

том помещались дугообразно устроенные ящики для хранения церковной утвари. Подвижно устроенный жертвенник представлял собой стол у северного окна.

* * *

Из древней утвари в церкви находилось рукописное Евангелие в один лист с гравированными образами. Его красный бархатный переплет был отделан серебром. В 1699 году Евангелие было переписано дьяком Свято-Воскресенской церкви г. Остра Самуилом Максимовичем Жуком и подарено вышгородской церкви киевским полковником Константином Мокиевским.

Среди утвари был и посеребренный кипарисовый крест на серебряном подножии с надписью: «сей крест соорудил киевский житель Константин Кириллов Кишинский, в церковь свв. страстотерпцев Бориса и Глеба Вышгородскую, иануария 15 дня 1764 года». Также в церкви был еще один кипарисовый крест, украшенный узкой серебряной каймой, пожертвованный 24 июля 1870 года Андреем Николаевичем Муравьевым.

В церкви находились и богослужебные сосуды. Среди них – серебряная чаша, покрытая внутри и снаружи золотом 84-й пробы с гравированными образами и украшенная серебряной позолоченной сеткой. К чаше прилагались дискос, звезда и лжица также из позолоченного серебра. На основании чаши выбито: «1807 года генваря 25 данная».

Тут же можно было увидеть копьё с серебряной рукояткой, которую венчала надпись: «Сие копьё сделано коштом и старанием монаха Самуила ко храму Бориса и Глеба в Вышгороде 1786 года». Из дароносиц по размеру и ценности замечательна была одна серебряная, покрытая золотом 84-й пробы, с чашицей и лжицей, сосудцем для вина и ковчежцем для св. даров, пожертвованная в 1854 году московской купчихой Александрой Васильевной Андриановой.

К описываемому периоду в церкви не было ни дорогих облачений, ни плащаниц, ни подсвечников. При церкви находился

полный круг печатных богослужебных книг. Однако среди них не было рукописных, изданных до 1700 года, а также старинных проповедей и церковных нот. В церковном синодике нет других достойных внимания записей, кроме нескольких сотен о здравии и о упокоении, а также об исцелении св. водой из колодца святых страстотерпцев Бориса и Глеба помещицы из Полтавской губернии Марии Горленковой, засвидетельствованной ее подписью. Не было в церкви и древних приходорасходных и метрических книг, рукописей, исповедных росписей и грамот, написанных до 1800 года.

В одном комплексе с Борисоглебским храмом необходимо рассматривать «состоящий издревле при церкви ... в расстоянии одного аршина» освященный колодец, имевший к 1809 г. «в окружности ширины четыре, а глубины двенадцать аршин». Ф. Маниковский пишет, что по местному преданию здесь «сокрыты святые мощи мучеников». В связи с этим «для убеждения

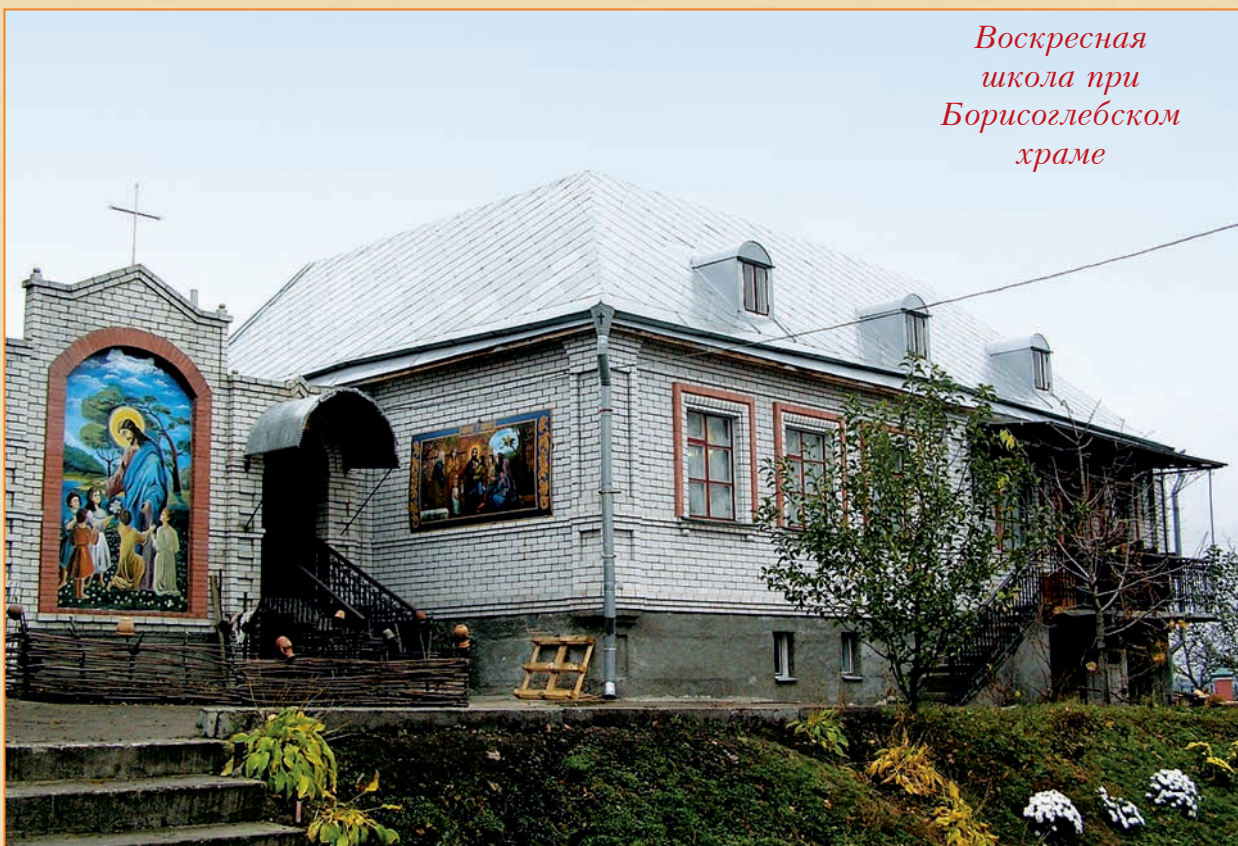

однажды вычерпали всю воду в колодце, но ничего найдено не было».

П. Свиныин подает эти сведения в другой форме: «...Однажды заметили, когда колодезь был вычерпан, что дно его кирпичное и выпуклое, а при открытии госпожою Турчаниною церковного фундамента замечено было, что в эту сторону простирается каменный свод, который боялись тронуть, дабы не разрушить церкви». Эти данные до сего времени не подверглись проверке.

Над колодцем существовал металлический навес, осененный крестом. Здесь часто совершалось освящение воды. Поэтому вода из колодца использовалась как священное врачевство, а люди часто брали ее с собой в память о поклонении вышго-

*Воскресная
школа при
Борисоглебском
храме*

родской святыне. Последняя чистка и ремонт колодца проводились в 1962 году. По словам одного из участников этих работ, колодец был глубиной до 20 м, воды в нем менее 0,5 м. Тогда же для укрепления стен были установлены железобетонные кольца, и колодец более 10 лет использовался в качестве резервуара. После проведения водопровода колодец постепенно осыпался. В начале 1980-х годов его глубина составляла всего 3 метра, а к настоящему времени он полностью засыпан.

* * *

Церковь была обнесена деревянной оградой, которую обновили в 1880 году. Затем в период 1904–1913 гг. она заменена изготовленной, вероятно, по типовому проекту металлической оградой на квадратных в плане каменных столбах. Сохранившиеся фотографии позволяют судить об их оригинальном, в формах христианской символики, декоре.

В годы Великой Отечественной войны ограда подверглась частичному разрушению. А в пресловутые 60-е кирпичные стол-

бы, основание ограды и металлическая решетка были разобраны на хозяйственные нужды, а также для ограждения могил.

* * *

К 1889 г. приход вышгородской церкви состоял в пятом классе, что позволяло иметь в штате священника, диакона, пономаря и просфорню. На содержание причта выделялось из казны следующее жалованье: священнику 276 руб. 20 коп, диакону – 50 руб., пономарю – 38 руб., просфорне – 16 руб. Кроме этого причт имел в своем владении 4 десятины усадебной, 24 десятины пахотной и 50 десятин сенокосной земли. При церкви состояло три дома: один для священника, другой для причетников и третий – для церковноприходской школы.

От того времени нас отделяет более ста лет, но нам понятны и близки проблемы, связанные с обновлением храма и его повседневной жизнью. Ведь в XX веке, как и в предыдущие эпохи, в судьбе храма, как архитектурного феномена, так и центра духовной жизни народа, отразились все тяготы исторических перемен.

* * *

После Октябрьского переворота 1917 г. в Борисоглебской церкви продолжались богослужения. По свидетельству старожилов церковь была закрыта в 1929 году. В это же время с ку-

За общей трапезой собрались не только взрослые, но и дети, принимающие участие в восстановлении храма

полов были сняты кресты, а в храме сорван пол. В 1941 г. церковь вновь открыли, освятили престол, сделали иконостас, постелили пол. После ремонта первый раз служили на праздник Введения в храм Пресвятой Богородицы. По воспоминаниям жившего в храме в те годы И. С. Марчука, литургию совершал о. Тихон. Последняя литургия перед очередным закрытием храма в 1943 г. была отслужена в день Воздвижения Креста Господня.

В 1943 году, в ходе освободительных боев, Борисоглебский храм подвергся авианалету (некоторые старожилы утверждают – артобстрелу), в результате чего были разрушены перекрытия, кровля, венчающая глава, шатер и частично верхний ярус колокольни. Сгорели все деревянные элементы строения и погибло декоративное убранство интерьеров. До некоторой степени сохранился лишь штукатурный слой фасада с элементами декора. Также были полностью уничтожены находившиеся в непосредственной близости от церкви хозяйственные постройки, дом священника и школа.

В 1945 году слева от храма построили небольшую часовню. Первую после разгрома литургию собирались отслужить 6 августа, в день памяти св. князя-страстотерпца Бориса. Для этого люди шли из Киева (с Подола) крестным ходом с иконой святых Бориса и Глеба во главе со священником (о. Михаилом или о. Николаем, возможно из Покровской церкви на Приорке).

Позднее часовенку перенесли на вышгородское кладбище.

Изредка в ней служили приезжие священники. После того, как сторож храма Иван Добраш тоже перешел в часовню на кладбище, церковную постройку начали грабительски разбирать: растаскивались кирпичи, была разобрана и снята церковная ограда.

В 1987 году, после более чем 40-летнего запустения, в храме разрешили совершать богослужение. А в 1990 г. он был отдан РПЦ.

С мая 1993 года начинается интенсивная работа по восстановлению вышгородской святыни. С Божией помощью, по молитвам святых Бориса и Глеба, благодаря стараниям клира, прихожан и жертвователей внешняя и внутренняя стороны жизни храма преображаются. В течение года были застеклены все оконные проемы и установлены решетки, покрыта крыша в средней части храма над временным алтарем. Поэтому богослужение совершалось только в средней части храма, которая вмещала около 200 человек молящихся.

Во дни же престольных праздников, при большом стечении народа, службы совершались на церковном дворе перед ико-

*Отец Димитрий совершает молебен
на братской могиле
павших воинов
в Вышгороде*

ной святых Бориса и Глеба. Надо отметить, что в последние 5 лет вышгородцы потянулись к своей церкви, к тому же из Киева на храмовые вышгородские праздники приезжало немало паломников почтить древнерусскую святыню. Поэтому в эти годы возникла настоя-

тельная необходимость расширения площади внутри храма, к чему Господь постепенно и приблизил вышгородцев.

В 1994 г. был послан пол в средней действующей части храма и в притворе, установлены дубовые входные двери (западные, южные, северные и двери со стороны алтаря) и перед ними разбиты и залиты бетоном крыльца. Тогда же были отреставрированы и покрыты штукатуркой стены колокольни и притвора, в котором разместилась иконная лавка.

Купол на колокольне установлен 23 сентября 1996 года, а первый благовест прозвучал в том же году на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Второй купол с крестом над средней частью храма был установлен 22 июня 1998 года. И, наконец, 6 августа 1998 года стена, разделявшая храм, была убрана, алтарь перенесен на свое место, изготовлен иконостас (проект О. А. Кругляк), постелен пол, оштукатурены стены, после чего храм мог вместить уже 500 прихожан.

При вышгородской церкви Святых Бориса и Глеба с 1992 г. существует воскресная школа для детей. Это сплочение вокруг храма способствует православному воспитанию и закреплению в вере как самих воспитанников школы, так и их родителей. С каждым годом число посещающих воскресную шко-

лу растет, уже образовался актив из старших детей, которые помогают взрослым в работе с малышами. С целью создания условий для работы с детьми было решено с северной стороны храма построить здание воскресной школы. В настоящее время постройка закончена, остались только отделочные работы. В связи с планами по дальнейшему благоустройству территории церковной усадьбы актуален вышеупомянутый дипломный проект О. А. Кругляк.

Автор ознакомилась с историей проектирования православных архитектурных ансамблей и монастырских комплексов и в итоге предложила создать новый центральный вход в комплекс с западной стороны, и на одной оси с ним расположить сам храм Святых страстотерпцев Бориса и Глеба, колодезь и главную аллею парка, увенчанную небольшим амфитеатром с видом на Киев. Эта главная ось пересекается с перпендикулярными к ней осями, которые образуют вал XI века, вход в усадьбу с двумя башнями святых страстотерпцев Бориса и Глеба и часовней, а также условная линия «издательство – школа».

Доминантой комплекса остается действующая церковь XIX века, а все другие сооружения с ней стилистически сочетаются, образуя единый ансамбль. Только храм при школе является своеобразной ретроспективой, напоминая времена былой славы Вышгорода.

Доминантой комплекса остается действующая церковь XIX века, а все другие сооружения с ней стилистически сочетаются, образуя единый ансамбль. Только храм при школе является своеобразной ретроспективой, напоминая времена былой славы Вышгорода.

* * *

Сейчас как никогда остро стоит проблема стихийного строительства на Ольжиной горе. Эта беспорядочная застройка уродует знаменитые панорамные виды. Восточные склоны заняты огородами и временными хибарками, что исключает возможность подхода к местам, откуда открывается величественная панорама Киева. Автор проекта предложила разбить на этом месте городской парк, который бы не мешал обозрению комплекса с востока. Видовая аллея, проходящая вдоль крутых откосов, свяжет храм Святых Бориса и Глеба с Замковищем (предполагаемым местом расположения замка св. княгини Ольги), где будет возведена памятная часовня.

Возможно, какая-то часть этого проекта будет воплощена в жизнь, но что-то, по всей видимости, пока останется в мечтах. Об этом можно сожалеть, однако нельзя не возрадоваться стремлению современников возродить национальную святыню, открыть к ней дорогу для многих поколений православных.

* * *

Недалеко от Вышгорода, близ села Новые Петровцы, находится Межигорье, с которым связана история стародавнего монастыря и первой в Украине фаянсовой фабрики.

Обитель основали в 988 году греческие инок, которые прибыли с князем Владимиром из Херсонеса (Корсун), где он принял крещение. Греческое духовенство возглавлял святитель Михаил – первый митрополит Киевский (992 г.).

Церковь в честь Преображения Господня, или, по народному, Спаса, которую построили инок, стояла близ Вышгорода на горе Спащина (название это сохранилось до сих пор). В 1160 году князь Андрей Боголюбский, который владел Вышгородом, построил для обители каменный храм, названный Белым Спасом. Храм простоял недолго и был разрушен войском Батыя в 1240 году. Разорению подвергся и монастырь, а инок разбрелись кто куда. Часть из них под-

*Межигорье.
Возле часовни
вблизи
чудотворного
источника*

визалась в пещерах близ Вышгорода, а иные построили небольшую деревянную церковь в честь святителя Николая в лесной ложбине, окруженной со всех сторон горами и незаметной глазу. Лишь со стороны Днепра можно было увидеть это укромное место, откуда в великую реку стекали звонкие целительные ручьи. Именно здесь возродился Преображенский монастырь, или Межигорский Спас, как его прозвали в народе.

В 1520 году Запорожская Сечь озаботилась обеспечением старости для своих немощных и пострадавших в боях ветеранов. Тех из них, кто желал принять монашеский постриг (а таких было немало), отправляли во вновь обустроенный Спасов монастырь в живительных окрестностях Вышгорода.

В XVII веке казаки выхлопотали своей обители церковную автономию, и монастырю суждено было стать одним из центров борьбы с Брестской унией и греко-католичеством.

Особым покровительством монастырь пользовался у гетмана Богдана Хмельницкого, который даровал во владения обители окружающие села. Благодаря этому, а также тому, что многие казаки, поступающие в монастырь, жертвовали ему свои сбережения, он приобрел такое великолепие, что уступал лишь Киево-Печерской Лавре.

Межигорье издавна славилось своей глиной. 5 июля 1798 года при монастыре была основана первая в Украине фаянсовая фабрика, продукция которой вскоре стала цениться не только на родине, но и за ее пределами. Фаянс поступал в императорские и королевские дворцы России и Британии, в национальном музее которой и поныне есть специальный зал с экспозицией «Межигорский фаянс».

Несмотря на это, в 1874 году, по неясной для нас причине, фабрика была закрыта, а монастырь преобразован в женский, которым он и просуществовал до 1917 года.

В 1934 году, когда столицу Украины перенесли из Харькова в Киев, в живописных и оздоровляющих окрестностях Вышгорода решили построить правительственные дачи. Это привело к тому, что монастырский комплекс был уничтожен, а большинство его памятных и святых мест недоступны до сего дня.

Приход в честь святых мучеников Бориса и Глеба чтит память святой обители и ее под-

вижников. Каждый год, на Преображение, после праздничной литургии, прихожане с духовенством едут к месту, где располагался монастырь, и служат молебен, а затем совершают совместную трапезу. Верующие молятся о том, чтобы государство вернуло Церкви то, что ей принадлежит, и просят Господа о возрождении славной обители, которой посвятил свои строки выдающийся украинский поэт Тарас Шевченко:

Іде чернець у Вишгород на Київ дивитись,
Та посидіть на пригорі, та хоч пожуритись.
Іде чернець дзвонкову у яр воду пити
Та згадує, як то тяжко було жити в світі...

Святополк сел в Кieve по смерти отца своего, и созвал киевлян, и стал давать им дары. Они же брали, но сердце их не лежало к нему, потому что братья их были с Борисом. Когда Борис уже возвратился с войском назад, не найдя печенегов, пришла к нему весть: Отец у тебя умер. И плакался по отце горько, потому что

любим был отцом больше всех, и остановился, дойдя до Альты. Сказала же ему дружина отцовская: Вот у тебя отцовская дружина и войско. Пойди, сядь в Кieve на отцовском столе. Он же отвечал: Не подниму руки на брата своего старшего: если и отец у меня умер, то пусть этот будет мне вместо отца. Услышав это, воины разошлись от него. Борис же остался стоять с одними своими отроками.

Между тем Святополк, исполнившись беззакония, воспринял мысль Каннову и послал сказать Борису: Хочу с тобою любовь иметь и придам тебе еще к полученному от отца владению, но сам обманывал его, чтобы как-нибудь его погубить. Святополк пришел ночью в Вышгород, тайно призвал Путшу и вышгородских мужей боярских и сказал им: Преданы ли вы мне всем сердцем? Отвечали же Путша с вышгородцами: Согласны головы свои сложить за тебя. Тогда он сказал им: Не говоря никому, ступайте и убейте брата моего Бориса. Те же обещали ему немедленно исполнить это.

О таких сказал Соломон: Спешат они на несправедное пролитие крови. Ибо принимают они участие в пролитии крови и навлекают на себя несчастья. Таковы пути всех, совершающих беззаконие, ибо нечестием изымают свою душу. Посланные же пришли на Альту ночью, и когда подступили ближе, то услышали, что Борис поет заутреню, так как пришла ему уже весть, что собираются погубить его. И, встав, начал он петь: Господи! За что умножились враги мои! Многие восстают на меня; и еще: Ибо стрелы твои вонзились в меня; ибо я готов к бедам, и скорбь моя предо мною; и еще говорил он: Господи! Услышь молитву мою и не входи в суд с рабом твоим, потому что не оправдается пред тобой никто из живущих, так как пре-

следует враг души мою. И, окончив шестопсалмие и увидев, что пришли посланные увить его, начал петь псалмы: Обступили меня тельцы тучные... Скопище злых обступило меня; Господи, боже мой, на тебя уповаю, спаси меня и от всех гонителей моих избавь меня. Затем начал он петь канон. А затем, кончив заутреню, помолился и сказал так, смотря на икону, на образ Владыки: Господи Иисусе Христе! Как ты в этом образе явился на землю ради нашего спасения, собственною волею дав пригвоздить руки свои на кресте, и принял страдание за наши грехи, так и меня сподобь принять страдание. Я же не от врагов принимаю это страдание, но от своего же брата, и не вмени ему, Господи, это в грех. И, помолившись Богу, возлег на постель свою. И вот напали на него, как звери дикие, обступив шатер, и проткнули его копьями, и пронзили Бориса и слугу его, прикрывшего его своим телом, пронзили.

Был же он любим Борисом. Был отрок этот родом венгр, по имени Георгий; Борис его сильно любил, и возложил он на него гривну золотую большую, в которой он и служил ему. Убили они и многих других отроков Бориса. С Георгия же с этого не могли они быстро снять гривну с шеи, и отсекали голову его, и только тогда сняли гривну, а голову отворосили прочь; поэтому-то впоследствии и не обрели тела его среди трупов.

Убив же Бориса, окаянные завернули его в шатер, положив на телегу, повезли, еще дышавшего. Святополк же окаянный, узнав, что Борис еще дышит, послал двух варягов прикончить его. Когда те пришли и увидели, что он еще жив, то один из них извлек меч и пронзил его в сердце. И так скончался блаженный Борис, приняв с другими праведниками венец вечной жизни от Христа Бога, сравнившись с пророками и апостолами, пребывая с сонмом мучеников, почивая на лоне Авраама, видя неизреченную радость, распевая с ангелами и в веселии пребывая со всеми святыми. И положили тело его в церкви Василия, тайно принеся его в Вышгород.

Окаянные же те убийцы пришли к Святополку, точно хвалу заслужившие, беззаконники. Вот имена этих законпреступников: Путша, Талец, Еловит, Ляшко, а отец им всем сатана. Ибо такие слуги подобны бесам: бесы ведь посылаются на злое, ангелы же посылаются для добрых дел. Ангелы ведь не творят человеку зла, но добра ему жедают постоянно, особенно же помогают христианам и защищают их от супостата-дьявола; а бесы побуждают человека на зло, завидуя ему; и так как видят, что человек от Бога в чести, а потому и завидуют и скоры на совершение зла. Злой человек, усердствуя злomu делу, хуже беса, ибо бесы Бога боятся, а злой человек ни Бога не боится, ни людей не стыдится; бесы ведь и креста Господня боятся, а человек злой и креста не боится.

* * *

Святополк же окаянный стал думать: Вот убил я Бориса; как бы убить Глеба? И, замыслив Каиново дело, послал, обманывая, гонца к Глебу, говоря так: Приезжай сюда поскорее, отец тебя зовет: сильно он болен. Глеб тотчас же сел на коня и отправился с малою дружиною, потому что был послушлив отцу. И когда пришел он на Волгу, то в поле споткнулся конь его на рытвине, и повредил Глеб себе немало ногу. И пришел в Смоленск, и отошел от Смоленска недалеко, и стал на Смядыне в насаде. В это же время пришла от Предславы весть к Ярославу о смерти отца, и послал Ярослав сказать Глебу: Не ходи: отец у тебя умер, а брат твой убит Святополком. Услышав это, Глеб громко возопил со слезами, плачась по отце, но еще больше по брате, и стал молиться со слезами, говоря так: Увы мне, Господи! Лучше было бы мне умереть с братом, нежели жить на свете этом. Если бы видел я, брат мой, лицо твое ан-

гельское, то умер бы с тобою: ныне же зачем остался я один? Где речи твои, что говорил ты мне, брат мой любимый? Ныне уже не услышу тихого твоего наставления. Если доходят молитвы твои к Богу, то помолись обо мне, чтобы и я принял ту же мученическую кончину. Лучше бы было мне умереть с тобою, чем жить на этом полном лжи свете.

И когда он так молился со слезами, внезапно пришли посланные Святополком погубить Глеба. И тут вдруг захватили посланные корабль Глебов, и обнажили оружие. Отроки же Глебовы пали духом. Окаянный же Горясер, один из посланных, велел тотчас же зарезать Глеба. Повар же Глеба, именем Торчин, вынув нож, зарезал Глеба, как безвинного ягненка. Так был принесен он в жертву Богу, вместо благоуханного фимиама жертва разумная, и принял венец царствия Божия, войдя в небесные обители, и увидел там желанного брата своего, и радовался с ним неизреченною радостью, которой удостоились они за свое братолюбие. Как хорошо и как прекрасно жить братьям вместе!. Окаянные же возвратились назад, как сказал Давид: Да возвратятся грешники в ад. Когда же они пришли, сказали Святополку: Сделали приказанное тобою. Он же, услышав это, возгордился еще больше, не ведая, что Давид сказал: Что хвалишься злодейством, сильный? Весь день беззаконие... умышляет язык твой.

* * *

Итак, Глеб был убит, и был он брошен на берегу между двумя колодами, затем же, взяв его, увезли и положили его рядом с братом его Борисом в церкви святого Василия.

И соединились они телами, а сверх того и душами, пребывая у Владыки, Царя всех, в радости бесконечной, в свете неизреченном и подавая дары исцеления Русской земле и всех приходящих с верою из иных стран исцеляя: хромым давая ходить, слепым давая прозрение, болящим выздоровление, закованным освобождение, темницам отвержение, печальным утешение, гонимым избавление. Заступники они за Русскую землю, светильники сияющие и вечно молящиеся Владыке о своих людях.

«Повесть временных лет» — так называется в исторической науке древнейший из дошедших до нас летописных сводов, озаглавленный следующими словами: «Се повести временных лет, откуда есть пошла русская земля, кто в Киеве первое начал княжить и откуда русская земля стала есть». Этот свод называют также Несторовой летописью, временником Нестора, первоначальною летописью, Сильвестровским сводом; но термин «Повесть временных лет» заслуживает предпочтения по своей точности и объективности. Рассказав о разделении земли между сыновьями Ноя, перечислив русские племена и их ближайших соседей, описав их нравы и обычаи, сказав несколько слов о первоначальной истории Киева, «Повесть временных лет» начинает погодный рассказ о русских событиях в связи с греческою и болгарскою историей. Точно сказать, где оканчивался свод, в настоящее время трудно, так как «Повесть временных лет» не дошла до нас в своем первоначальном виде, а известна как первая часть целого ряда летописных сводов, где она соединяется с последующим рассказом киевских, суздальских и новгородских летописцев.

Фрагмент статьи
А. А. Шахматова
из «Энциклопедического
словаря Брокгауза
и Ефрона»
(изд. 1890–1907)

ГИМН СВЯТЫМ

Акафист (*позднегреч. Akathistos – неседальный, от а – отрицательная приставка и греч. kathizo – сажусь*) – гимн, при слушании которого нельзя сидеть. Этим словом наши богослужебные книги называют хвалебно-догматический жанр церковных песнопений, посвященных Иисусу Христу, Божией Матери и святым. Образцом для всех акафистов послужил древнейший из них – акафист Богородице, написанный в VI или в VII веках в память неоднократного избавления Константинополя от врагов защитой Божией Матери.

Акафисты состоят из 25 песнопений, в которых последовательно чередуются кондаки и икосы (церковные песни, в которых в сжатом виде выражается жизнь святого или история священного события). Каждый кондак (кроме первого) завершается возгласом «Аллилуйя», а все икосы – возгласом «Радуйся».

Перед акафистами читаются либо предначинательные молитвы от «Царю Небесный...» до «Отче наш...», либо еще и канон святому, после шестой песни которого начинают петь или читать молебный гимн.

Часто задают вопрос: «Можно ли читать акафисты по личному душевному желанию, или их читают по благословению и в определенные дни?» Отвечаем: читать акафисты можно ежедневно, вслух или про себя, но лучше это делать с утра, когда ум не отягощен делами житейскими.

Старайтесь молиться с утра до обеда, пока тело не отягощено пищей. Тогда есть возможность прочувствовать каждое слово из акафистов и канонов, особенно если читать их вслух. Почему? Потому, что так слова лучше входят в душу и лучше запоминаются.

Во время чтения акафиста душа питается благодатью, она испытывает блаженство и покой, а человек спасается. Но так происходит, когда вы вникаете в слова, которые произносите, иначе их не поймет ваша душа. Апостол Павел говорит: «Лучше пять слов сказать умом моим, чтоб и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке» (1 Кор. 14, 19). Это означает, что лучше пять слов молитвы войдут в душу, нежели тьма слов растает в воздухе!

Акафист – молебное пение, от которого исходит особая благодать. С молитвою мы обращаемся к образам святых Бориса и Глеба, когда нас одолевают жизненные неурядицы, ссоры в семье или в кругу знакомых, или на работе, где порой приходится претерпевать нападки и притеснения.

Поэтому к образам Бориса и Глеба с акафистным чтением обращаются все благочестивые христиане и особенно те, кто носит эти святые имена.

**Протоиерей
Димитрий Денисенко**

АКАФИСТ
СВЯТЫМ И БЛАГОВЕРНЫМ КНЯЗЬЯМ
и страстотерпцам
Борисѹ и Глебѹ

КОНДАК 1

Избраннии и всехвальнии страстотерпцы Христовы Борисе и Глебе, благословеннии чада просветителя нашего равноапостольнаго Владимира, от идольскаго нечестия в чудный свет веры Христовы пришедши и кровь проливши за веру во Христа Бога нашего, похвальная пеня вам приносяще, мы, недостойнии, во гресех и скорбех наших прибегаем к вашему заступлению, вы же, яко дерзновение имуще ко Господу, молитесь Ему, Всеблагаго Царя Славы, даровати милость почитающим святую вашу память и во умилении сердца поющих вам: Радуйтеся, Борисе и Глебе, великии и славнии страстотерпцы.

ИКОС 1

Ангельски поживше на земли, венец мученический улучили есте, святая братия по плоти Борисе и Глебе, все во упование свое возложивши на Господа, от руки братней, яко овчата незловивая, заклани бывше, всех себе, своя души и юная телеса Господу предали есте; сего ради, ублажая всечестную вашу память, от всея души нашея воспеваем вам: Радуйтеся, незловивии агнцы, Господу, яко овча на за-

коленне веденному, подражавши; радуйтеся, кротци голубне, заповедь Христову в кротости сохраниши. Радуйтеся, от руки брата по плоти смерть без ропота приявши; радуйтеся, Авелю ветхозаветному, рукою брата убиенному, уподобившись. Радуйтеся, венцем небесныя славы увенчанныи; радуйтеся, онаго венца небеснаго мученьми достигши. Радуйтеся, Борисе и Глебе, великии и славнии страстотерпцы.

КОНДАК 2

Весть о кончине отца своего великаго Владимира слышавши, святой князь Борис много плакашеся, глаголя: «Увы мне, отче мой, свете очию моею, сияние и заре лица моего, улы мне, како зашел еси, свете мой, не бывшу мне при твоём скончании, да сам честное твое погребл тело, почто не сподобился лобызати честная седины твоя, отче мой». Таковым рыданием много тужаше на бреже реки Альты, идеже стояше с воинством; во время же сие Святополк, Киню подобный, брат сый, умышляше: «Погублю братию мою всю и единовластвовать буду». Собра же убийцы, повеле им убити тебе, святой Борисе; ты же сего лукаваго брата своего почитал еси, воздавая честь ему, яко старейшему, и смерть от него прияв, Богу за вся воспевал еси: Аллилуиа.

ИКОС 2

Разум Божественный испроси нам, святыи Борисе, еже подражати, якоже и ты, Господу рекшему: «Не убойтеся убивающих тело, души же не могущих убити», и в саду Гефсиманском волею в руке мучителей вдавшемся; ты бо, всеблаженне страсто-терпче, не сопротив стал еси врагу, сущу брату твоему, и по услышании, яко хочет тя убити, стояшу бо ти на Альте реце рекоша киевский бояре: «Гряди в Киев и сяди на престоле отчем, се бо и вои отчии с тобою суть», ты же рекл еси им: «На старейшаго брата не иду, его же яко отца имам». Слышавше убо сия, разыдошася вси, точию ближняя слуги оставшася с тобою, с ними же и шел еси ко брату твоему Святополку еже поклонитися яко старейшему князю; сретше же на сем пути твоём вестник некий глаголаше ти о злом умышлении Святополковом, - сему такожде не ял веры, ведуще себе ни в чемже согрешивша противу брата твоего. Ведуще убо сия добрая нрава твоего, вкупе с блаженным братом твоим Глебом, вопием вам: Радуйтеся, кротции агнцы противу вепря, брата, ничем же противуставшии; радуйтеся, чистии сердцем праведницы, ничтоже злое о нем помышлявшии. Радуйтеся, велиции исповедницы имене Христо-

ва даже до крове вашея; радуйтєся, земнии ангели, чистотою душ ваших небесных чертогов достигшии. Радуйтєся, мира сего мученицы, горних же высот блаженнии насельницы; радуйтєся, мира дольняго странницы, горняго же блаженства вечнии наследницы. Радуйтєся, Борисе и Глебе, великии и славнии стратотерпцы.

КОНДАК 3

Гилою Вышняго укрепляем, невоязненно приял еси смерть, блаженне Борисе, молитвою и верою в Создателя своего быв укреплен, аще же яко человек и тужил еси, обаче и Сам Господь Иисус Христос в ночь лютых страданий в Гефсимании моляшеся со слезами до пота кровава; своему же Владыце уподобляясь, и ты печалию одержим быв, но возложивши все упование свое на Господа, в день той же бяше суббота, вшед в шатер свой, молился еси с плачем Христу Богу и Пречистой Богоматери; во утрии же недели, певаемей утрени, весть прием яко убийцы твои близ есть, ждуще молитвы твоея скончания, прилежно молился еси и, егда совершися служба Божественная, всего себе предав воле Творца всяческих, Ему же за вся воспел еси: Аллилуиа.

ИКОС 3

Имущу душю твою устремленную в горня в чаянии смерти, ты, святой Борисе, прилежнее убо начен молитися, глаголя: «Господи, что ся умножиша стужающии ми, мнози встают на мя», - и прочее псалма того и, паки чтуще псалтырь со многим умилением, глаголаше псалом оный, в нем же суть слова сия: «К тебе привержен есмь от ложесн, от чрева матери моеи. Бог мой еси Ты, да не отступиши от мене, яко скорбь близ, яко несть помогая ми; Ты же, Господи, не удали помощь Твою от мене, на заступление мое вонми», - и прочая псалтыри Давидовы, от нея утешение почерпая и подавая образ терпения во злостраданиих и еже вящше поучатися в Законе Господни день и ночь. Сего ради тебе и святому брату твоему Глебу во умилении сердца глаголем: Радуйтесь, яко крини сельнии, во утрии дне жития дерзновенно урезаннии; радуйтесь, красотою чистых душ ваших паче оных украшеннии. Радуйтесь, гроздие винограда Божественнаго, кровь вашу аки вино в жертву Господеви источившии; радуйтесь, древа светлоплодовитая, рая всечестнаго шумом листвий своих Бодетеля всех отверзти врата молящая. Радуйтесь, древа, псалмопевцам воспевая, плодами духовными люб-

ве и веры Церковь возвеселившая. Радуйтесь, двоице святая, во псалмех воспитанная и сладчайшими псаломскими словесы в час смертный укрепленная. Радуйтесь, Борисе и Глебе, великии и славнии страстотерпцы.

КОНДАК 4

Бурею скорбных помышлений одержим бе святыи Борис по скончании утренняго пения и, взирая на икону Христову, с плачем глаголаше: «Господи Иисусе Христе, сим человеческим образом явлейся на земли спасения ради нашего и изволивый на Кресте пригвоздиться грехов ради наших, ты и мене сподоби о имени Твоем претерпети страдание сие, еже не от сопротивных, но от брата моего приемлю неповинно, и не постави ему, Господи, в грех сего». Таковей молитве, великий страдальче Борисе, дивящися, да сподобимся и мы, грешнии, подражати тебе, якоже ты Господу, на Кресте возносимому, глаголавшему: «Отче, отпусти им, не введут бо, что творят», и первомученику архидиакону Стефану, камением побиваему бывшу и вопиявшему: «Господи, не постави им греха сего», и подражая тебе, воспеваем присно песнь хваления за вся Господу: Аллилуиа.

ИКОС 4

Слышавше сия молитвенная и кроткая о мучителех своих глаголы святаго Бориса, жестокосерднии убийцы никакоже умягчишася, но паче исполняхуся злобою и, яко зверие лютии, внезапно нападоша на тя, святой страдальче, со оружием, обнаженными мечи и копии, и ударив тя, проводоша и повергоша на землю. Сие убо воспоминая, содрогаемся, и тебе, и блаженному Глеву похвальная восписуем сия: Радуйтесь, велиею любовию пламеневши даже до крове; радуйтесь, веру до лютаго скончания жития вашего непорочно сохраниши. Радуйтесь, словом и житием своим агнца Христа велегласно проповедавши; радуйтесь, и сами за Него заклани бывше якоже агнцы. Радуйтесь, от временныя жизни сея преставившиися к жизни нестареемей; радуйтесь, от суетныя скорогивнущия славы преселившиися ко славе вечней. Радуйтесь, Борисе и Глеве, великии и славнии страстотерпцы.

КОНДАК 5

Чужде убийцем милосердие воистину, егда заклавши тя, святе Борисе, нечестивии, зря тя повержена на земли, абие взяша и, обвинше в шатер якоже плащаницею, возложиша на колесницу

и везоша с собою и сретоша два варяга, посланнии от Святополка, и ти приникше видеша еще дышуща, обаче сие подвиже их паче на ярость, и извлек един от них меч свой, вонзе в сердце твое, и тако скончался еси, о великий мучениче, от зверонравных людей люте терзаемый, Господу же Мздовоздаятелю воспевший немолчно: Аллилуиа.

ИКОГ 5

Узре смерть святого Бориса, верный слуга его Георгий паде на тело господина своего и сице глаголаше: «Не оставляю тебе, господине мой любимый, но идеже красота тела твоего увядает, тамо и аз скончаю живот мой». И сия убо любовь слуги никакоже коснуса злых сердец: взявше убо копия, проводоша и Георгия, якоже и Бориса, таже Иудину нраву поревноваше, прельщени бывше златою гривною на выи Георгиевой, даром Бориса верному рабу своему, иже сняти никакоже бе мощно, отсекоша того ради главу Георгиеву; и мнози отроцы Борисовы таможде повии бывше, сострадаельцы господину своему явися. Сие лютое дело чад сатанинских умными очима нашими созерцая, благоговейне поем мученицем: Радуйтеся, Борисе и Глебе, святые Руси новии стра-

стотерпцы; радуйтєся, прославленнии в лицє святых мученик. Радуйтєся, и с собою приведши лик сострадальцев; радуйтєся, увенчанныи нетленною славою мученических венцев в горних обителех. Радуйтєся, земную плачевную юдоль пренебрегшии, зря умными очима славу небеснаго чертога; радуйтєся, онаго чертога достигшии и венец победы от Христа приявшии. Радуйтєся, Борисе и Глебе, великии и славнии страстотерпцы.

КОНДАК 6

Проповедует мир христианский величие страданий святых мучеников Бориса и Глеба, имея их, яко путеводителей своих к Горним Селениям, глаголет бо святой Симеон Метафраст, писатель деяний святых Божиих, яко: «Жития и подвиги святых подобятся светлости звезд, якоже бо звезды положением на небеси утверждени суть, всю же поднебесную просвещают, тыяжде и от индиан зрятся, не сокрываются и от скифов, землю озаряют и морю светят, и плавающим корабли управляют, ихже именаше и не вемы, множества ради, обаче светлей доброте их чудимся, сице светлость святых, аще и затворены суть мощи их во гробех, но силы их в поднебесней

земными пределами не суть определены». Чудимся тех житию и удивляемся славе, еюже Бог угодившия Ему прославляет, воздвигая и нас хладных ко славословию имени Его пети со умилением: Аллилуна.

ИКОС 6

Светом Троицким просвещаемии в горних обителех души мученическия, выну предстоящи Престолу Того, за Него же лютыя муки претерпеша на земли, свыше от оных горних чертогов молитвами своими ниспосылают нам от Творца всяческих мир и благоденствие, аще токмо память их чтим и просим помощи их усердно, не усты токмо, но и паче сердцем; почитая тако и память святых страстотерпцев Бориса и Глеба, во умилении сердечнем глаголем: Радуйтесе, доблестнаго лика мученическаго светлое сияние; радуйтесе, всего рода христианскаго славо и украшение. Радуйтесе, добродетелей евангельских честная вместилища; радуйтесе, взыскательне небеснаго вечнаго сокровища. Радуйтесе, венцем вечнаго веселия на небеси увенчанныи; радуйтесе, и нас, сущих на земли, помощию своею не оставляющии. Радуйтесе, Борисе и Глебе, великии и славнии страстотерпцы.

КОНДАК 7

Мира сүетнаго сладости не ўдержаша вас на земли, мученицы святии Борисе и Глебе, от княжеския славы ко славе вечней прешедше, онюю бо вечнүю святюю красоту небес умными очима зрели есте. Ёя сладости лютым пүтем мучения достигосте и тамо во храме Небесныя дивныя Божия славы ү Престола Вседержителя Бога воспеваесте вынү: Аллилуиа.

ИКОС 7

Егда проводен бе святой Борис и тайно без единыя почести погребен в Вышгороде, Святополк зверонравный помышляше в себе, како и Глеба ўбити; сей же ўбо Глеб от единыя со святым Борисом матери сын бе Владимирү, юн сый, нравом кроток, тих и незловив. Семү ўбо княжашү в Муроме, посла Святополк, лестно глаголюще: «Отец вельми болит и зовет тя к себе, хотяще видети тебе, гряди ўбо, борзяся в малей дрүжине». Вняв ўбо сим глаголам, Глеб святой скоро потщися иде в Киев, не испытүя вести сия, любяше бо отца своего и крепким желанием горя об-

ловызати его честныя седины. Мысленне воспоминая сие скорое твое течение ко смерти, тебе и брату твоему Борису умильно зовем: Радуйтесь, лестию уловленные и к смертному пределу земныя жизни вашей скоро текшия; радуйтесь, лютыми страданьми небеснаго покоя достигшии. Радуйтесь, о телесех своих всячески небрегшии; радуйтесь, души ваша Господеви приобретшии. Радуйтесь, земную плачевную юдоль без сожаления оставльшии; радуйтесь, небесную славу улучити сподобльшиися.

Радуйтесь, Борисе и Глебе, великии и славнии страстотерпцы.

КОНДАК 8

Гранно есть людям христолюбивым видети, како брат окаянный избиваше братию за почести Великаго на Руси князя и богатство многих градов и областей, но таковы убо мысли людей нечестиваго века сего и таковы козни людей, яже не Богу служат, не о Бозе помышляют, но похотем своим и миру погибельному усердно работают, в помрачении ума и сердца своего дерзкия хулы изрыгая на Господа Творца всяческих; мы же, благоговейно почитая память мучеников, Богу Благодетелю нашему вопием выну песнь хвалы: Аллилуиа.

ИКОС 8

Весть прием от сестры своея Предиславы из Киева, брат святых мученик Ярослав, князь Новгорода, возвести святому Глебу о лукавствии Святополка, текущу же скоро в Киев Глебу и пришедшу ему на устье Волги, нощию потчеса под ним конь в рове и вреди ему мало ногу, того ради седе в ладню, пливше до Смоленска и в урочище, Смядень глаголемое, приставшу ему ко берегу, достиже тая весть Ярославова: «Не иди в Киев ко Святополку, понеже отец наш уже умре, Святополк же уби Бориса и тебе хочет убить». Сию весть слышавши, святой Глеб много плакася по отце и убиеннем брате, мы же, внемлюще ему благосердому плачу, от глубины души взываем святым страстотерпцем сице: Радуйтесь, земному отцу послушествоваше и любви Отца Небеснаго сподобистесь; радуйтесь, яко от отца земнаго Небесному Отцу сопритчостесь. Радуйтесь, велию любовь ко отцу своему земному даже до смерти своея неославно имевшии; радуйтесь, любовью небесною, аки огнем, пламеневшии и ею в чертоги Отца Небеснаго притекшии. Радуйтесь, небеснаго утешения паче земнаго во псалмах Давидовых разыскавшии; радуйтесь, всякую земную радость презревшии. Радуйтесь, Борисе и Глебе, великии и славнии страстотерпцы.

КОНДАК 9

Вести о убийении брата Бориса пришедшей, и сами убийцы от Святополка достигоша тебе, Глебе святой, и нападоша на ладю твою; ты же, узрев разбойники тыя, воздев рүце своя, со слезами моляшеся псаломскими словесы, якоже и Борис, сими спасительными словесы Давида Псалмопевца, егоже ради во святей купели Крещения наречен был еси: «Буди, Господи, обидящия мя, повори борющия мя, прими оружие и щит и востани в помощь мою; изсүни меч и заключи сопротив гонящих мя, рцы дүши моей: “Спасение твое есмь аз”». Посреде тоя молитвы трапезарь твой, имея враждү на тя, ем тя создаи за главү, вонзе нож в гортань и, аки агнца непорочна, закланием предаде смерти. Да үмягчит жестокая сердца наша Господь и наставит посреде сени смертныя воспевати, якоже и тии страсготерпцы, песнь хваления: Аллилуиа.

ИКОС 9

Витийство всякое сүетных мүдрецев века сего окаяннаго не постигнет и не разүмееет доблественнаго страдания страсготерпец святых Бориса и Глеба, како сии в юныя леты победиша страх

смертный, како не прилежали миру, но Бога возлюбивше, Ему Единому всех себе предали суть, смерть приявши, хвалу воспевая Господеви; сего суетнии люди постигнути не могут, и врази Креста Христова сущи, Христа Бога уничижают, хулы глаголют и на святых Его, обаче не ведают Писания, яко Бог поругаем не бывает. Мы же, ублажая житие и кончину страстотерпец святых Бориса и Глеба, усердно им вопием: Радуйтеся, юродивую мудрость мира презревшии и горняя мудрости взыскавшии; радуйтеся, в скорбех земных небрегшии и радость небесную обретшии. Радуйтеся, Агнца ради Христа, и сами в подобии агнцев заклание претерпевшии; радуйтеся, от мрака земнаго к Небесному свету устремившиися. Радуйтеся, горняго мира святини наследницы; радуйтеся, дольняго мира, по слову апостола, мудрии странницы.

Радуйтеся, Борисе и Глебе, великии и славнии страстотерпцы.

КОНДАК 10

Спасению душ наших послужиша, мученицы святини, показаша бо нам, яко болезни тела Христа ради души спасают и очищают от грехов. Тем же молим вас, мученицы Христовы Борисе и Глебе,

молитесь за ны ко Господу, спасите души наша предстательством своим, правдивыя страсотерпцы и истинныя Евангелія Христова послушатели, да молитвами вашими управляемии, достигнем Небеснаго Царствия и тако воспоем Господу, Победителю смерти и ада: Аллилуиа.

ИКОС 10

Свет чудес и исцелений возсия от телес ваших, святини страсотерпцы, положенным бывшим мощем вашим в Вышгороде, первое под спудом, тоже изнесенным от земли во храм, от брата вашего Ярослава созижденный; по мнозех же летех князь Мономах Владимир, храму каменну созданну бывшу, внесе в онь святая телеса ваша, чудесы сияющая. Сия благоговейне воспоминаая, умиленно глаголем вам, святини: Радуйтеся, вместилища благодатных дарований Духа Божественнаго, Его же храмы нерукотворенныя телеса ваша суть; радуйтеся, сокровища благодати, немощная врачующей, в телесех ваших пребывающей. Радуйтеся, даром благодати сия отроку, скорчену имущу ногу, исцеление явлением своим подавшии; радуйтеся, слепцу прозрение даровавшии и хромому, отсечену ногу имущу и принесену бывшу к раце мощей ва-

ших, ногу во единем часе во удивление всех зрящих возрастившии. Радуйтеся, жену некую, не почетшую дне святителя Николая, усущением руки вразумившии и по слезном покаянии у мощей ваших исцелившии; радуйтеся, тому же святителю Николаю поревновавшии, оклеветанных князю Михаилу неправедно мужей от темницы свободившии.

Радуйтеся, Борисе и Глебе, великии и славнии страстотерпцы.

КОНДАК 11

Пения похвальная приносит вам, святни страстотерпцы, земля ваша от дней преставления вашего страдальческаго и до днесь, воздвигает храмы имени вашему, почитает дни страданий ваших, величается о имени вашем. Переяслав, древний град отца вашего Владимира, совершая во вся лета в память вашу крестная хождения по берегу реки Альты, на нейже святой Борис заклан бысть, радуется. Радуется и весь Бориспольская, яко весь Борисова нареченная воспоминанием страстей ваших. Сего ради в радости духовней вопием: возсия днесь преславная память ваша, страстотерпцы Христовы Романе и Давиде, созывающи нас к похвалению Христа Бога нашего; тем притекая к вам исцеления дар приемлем, вы же,

с лики ангельскими предстояще Святей Троице, моли-
теся спастися нам, поющим во умилении сердца Богу:
Аллилуиа.

ИКОС 11

Страшную казнь прия от правосуднаго Господа
новый Каин - Святополк, иже прозвание ока-
яннаго от потомства ему дадеся, по убийении
во страстотерпцев святых Бориса и Глеба и третияго
брата Святослава умертвил есть, авие же по сих Ярос-
лав собра вои, подвижесе ратию на Святополка и побе-
ди его на месте убийения Бориса святаго по мнозей мо-
литве сицевой: «Кровь братий моих вопиет от земли
к Тебе, Владыко, Господи Боже мой, но молю Тя, Все-
благий Творче, Судне Праведный, отмсти кровь пра-
ведных сих, якоже кровь Авелеву на Каине, положив на
него трясение, тако положи трясение и на сем окаян-
нем Святополке, яко да не возможет проливати более
крове братния и христьянска». И бысть тако по молит-
ве сей: стена и трясыйся, якоже Каин, бежа Святополк
через всю землю Ляшскую, вопия: «Се женут нас, бежи-
те, бежите», и в пустынях Ляхии и Чехии сконча живот
свой. Ужасом одержимии, зря лютую кончину окаянна-
го, вопием вам, мученицы святии: Радуйтеся, незло-

биво смерть приявши, научите смирению и нас, гордостию возносящихся. Радуйтесь, от властолюбия мученнии, свободите ны от духа любоначалия. Радуйтесь, не сопротив ставшии врагү, сущү братү вашему, дадите и нам крепость в несении скорбей; радуйтесь, не противльшиися зломү үхищрению, ниспошлите и нам дивный дар терпения. Радуйтесь, крепости Божественной исполненнии, үкрепите ны на пүти спасения; радуйтесь, от соблазнов сүетнаго мира отвергшиися, молитвами вашими нас вечнаго плача исхитите. Радуйтесь, Борисе и Глебе, великии и славнии страсто-терпцы.

КОНДАК 12

Благодатию, данною вам от Бога, во еже помогати скорбящим и озлобленным, помощь даровали есте, святини, князю Александрү на реце Неве противү сеев, виде бо вас при захождении солнечном воевода Филипп, на реце посреди корабля стоящих и плывүщих: «Гребцы же седяхү аки мглою одеяни», и слыша глаголанне сие: «Брате Глебе, пойдём скоро да поможем сроднику нашему», и во үтрий день Александр победи враги и короля их үязви мечем в лице. Такожде и Димитрию во одоление Мамая явили есте помощь, воздвизая пети Богү благодеющемү сицевая: Аллилуна.

ИКОС 12

Поюще ваша, святии страстотерпцы Борисе и Глебе, страдания, ублажаем ваше дивное непостижимое терпение и, почитая святую память вашу, молимся вам: сохраните мирную страну нашу, великим отцем вашим святым Владимиром во Святем Крещении просвещенную, укрепите дух и рuce православных, борющихся со мглою неправды, даруйте совершенную победу истины и света над тьмою неверия и безбожия и примите похвальная сия: Радуйтеся, истинная Евангелия послушателя, даруйте и нам оное разумение Евангелия; радуйтеся, Закона Христова богописанныя скрижали, дадите и нам сего Закона разумное ведение. Радуйтеся, целомудрия хранители от младости, научите и нас воздержанию плоти в вещи сем прелюбодейнем и грешнем; радуйтеся, незловия учителя, покажите и нам незловия путь к Царствию Небесному. Радуйтеся, о убийении телесе небрегшии, дадите и нам мужество против убивающих тело, души же немогущих убити; радуйтеся, правую веру до конца сохраниши, обличите тыя, яже от веры отеческия правыя отпадают. Радуйтеся, Борисе и Глебе, великии и славнии страстотерпцы.

КОНДАК 13

 всехвальнии страстотерпцы Христовы Борисе и Глебе, во святей купели Крещения Романе и Давиде нареченнии, призрите с высоты небесныя на нас грешных, скорбящих и озлобленных, милости Божия и помощи требующих, услышите глас моления нашего, тепле вам возносимый, и от всяких зол, болезней и бед свободите ны. В час же кончины нашея укрепите славеющий дух наш, да во исходе нашем от вреннаго сего тела, таможде, у дивнаго Престола Царя Славы, с лики ангельскими воспоем: Аллилуа.

Этот кондак читается трижды, затем 1-й икос «Ангельски поживше на земли...» и 1-й кондак «Избраннии и всехвальнии...».

ДВЕ МОЛИТВЫ

СВЯТЫМ И БЛАГОВЕРНЫМ КНЯЗЬЯМ
и страстотерпцам Борису и Глебу

* * *

 Двоице священная, братие прекрасная, доблии страстотерпцы Борисе и Глебе, от юности Христу верою, чистотою и любовью послужившии и кровми своими, яко багряницею, украсившиися и ныне со Христом царствующии, не забудите и нас, сущих на земли, но яко теплии заступницы, вашим сильным ходатайством пред Христом Богом сохраните юных во святей вере и чистоте неврежденными от всякаго прилога неверия и нечистоты, оградите всех нас от всякия скорби, озлоблений и напрасныя смерти, укротите всякую вражду и злобу, действием диявола воздвигаемую от ближних и чуждых. Молим вас, христолюбивии страстотерпцы, испросите у Великодаровитаго Владыки всем нам оставление прегрешений наших, единомыслие и здравие, избавление от нашествия иноплемennых, междоусобных брани, язвы и глада. Снабдевайте своим заступлением всех чтущих святую память вашу во веки веков. Аминь.

* * *

 двоице священная, страсотерпцы Борисе и Глебе! Не забудите нас, раб Божиих (имена), но яко заступницы, вашим сильным ходатайством пред Христом Богом нас помилуйте; от нечистоты сохраните, от скорби, озлоблений и внезапная смерти избавите. Испросите у Великодаровитаго Владыки нам оставление прегрешений наших, единомыслие и здравие. Снабдевайте заступлением вашим приход сей, дом (святой храм) сей и вся чтущия святую память вашу во веки веков. Аминь.

ТРОПАРЬ

мученикам благоверным
князьям Борису и Глебу,
в Крещении Роману и Давиду

Тропарь, глас 2

Правдивая страсотерпцы и истинныя Евангелия Христова послушатели, целомудренный Романе с возлюбленным Давидом, не сопротивста врагу сущу брату, убивающему телеса ваша, душам же коснутися не могущу: да плачется убо злый властолюбец, вы же радующесе с лики ангельскими, предстояще Святей Троице, молитесе о державе сродников ваших, Богоугодней быти, и сыновом Российским спастися.

Тропарь, глас 4

Мученическою кровию порфиру окропивше светло, украшени предстоите, страдальцы славнии, Царю Безсмертному, и, венцы славы от Него примше, молитесе стране нашей подати на враги одоление и душам нашим велию милость.

Тропарь,
глас 4 (Перенесение мощей)

Днесь церковная расширяются недра, приемлющи богатство Божия благодати, веселятся русские соборы, видяще преславная чудеса, яже творите приходящим к вам верою, святии чудотворцы Борисе и Глебе, молитѣ Христа Бога, да спасет души наша.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Святые Борис и Глеб рядом с нами	3
С мечом в руках, без злобы в сердце	8
Житие и чудеса святых страстотерпцев Бориса и Глеба	16
Первые русские страстотерпцы Борис и Глеб	48
Состояние веры и нравственности в эпоху Бориса и Глеба	66
Святые страстотерпцы Борис и Глеб: к истории канонизации и написания жития	86
Благословенное воинство: воинская тематика в церковном искусстве	126
Вышгород и его роль в истории Руси	148
Повесть временных лет (отрывок)	210
Гимн святым	214
Акафист святым и благоверным князьям и страстотерпцам Борису и Глебу	216
Две молитвы святым и благоверным князьям и страстотерпцам Борису и Глебу	238
Тропарь мученикам благоверным князьям Борису и Глебу, в Крещении Роману и Давиду	240

Протоиерей Димитрий Денисенко
Борис Николаевич Кузык

БОРИС И ГЛЕБ

Жизнь, подвиги, чудеса первых русских святых
Духовное чтение для познания истории Святой Руси

Книга подготовлена к печати на компьютерной базе
газеты Черкасской епархии УПЦ «Голос Православия»

Идея оригинал-макета, компьютерный дизайн
Александр Горшков

Использованы цифровые фотографии
Александра Кравченко (Nikon CoolPix 5700),
Александра Слепцовского,
а также из личного архива Бориса Кузыка
и протоиерея Димитрия Денисенко.

Ответственный за выпуск О. А. Серов
Литературный редактор Ю. А. Лигун
Технический редактор В. А. Усенко
Корректор В. А. Нечай
Компьютерная верстка Т. В. Карпенко

Подписано к печати 30.03.2005. Формат 60×84 1/8.
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 27,5. Усл. кр.-отг. 110,0. Уч.-изд. л. 28,92.
Тираж 4000 экз. Заказ № 146.

Смелянское государственное
производственно-полиграфическое предприятие «Тясмин»
Украина, 20700, Черкасская область, г. Смела, ул. Победы, 16
Свидетельство ДК № 1483 от 01.09.2003 г.

Типография ООО «Производственно-коммерческая фирма «АРТ-ПРЕСС»
Украина, 49050, г. Днепропетровск, ул. Казакова, 3
Тел. (056) 370-20-27

ISBN 966-7036-53-7